821.161'04PB
C483

EX LIBRIS
1615
1992
НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА
УНІВЕРСИТЕТУ
«КИЄВО-МОГИЛЯНСЬКА АКАДЕМІЯ»

821.161°04РВ
С483

БИБЛІОТЕКА „ЗОРѢ“.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВÔМЪ.

ТЕКСТЪ ЗЪ ПЕРЕКЛАДОМЪ

и зъ поясненемъ старорускихъ правилъ акцентовыхъ и ритмичныхъ

426408

выдавъ

ОМ. ПАРТЫЦКІЙ.

Дарунок від
Є. Л. Лукіш

Наукова бібліотека
Національного університету
«Києво-Могилянська
академія»

ВО ЛЬВОВѢ, 1884.

Зъ друкарнѣ Товариства имени Шевченка
пôдъ зарядомъ К. Беднарского

Вступнй уваги*).

Єще року минувшого, поясняючи темнй мѣстця въ „Словѣ о полку Игоревôмъ“, обѣцявъ я подати розправу про старорускій акцентъ и про ритмику давного нашого поемату. Задача була для мене дуже трудна. На тôмъ поли нѣ въ нашôй, нѣ въ россійскôй, нѣ въ старославяньскôй литературѣ не доведено до нѣякихъ результатôвъ, въ загалѣ не зроблено навѣть якихъ-такихъ початкôвъ, бо въ старовину акцентованыхъ книжокъ не було, отже и нема теперь пôдставъ до розъясненя такъ важного въ языцѣ нашôмъ появу.

Лишаєсь одно „Слово о пълкоу Игоревѣ“. Єсть поематъ, — муситъ бути въ нѣмъ и ритмъ якійсь, — а єсли єсть ритмъ, то муситъ ôнъ бути переведеный пôсля певныхъ засадъ акцентовыхъ. Отъ и взялись ученй за тое „Слово“. Обзнакомленй зъ многими языками свѣта — зъ санскритскимъ, перскимъ, греческимъ, латиньскимъ, готскимъ и т. д. — они довгій часъ порôвнували, комбинували, спорили, однакъ въ кôнци узнали всѣ свои труды даремными и порѣшили однодушно, що въ старорускôмъ памятнику єсть вправдѣ якійсь ритмъ

*) Уваги тіи помѣщенй вже були въ 9. числѣ сегорôчнои „Зорѣ“. Тутъ передруковую що важнѣйше ка ново, вразъ зъ гдеякими доповненями и поправками, о скôлько они конечно потрѣбнй для зрозумѣня цѣлои розправы.

и що ухо той ритмъ чуе, але годѣ его науково сконстатувати, бо „правилъ староруской ритмики и староруского акценту не знаемо“.

Та найшовъ ся въ Россіи якійсь Нѣмчикъ, що замотану справу акцентову безъ великого труду розвязавъ. Менѣ лучилось недавно бачити въ львôвскôй библіотецѣ Оссолиньскихъ одно дуже цѣкаве выдане „Слова“ въ видѣ рукописи. Згаданый Рейнгардъ переписавъ власною рукою цѣлый поематъ, наслѣдуючи староруский способъ писаня, и тую рукопись посредствомъ литографіи, чи якимсь може иншимъ способомъ, выдавъ на свѣтъ божій. При ближшôмъ розглядѣ я дôзнавъ ся, що Рейнгардъ своимъ выданемъ задумавъ перевести ритмику „Слова“. И якъ жежь ôнъ то робитъ? Ôнъ бере за пôдставу нынѣшній акцентъ великорускій, при тôмъ читае кожде ъ и кожде ь яко повну самогласну, а где ему забракне силябы, ôнъ собѣ при якôй небудь согласнôй дописуе букву ъ. Отъ н. пр. перше речене „Слова“ ôнъ собѣ такъ скомпонувавъ: **Не лѣпо ли ны бѧшетъ, братїе, начѧти сътарыми словесы трѹдныхъ повѣстїй о пълкоу Игоревѣ?**

Зъ тои пробки переконаютъ ся Читателѣ, якого того рода „науковыя разработки“ пишутъ ся Рейнгардами. Изъ слова „**братїе**“ робитъ ся „**бъ+ратїе**“, изъ „**старыми**“ повстало „**съ+тарыми**“, слово „**трѹдный**“ перемѣняе ся на „**тъ+рѹдный**“ — и такъ иде черезъ весь поематъ, ажь до послѣдного слова „аминь“. Рейнгардови байдуже про те, що наведенй нимъ слова въ такôмъ видѣ не знанй нѣ въ староруской, нѣ въ старославяньскôмъ, нѣ въ нынѣшнихъ языкахъ славяньскихъ; байдуже и те, що порôвнавча наука языкôвъ посередъ бесѣдъ индоевропейскихъ не находитъ для такихъ формъ оправданя, — ôнъ маючи въ запасѣ богато іоркôвъ та ѣркôвъ

кладе ихъ, где тôлько буйна фантазія того забажає.

И въ чôмъ же причина, що наука про акцентъ зôйшла на такй манôвцѣ, на дорогу низкои, недостойнои забавки, на просте посмѣховище людей, що маютъ бодай якй-такй здоровй змыслы?

Причинъ ту двѣ. Одна, що ученй надто оглядались на иншй языки, а не шукали правилъ акцентовыхъ въ самôмъ памятнику старорускôмъ. Друга, що ученй надто рефлектовали на нынѣшну, живучу бесѣду: Малорусины хотѣли читати все по свому, Великороссы знову по свому, забуваючи, що межи часами Игоревыми а нынѣшными лежитъ спорый шматъ часу — бôльше якъ 700 лѣтъ. А въ тыхъ 700 рокахъ яку то революцію не перебула наша бесѣда! Въ „Словѣ о полку Игоревôмъ“ подыбуємо єще самогласнй ρ и л, подыбуємо самогласнй ъ и ь, подыбуємо формы коротшй старославяньскй и формы повноголоснй рускй, подыбуємо слѣды довгихъ и короткихъ самогласныхъ, подыбуємо вымерлй теперь формы, якъ aoristus, imperfectum, dualis, подыбуємо двояку ôдмѣну приложникôвъ и т. д. Якъ жежь все то читати и наголошувати, коли въ нынѣшнôмъ языцѣ тыхъ звукôвъ и формъ нема, а языкъ церковный пôдъ взглядомъ акценту представляє вже постать надто зрущену, новѣйшу, часто на довольныхъ придумкахъ и правилахъ оперту?

Докладнй слѣдженя въ области нынѣшнихъ нарѣчій рускихъ, а особливо въ нашихъ горахъ, моглибы кинути богато свѣтла на справу акцентову. Тôлькожь такихъ слѣджень доси якбы не було. Я читавъ розправы о малорускôмъ акцентѣ Дра В. Ганкевича и проф. И. Верхратского — та небогато зъ нихъ довѣдавъ ся. Дръ Ганкевичь самъ часто зле акцентує, а послѣдній, пишучи

для не-Русинôвъ, констатує тôлько, що н. пр. слово „водá“ має акцентъ на послѣднôмъ складѣ, а слово „дóля“ на першôмъ складѣ. Для чужинцѣвъ, очевидно, и те добре знати, але для насъ важна рѣчь довѣдати ся, для чого одно слово такъ, друге инакше наголошуєсь, для чого акцентъ въ рôжныхъ падежахъ змѣнный, для чого и пнѣ слôвъ разъ такій, разъ иншій акцентъ мають. Стереотипне покликоване на „духа языка“ єсть дуже выгôдною фразою, але знову треба выяснити, що то єсть той загадочный „духъ языка“, якими засадами акцентовыми бесѣда наша руководила ся и руководитъ ся при твореню и при ôдмѣнѣ слôвъ. У насъ, въ рôжныхъ околицяхъ, буває и ôдмѣнный акцентъ, отже и иншій „духъ языка“. Случаѣвъ ôдмѣнного наголошуваня на Украинѣ а въ Галичинѣ єсть дуже а дуже богато, тай въ самôй Галичинѣ рôжницѣ мѣжь горами а долами часто засадничѝ, — о Лемкахъ въ западнôй Галичинѣ навѣть не говорю. Отже въ той хаосъ акцентовый требабы конечно якійсь ладъ впровадити, треба посредствомъ науки, зъ незбитыми доказами, зъ желѣзною консеквенцією выказувати, що єсть правильне а що нѣ, и где тôлько єще можна, треба управильнювати нашь выговоръ. Акцентъ рускій то не абы-яка марна рѣчь,— се велика вѣками хоронена и вѣками намъ передана спадщина, истинна святыня народна, котру єсли коли, то въ нынѣшнихъ часахъ мы въ Галичинѣ беречи и плекати повиннѝ.

Якъ нема въ природѣ самовольныхъ скокôвъ, а всякѝ переобразованя ôдбуваютъ ся постепенно и пôсля певныхъ одвѣчныхъ правилъ, то такъ дѣєсь оно и зъ бесѣдою людскою. Она живе, розвиває ся, переобразовує ся, та все пôсля певныхъ, сталыхъ засадъ, єсли тôлько не станутъ въ дорозѣ якѝ шкодливѝ вплывы посторонннѝ.

Єсть отже межи теперѣшностею а минувшостею такожь пôдъ взглядомъ акценту непрорывна, исторична звязь, котрои не годитъ ся спускати зъ ока.

Про важнôсть докладного пôзнаня староруского акценту промовляє єще одна важна обстанова. Якъ звѣстно, текстъ „Слова о полку Игоревôмъ" въ многихъ мѣстцяхъ єсть надто попсованый, такъ въ рѣчевôй части, якъ и въ языковôй. Я самъ въ торôчнôй „Зори" пояснювавъ надъ 50 темныхъ мѣстць „Слова", головно тѝ уступы, що ôдносятъ ся до поганьскои вѣры Варягъ-Скандинавцѣвъ и до поганьскои вѣры давныхъ Русинôвъ; а языковыхъ и словарскихъ хибъ и неточностей можна въ „Словѣ" начислити такожь що найменше другихъ 50 выпадкôвъ. Очевидно, що для поясненя, справленя, або усуненя тыхъ хибъ и неточностей передовсѣмъ и найбôльше придати ся повинно ритмичне провѣрене тексту.

Возьмѣмъ тôлько одинъ случай. При кôнци „Слова" згадуєсь про рѣку Стугну и якъ она выляла зъ берегôвъ, а дальше додана така увага: **„Оуношоу князю Ростиславоу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ"**. Довго интерпреты томились надъ поясненємъ того загадкового реченя, ажь недавно ученый Великороссъ, князь Вяземскій, выказавши очевидну похибнôсть въ горѣшнôй стилизаціи, запропоновавъ зробити таку поправку въ текстѣ: **„Оуношоу князя Ростислава затвори днѣ при темнѣ березѣ"**—значитъ: (*рѣка Стугна*) *затопила молодого Ростислава при темнôмъ своѣмъ березѣ.* Той коментарь у всѣмъ згожує ся зъ поданями лѣтописными и вводитъ якъ найкрасшу гармонію и логичну та рѣчеву звязь въ дотычный текстъ „Слова", а предсѣ не вдоволились нимъ другѝ интерпреты, котрѝ за нѣщо въ свѣтѣ не хотѣли розстати ся зъ выраженємъ „**Днѣпрь**". Єсли отже яснѝ

якъ сонце доказы, если глубокоумна интерпретація и геніяльна поправка кн. Вяземского не могли переконати другихъ интерпретôвъ, — то чи можливый буде коли небудь розумный выхôдъ зъ того коментаторского лябиринту? Конечно, яко „ultima ratio", посередъ всѣхъ тыхъ суперечностей и недовѣрчивостей, рѣшати муситъ и рѣшати буде — ритмика, акцентъ. Тай истинно покажесь тогды, що коментарь кн. Вяземского есть въ тôмъ мѣстци едино добрый, бо ôдповѣдае всякимъ вымогамъ доброи ритмики.

Про методу, якои я державъ ся при дослѣджуваню староруского акценту, подана була обширнѣйша згадка въ 10-ôмъ числѣ „Зорѣ". Колижь, по довшихъ томлячихъ блуканинахъ, взявъ ся я за переписоване поемату пôсля ритмичныхъ вымогъ, замѣтивъ я зъ немалымъ задивованемъ, що мои дослѣды въ многихъ засадничихъ точкахъ сходятъ ся зъ гдеякими правописными властивостями поемату. Не одно, що мы въ „Словѣ" звыклй були называти языковыми и правописными блудами, походячими нѣбы-то ôдъ переписовачѣвъ, оказалось теперь автентичною, нарокомъ въ цѣляхъ ритмики придуманою правописею самого автора „Слова".

Такимъ чиномъ найшлась въ правописи поемату перша и дуже важна пôдстава до дальшихъ слѣджень. Держачись тои правописи, мôгъ я вже лекше дôйти бодай гдеякихъ правилъ акцентовыхъ и розпôзнати яко-тако ритмичну будову староруских стихôвъ. Отъ и въ кôнци ясно стало менѣ, що мы маемо тутъ дѣло зъ поезіею зовсѣмъ окремого рода, котра опираесь не такъ на римахъ, якъ бôльше на алитераціи и ассонанціи звукôвъ, подôбно якъ то було въ сучаснôй сканди-

навскôй поезіи зъ 12-ого столѣтія. Се була друга великои ваги добычь, котра знову послужила менѣ дуже цѣнною указкою при порядкованю цѣлого поемату на поодинокй стихи*).

Довершивши дѣла, розглянувсь я уважнѣйше въ акцентахъ ново-повсталои поезіи и замѣтивъ, що побôчь акценту нынѣшного въ многихъ словахъ выходятъ акценты зовсѣмъ иншй, падаючй выключно лишь на силябы коренни, якъ: **твóрити, мúноути, зéленый, вéселый, пóганый, вéликый, хóтыте, úдоуте, вéдете**, а навѣть **зóвоуте** и т. д. Менѣ выдались такй акценты дуже правильными, а про ихъ колишне загальне уживане свѣдчила менѣ бесѣда нашихъ галицкихъ гôрнякôвъ, у котрыхъ до нынѣ замѣтна склоннôсть до акцентованя силябъ коренныхъ. Я той акцентъ назвавъ прарускимъ, а въ дальшôй консеквенціи старославяньскимъ; за его помочею ôдкрывъ я зовсѣмъ правильный ритмичный укладъ въ щоденныхъ нашихъ молитвахъ, а подекуды и въ церковнôй литургіи.

Розглядаючись въ творахъ староруской литературы замѣтивъ я еще дуже выразну ритмичну будову стихôвъ въ такъ званôмъ „Словѣ Даніила Заточника". Твôръ той зъ руки переписовачѣвъ не выйшовъ такъ правильный, якъ поематъ про Игоря, тай акценты многихъ выразôвъ выходятъ въ нѣмъ инакшй, але всежь есть то ритмичный утвôръ, въ котрôмъ въ гдеякихъ случаяхъ можна було шукати порады.

Такъ отже пять чинникôвъ зложилось на тое, щобы менѣ уможливити студію надъ старорускимъ акцентомъ. Суть ними: 1) правописнй властивости

*) Стихи, збудованй на пôдставѣ ассонанціи звукôвъ, рѣшаютъ зъ всякою певностею пытане, якъ авторъ „Слова" вымовлявъ самогласнй ѣ, ъ, ь, и.

поемату, зазначенѝ въ выданю Муссинъ-Пушкина; 2) ритмична будова стихôвъ, оперта на алитераціи и ассонанціи звукôвъ; 3) Слово Даніила Заточника; 4) акцентъ въ жиючôй бесѣдѣ рускôй (особливо въ нашихъ горахъ); 5) ритмика церковныхъ молитовъ.

До щасливого переведеня сеи працѣ немало причинились еще слѣдженя на поли староруского звукословія такихъ ученыхъ, якъ Максимовичь, Востоковъ и проф. А. Потебня. Безъ ихъ трудôвъ я бы не знавъ, що н. пр. въ старорускôмъ языцѣ побôчь **полкъ, волкъ, солнце, Хорсъ, черный** говорилось также: **полокъ, волокъ, солонце, Хоросъ, череный** и т. д. Сесѝ повноголосни формы приходятъ дуже часто въ старорускôмъ поематѣ и лишь при такôмъ читаню можна було близько цѣлу сотку стихôвъ уняти въ правильну ритмичну форму. Цѣнною була для мене такожь розправа проф. Потебнѣ о уживаню и звуковôй вартости старорускихъ самогласныхъ **ъ** и **ь**; надѣюсь, що ученый той мужь найде въ теперѣшнôмъ выданю „Слова" найкрасше оправдане для своихъ выводôвъ.

Въ многихъ мѣстцяхъ послугувавсь я еще зъ великимъ хôсномъ працями нашихъ галицкихъ ученыхъ: Як. Головацкого („Розправа о южнорускôмъ языцѣ") и Дра Ом. Огоновского („Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache").

Ом. П.

Увага. Самогласну **ъ** заступую въ текстѣ черезъ **о**, а **ь** черезъ **е**. Обѣ тѝ буквы легко розпôзнати, бо печатанѝ не кирильскимъ письмомъ, лишь гражданкою.

Слово о пълкоу Игоревѣ.

I.

Не лѣпо ли ны бѧшете, — бра́тие,
Начѧти́ стары́ми словесы́
Трꙋ́дных по́вѣстий о по́локоу Иго́ревѣ,
И́горѧ Свѧтсла́вличѧ?

Нача́ти же сѧ той пѣсни́
По бы́линамо се́го вре́мени,
Ѧ не́ по замышле́ню Бо́жаню.
Бо́жано бо вѣщий, —
Ѧще́ комꙋ́ хотѧ́ше пѣ́сне тво́рити,
То растѣ́кашете сѧ:
Сла́вию по мы́сленоу древꙋ́,
Сѣры́ме во́локоме по земли́,
Шизы́ме о́рломе под о́блакы.

По́мнѧшете бо, — ре́че, пе́ревых вре́мен оусо́бицѣ:
Тогда́ поущѧ́шете десѧ́ть соко́лово на ста́до ле́бедей,
Кото́рый дотечѧ́ше,
Та пре́ди пѣснь поѧ́ше:
Ста́ромоу Ꙗро́славоу, храбро́моу Мсти́славоу,
Иже́ зарѣ́за Ре́дедю пред по́локы касо́жскыми, —
Кра́сномоу Рома́нови Свѧтсла́вличю.

Бо́яно же, бра́тие, —
Не деся́ть соко́лово на ста́до ле́бедей поущáше,
Но своя́ вѣщи́я пе́рсты на жива́я стрꙋ́ны воскладáше,
Они́ж сами́ князе́м — сла́воу рокота́хоу.

25 Почне́ме же, — бра́тие, — по́вѣсте сию́
От ста́раго Влади́мира до нынѣ́шняго И́горя,
Иже́ истя́гноу ꙋ́мо крѣ́постю свое́ю
И поо́стри се́редца свое́го моужество́м;
Напо́лниво ся ра́тнаго доуха́,
30 Наведе́ храбры́я по́локы своя́
На зе́млю полове́цкоую за зе́млю рꙋ́скоую.

II.

О Бо́яне, — соловию́ се́го вре́мени!
Абы́ ты си́я по́локы оущекота́л,
Ска́ча сла́вию по мы́сленоу древꙋ́,
Лѣта́я о́рломе под о́блакы,
5 Свива́я сла́вѣ о́ба по́лы се́го вре́мени,
Ри́ща в тро́поу Тро́яню — чрес поля́ на го́ры!
Пѣ́ти было пѣ́сне И́гореви, то́го внꙋ́коу:
„Не бꙋ́ря со́колы зане́се чрес поля́ широ́кая:
„Га́лици стады́ бѣ́жат ко До́ноу ве́ликомоу...“
10 Чиль воспѣ́ти было, вѣщи́й Бо́яне,
Ве́лесово внꙋ́че!...

Комо́ни ржꙋ́те за Соу́лою,
Зве́ните слава́ во Ки́евѣ,
Трꙋ́бы трꙋ́бите во Но́вѣградѣ,
15 Сто́ите стязи́ во Пꙋ́тивлѣ.

Игорь ждет мила брата Всеволода.
И рече емꙋ Боуй-Тꙋр Всеволоде:
„Одино брат, одино свѣт свѣтлый ты Игорю,
Оба есвѣ Святславличя!
Сѣдлай, — брате, свои борзыи комони,
Я мои ти готови,
Осѣдлани оу Кꙋреска на переди!
Я мои ти Кꙋряны —
Свѣдоми комети:
Под трꙋбами повити,
Под шеломы возлелѣяни,
Конець копия воскормлени,
Пꙋти имо вѣдоми,
Яроугы им знаеми,
Лоуци оу них напряжени,
Тоули отворени,
Сабли из-острени;
Сами скачюте аки сѣры волоци в полѣ,
Ищꙋчи себѣ чести, — а князю славы."

III.

Тогда Игорь возрѣ на солонце (свѣтлое) и видѣ
От него тьмою вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь ко дроужинѣ своей:
„Братие и дроужино!
Лоучеж бы потятоу ми быти,
Неже полоненоу быти!
Я всядеме, — братие,
На свои борзыя комони,
Да позриме синего Доноу!"

10 Спала́ кнѧзе́ви ѹ́мо в по́хоти
И жа́лости емѹ́ знаме́не застоупи́,
Искоуси́ти До́ноу ве́ликаго.
„Хо́чю бо, — ре́че, ко́пие прило́мити,
Ко́нець по́лѧ полове́цкаго, — с ва́ми Рѹ́сичи;
15 Хоцѹ́ главѹ́ свою́ прило́жити,
Я любо́ испи́ти ше́ломоме До́ноу!“

Тогда́ встоупи́ Иго́рь во злат стреме́нь,
И поѣ́ха по чисто́моу по́лю.
Со́лонце емѹ́ темо́ю пѹ́те застоупа́ше;
20 Но́ще сто́ноущи емѹ́ грозо́ю птич оубѹ́ди;
Свисто звѣ́рино воста́,
Оби-Ди́во кли́че(т) ве́рехоу древа́:
Ве́лите послѹ́шати земли́ незна́емѣ,
Во́лзѣ и Помо́рию и Посѹ́лию,
25 И Сѹ́рожоу и Ко́рсоуню, — и тебѣ́,
Тьмоуторо́канеский болова́н!
Я Поло́вци негото́вами доро́гами
Побѣ́гоша ко До́ноу ве́ликомоу;
Кри́чѧ(т) телѣ́гы полѹ́нощи,
30 Е́рци ле́беди роспѹ́щени.
Иго́рь ко До́ноу вои́ ве́дете;
Оу́же О́бида его́ пасе́т — птиць подо́бию,
Во́лоци грозѹ́ восро́жате по ѧроуга́м,
О́рли кле́ктоме на ко́сти звѣ́ри зо́воуте,
35 Лиси́ци бре́щоуте на череле́нѹѧ щиты́.
О рѹ́скаѧ земле́, — ѹ́же не шело́мѧне́м еси́!

IV.

Доло́го ноч ме́ркнете;
За́рѧ свѣ́то запала́,

Мегла́ полѧ́ покры́ла,
Щéкото слави́й оуспé,
Гóвор гáлич сѧ оубꙋ́ди.
Рꙋ́сичи вели́каѧ полѧ́
Прегороди́ша череле́ными щиты́,
И́щꙋчи себѣ́ чести́, — а кнѧзю́ славы́.

С зарáниѧ во пѧ́тко потоптáша
Пóганыѧ пóлкы полове́цкыѧ,
И рассꙋ́ѧсь стрѣ́лами по пóлю
Крáсныѧ помчáша дѣ́вкы полове́цкыѧ,
А с ни́ми злáто и паволокы́
И дрáгыѧ оксамиты́.
О́ртомами и ѧпóнчицами й кожоухы́
Начáшѧ мóсты мóстити по бóлотомо
И грѧзи́вымо мѣстóмо,
И всѧкы́ми оузорóчьи полове́цкыми.
Череле́но стѧ́го, бѣ́ла хóрюгове,
Череле́на чóлока, сребре́но стрꙋ́жиє
Храбрóмоу Свѧтослáвличю!...

Дре́млете в полѣ́ Ольгóво хóробро гнѣздó,
Дáлече зале́тѣло!
Не былó 'но О́бидѣ порóждено:
Ни сóколоу, ни кре́четоу, — ни тебѣ́,
Че́реный ворóн, — пóганый Полóвчине!
Гзáко бѣ́жите сѣры́ме вóлокоме,
Кóнчако ємꙋ́ —
Слѣ́до прáвите ко Дóноу ве́ликомоу.

V.

Дроугаго́-дни ве́льми ра́но кро́вавыꙗ зо́ри
Свѣ́то повѣда́юте;
Че́реныꙗ тꙋ́чꙗ с мо́рꙗ и́доуте,
Прикры́ти хо́тꙗте четы́ри со́лонца,
А в них трепе́щоуте сини́и мо́лонии.
Бы́ти гро́моу ве́ликомоу!
Ити́ дождю́ стрѣла́ми с До́ноу ве́ликаго!
Тоу сꙗ ко́пємо прила́мати,
Тоу сꙗ са́блꙗмо потрꙋ́чꙗти —
О шело́мы полове́цкыꙗ на рѣ́цѣ на Каꙗ́лѣ,
Оу До́ноу ве́ликаго...

О рꙋ́скаꙗ земле́, — ꙋ́же не шело́мꙗнем єси́!
Се вѣтри́, — Стри́божи вноуци́,
Вѣ́юте с морꙗ́ стрѣла́ми
На храбры́ꙗ по́локы Иго́ревы.
Зе́млꙗ тꙋ́тнете, —
Рѣ́кы мꙋ́тно те́коуте, —
Пороси́ полꙗ́ вкрыва́юте,
Стꙗзи́ глаго́люте.
Поло́вци и́доуте от До́на и от мо́рꙗ
И от всѣ́х сторо́н: — роускы по́лкы остоупи́ша.
Дѣ́ти бѣ́сови клико́м полꙗ́ прегороди́ша,
А храбри́и Рꙋ́сичи прегороди́ша
Череле́ными щиты́.

Ꙗр-Тоуре́ Всево́лоде!
Сто́иши на бо́рони,
Пры́щеши на во́и стрѣ́лами,
Гре́млеши о ше́ломы —
Ме́чи харалꙋ́жными.

Ка́мо Тоур поско́чꙗше,
Свои́м златы́м шело́моме посвѣчива́ꙗ,
Та́мо ле́жа(т) по́ганыꙗ гла́вы полове́цкыꙗ,
Поске́паны саблꙗ́ми ка́леными
Ше́ломы ова́рескыꙗ,
От тебе́ — Ꙗр-Тоуре́ Всево́лоде!

Ка́ꙗ ра́на дорога́, — бра́тиє,
Забы́во чти и живота́
И гра́да Че́рнигова — отнꙗ́ злата́ стола́,
И сво́ꙗ ми́лыꙗ хоти́ — кра́сныꙗ Глѣбо́вны
Свы́чаꙗ й обы́чаꙗ?

426408

Наукова бібліотека
Національного університету
«Києво-Могилянська
академія»

VI.

Бы́ли вѣ́ци Тро́ꙗни,
Ми́ноула лѣта́ Ꙗро́славлꙗ,
Бы́ли по́лци О́льговы,
О́льга Свꙗтосла́вличꙗ.
Той бо О́лего мече́м — кра́молоу кова́ше,
И стрѣ́лы по земли́ сѣꙗ́ше.
Стоупа́єте во зла́т стреме́нь во гра́дѣ Тьмоуторо́канѣ.
То́же зво́но слы́ша да́вный ве́ликый Ꙗро́славо,
Сы́но Всеволо́ж, —
А Влади́миро по всꙗ оутра́ —
Оу́ши заклада́ше во Черни́говѣ.
Бо́риса же Вꙗчесла́вличꙗ слава́ на сꙋ́до приведе́
И на ткани́ноу зе́леноу папо́ломоу постла́,
За оби́доу О́льговоу, — хра́бра и млада́ кнꙗзꙗ́.

Тогда́ при О́льзѣ Горисла́вличи
Сѣя́шете ся и растя́шете оусо́бицами,
Погыба́ше жи́зне Да́ждебожа внꙋ́ка,
В кня́жих кра́молах —
Вѣци́ чело́вѣкомо скра́тишась.
Тогда́ по рꙋ́скои земли́
Рѣтко́ рата́еве кыка́хоуте,
Но часто́ врани́ грая́хоуте,
Трꙋ́пя дѣ́ляче себѣ́,
А га́лици свою́ рѣч говоря́хоуте,
Хо́тѧте поле́тѣти на е́дие.
То было́ в ты ра́ти и в ты по́локы,
А си́цеи рати́ не слы́шано.

VII.

С зара́ния до ве́чера, — с ве́чера до свѣ́та
Ле́тя(т) стрѣ́лы ка́леныѧ,
Гри́млюте сабли́ о ше́ломы,
Тре́ща(т) ко́пя харалꙋ́жныя
В полѣ́ незна́емѣ, — —
Сре́ди зе́мли полове́цкыи.

Че́рена земля́ под копыты́
Костьми́ была́ посѣ́яна
А кро́вю по́ляна:
Тоуго́ю взы́доша по рꙋ́скои земли́.

Что́ ми шꙋ́мите, — что́ ми зве́ните
Даве́чя ра́но пре́до зо́рями?

И́горь по́локы заворочáєте,
Жаль ємꙋ́ милá братá Всево́лода.

Би́шась день, — —
Би́шась дрꙋ́гый, — —
Третꙗго́-дни, ко полꙋ́днию,
Пáдоша стꙗзи́ Иго́ревы.

Тꙋ́ сꙗ брáта разлꙋчи́ста сꙗ
На бре́зѣ бы́стрыꙗ Каꙗ́лы.
Тоу кро́ваваго ви́на не достá;
Тоу пир доко́нчаша храбри́и Рꙋ́сичи:
Сваты́ попо́иша, — а сами́ поле́гоша
За зе́млю рꙋ́скоую...

Ни́чите травá жало́щами,
А древо́ с тоуго́ю ко земли́ прекло́нилось.

VIII.

Оу́же бо, — брáтиє, неве́селаꙗ го́дина востáла,
Оу́же во поусты́ни си́лоу рꙋ́скоую прикры́ла.
Востáла О́бида во си́лах Дáжбожа вноукá:
Встоупи́во Дѣ́вою на зе́млю Тро́ꙗню,
Воспле́скала лебе́диными кры́лы на синѣ́ морѣ́;
Оу До́ноу пле́щоучи оубꙋ́ди жи́рнꙗ вре́мена.

Оусо́бица кнꙗзе́м на по́ганыꙗ погыбе́;
Ре́коста бо брат ко брáтоу: — „се мо́є, а то мо́єже“,
И нáчꙗша кнꙗзи́ про мáлоє „се ве́ликоє“ моловити,
А сами́ на се́бе крáмолоу ковáти;

*

А по́гани со всѣх сторо́н прихо́жꙗхоу
С побѣ́дами на зе́млю рꙋ́скоую.

О да́лече зайде́ соко́л, — пти́ци бьꙗ́ ко мо́рю,
А Иго́рева храбра́го по́локоу не крѣ́сити!
За ни́ме кли́кноу Ко́нчако,
И Гза́ко по́скочи по рꙋ́скои земли́,
Сма́гоу мы́чючи во пла́мꙗнѣ розѣ́.
Же́ны рꙋ́скыꙗ воспла́каша сꙗ а́ркоучи:
Оу́же на́мо сво́их ми́лых лад ни мы́слю смы́слити,
Ни дꙋ́мою сдоума́ти, ни очи́ма соглꙗда́ти,
А зла́та и сребра́ ни ма́ло то́го потрепа́ти.
А востона́ бо, бра́тиє, — Кы́єво тоуго́ю,
А Че́рнигово на́пастьми;
То́ска разлиꙗ́сь по рꙋ́скои земли́,
Печа́ль жирна́ оуте́че сре́ди зе́мли рꙋ́скыꙗ.
А кнꙗзи́ сами́ на се́бе кра́молоу кова́хоу,
А по́гани сами́, побѣ́дами
Нари́щоуче на рꙋ́скоу зе́млю,
Ємлꙗ́хоу дань по бѣ́лѣ от двора́.

Та бо два́ храбра́ꙗ Свꙗтосла́вличꙗ,
Иго́рь и Всеволо́д, — ꙋ́же Лжоу оубꙋ́диста,
Кото́роую то бꙗ́шете оуспи́л оте́ць их Свꙗтосла́во,
Грозны́й, — ве́ликый, Кыє́вскый.
Грозо́ю бꙗ́шете:
Притрепета́л свои́ми си́леными по́локы
И харалꙋ́жными мечи́,
Настоупи́ на зе́млю полове́цкоую,
Прито́пта хо́ломы и ꙗроугы́,
Возмоути́ рѣкы́ и о́зеры,
Иссꙋ́ши потокы́ и болота́,
А по́ганаго Кобꙗка́, — из лоукꙋ́морꙗ,

От желѣзны́х вели́кых по́локово половецкых
Ꙗ́ко ви́хро вы́торже.
И па́де сꙗ Кобꙗ́к во гра́дѣ Кы́евѣ,
Во гри́днници Свꙗтсла́вли.
Тоу Нѣ́мци и Бене́дници,
Тоу Гре́ци и Морава́
Поюте сла́воу Свꙗтосла́влю,
Ка́юте кнꙗзꙗ́ — И́горꙗ,
Иже́ погрꙋ́зи жир во днѣ Каꙗ́лы
Рѣ́кы половецкыꙗ, —
Рꙋ́скаго злата́ насы́паша.
Тоу И́горь кнꙗзь иссѣ́дѣ из сѣдла́ злата́,
Я в сѣдло́ коцѣ́ево.

IX.

Оуны́ша бо градо́м забра́лы, а весе́лие пони́че.
Я Свꙗтосла́во Мꙋ́тено сон видѣ́:
„Ѣ Кы́евѣ на го́рах си́ноч с ве́чера одѣ́вахоте мꙗ,—ре́че,
Че́реною паполо́мою на кро́вати "совѣ́;
Че́рпахоуте ми сине́е ви́но с трꙋ́доме смѣше́но;
Сы́пахоуте ми тощи́ми тꙋ́лы поганых телко́вино
Вели́кый же́нчюго на ло́но, — и нѣ́гоуюте мꙗ.
Оу́же де́скы без кнѣса́ в мое́м тере́мѣ златове́ресѣм.
Всю но́ще с ве́чера Боꙋ́сови врани́
Возграꙗ́хоу оу Плѣ́снеска на бо́лони,
Бѣ́ша де́бре И́сканю, — и несо́шась ко сине́моу мо́рю".

И е́ркоша боꙗ́ре ко кнꙗзю́:
Оу́же, кнꙗ́же, — тоуга́ ти ꙋ́мо полони́ла.
Се бо два́ — со́кола —

15 Слѣтѣста с отня́ стола́ злата́,
Поиска́ти гра́да Тьмоуторо́каня,
Я любо́ испи́ти ше́ломоме До́ноу.
Оу'же со́колома кры́леца
Припѣ́шали саблями по́ганых,
20 Я са́мою опо́таша в поути́ны желѣзны́.
Темно́ бо бѣ во тре́тїй день:
Два со́лонца поме́ркоста,
Ока́ "грана́ня сто́лпа погасо́ста,
Я с ни́ма молода́ня мѣ́сяца,
25 О'лего и Святосла́во,
Темо́ю ся поволоко́ста.

На рѣ́цѣ на Каа́лѣ свѣ́то тьма покры́ла:
По ро́скои земли́
Простро́ша ся Поло́вци, а́кы па́рдоуже гнѣздо́,
30 И въ морѣ́ погро́зиста, — и вели́коє боуйство́
Пода́ста хи́нови.

Оу'же сне́се ся хоула́ на хва́лоу,
Оу'же тре́сноу Лжа на во́лю,
Оу'же вереже́ ся Ди́во на́-землю.
35 Се бо Го́тскы кра́сныя Дѣвы́
Воспѣ́ша на брезѣ́ сине́моу мо́рю:
Зво́ня ро́скыме злато́м
Пою́те вре́мя Бо́сово,
Ле́лѣюте ме́сте Шарока́ню.
40 Я мы о́же дроужина́ жадни́ весе́ляня.

Тогда́ Святсла́во ве́ликый изро́ни зла́то сло́во
Сле́зами смѣше́но и рече́:
„О моя́ сыно́вця, И'горю й Всево́лоде!
Ра́но'ста нача́ла полове́цкоу зе́млю

45 Мéчи цвѣлити, — а себѣ славы искáти.
Но нечестнó одóлѣсте,
Нечестнó бо крóве пóганоую пролиáсте!
Вáю хрáбра сéредца
Во жéстоцѣме харалýзѣ скóвана
50 И в бýести закáлена.
Сé ли створисте моéй сребрéнѣй сѣдинѣ?
Оу́же ꙗ не ви́жю влáсти силенаго и богáтаго
И мнóго вóи брáта мóего Ꙗрóслава
С черни́говескыми былáми,
55 Со Могýты и с Татрáны,
И со Шéльбиры и с Топчакы́
И с Ревоугы́ и с О́льберы.
Ти́и бо без щи́тово со засапóжникы
Кликóме (?) пóлкы побѣждáюте,
60 Звóнячи во прáдѣднюю слáвоу...

Но рéкосте: — „Мýжайме сꙗ сáми,
Прéдню слáвоу сáми похыти́м,
А зáднею сꙗ сáми подѣли́м.
А чи ди́во сꙗ, — брáтие,
65 Стáроу помолóдити?
Коли́ сокóл в мытéх бывáете,
Высóко пти́ци возбивáете:
Не дасть гнѣздá своéго в О́бидоу.
Но се злó: кнꙗзи́ ми не посóбие;
70 На ни́че сꙗ годи́ны обрати́ша.
Се Оу́мри кри́чꙗ(т) под саблꙗ́ми половéцкыми,
А Володи́миро под рáнами.
Тоугá и тóска сы́ноу Глѣбовоу.

X.

Великый княже Всеволоде!
Не мыслю ти прилетѣти издалеча,
Поблюсти отня злата стола?
Ты бо можеши Волгу веслы раскропити,
5 Я Дон шеломы вылиати!
Аже бы ты был, —
То была бы чага по ногатѣ,
Я кощѣй по рѣзанѣ...
Ты бо можеши по сухоу
10 Живыми шереширы стрѣляти,
Оудалыми сыны Гаѣковы.

Ты буй Рюриче и Давыде!
Не ваю ли злачены шеломы по крови плаваша?
Не ваю ли храбрая дроужина
15 Рыкаюте аки тури,
Ранены саблями калеными
На полѣ незнаемѣ?
Вступита, господина, — во злата стремени
За обидоу сего времени,
20 За землю рускоую,
За раны Игоревы,
Буего Святславличя!

Галицкый Осмомысле Ярославе!
Высоко сѣдиши на своеме
25 Златокованнѣме столѣ,
Подпеpо горы угорескыи
Своими желѣзными полокы,
Застоупиво королеви поуть,
Затворивo Доунаю ворота,

30 Меча времены чрез облакы,
Соуды рядя до Дуная.
Грозы твоя по земляамо текуть:
Отворяеши Кыевоу врата,
Стрѣляеши с отня злата стола —
35 Салтаны за земляами.
Стрѣляй, — господине, Кончака,
Поганого кощѣя,
За землю рускоую,
За раны Игоревы,
40 Буего Святславличя!

Я ты, боуй Романе и Мстиславе!
Храбраа мысле носите вас ум на дѣло.
Высоко плаваеши в бувести,
Яко сокол на вѣтрѣх ширяя ся,
45 Хотя птицю во боуйствѣ одолѣти.
Суте бо оу вою желѣзныи папорзи
Под шеломы латинскыми;
Тѣми тресноула земля
И многы страны хинова:
50 Литва, Ятвязи, Деремела и Половци
Суулици своя повергоша,
А главы своя поклониша
Под тыи мечи харалужныи.
Но уже Игорю князю оутерпѣ солнцю свѣт,
55 А древо не бологоме листе срони.
По Роси и по Соули гради подѣлиша,
А Игорева храбраго полкоу не крѣсити.
Доно ти, княже, кличете
И зовете князи на Овидоу.
60 Ольговичи, — храбрии князи, — доспѣли на брань.

Иногва́рь и Всеволо́д, — и вси три́ Мстисла́вичи,
Нехоуда́ гнѣзда́ шесто́крильци!
Не оби́дными жребьи́
Собѣ́ власти́ расхы́тисте.
65 Кое ва́ши зла́ты ше́ломы
И сы́лици лѧцкы́и и щиты́?
Загороди́те по́лю ворота́
Свои́ми о́стрыми стрѣла́ми,
За зе́млю ру́скоую,
70 За раны́ Иго́ревы,
Бу́его Свѧтсла́вличѧ!

XI.

Оу́же бо Соула́ не те́чете
Сребре́ными стру́ѧми гра́доу Переѧ́славлю,
И Дви́на бо́лотоме те́чете
Оны́м грозны́м Поло́чаном под кли́коме пога́ных.
5 Єди́но же Изѧ́славо, — сын Васи́льково,
По́звони свои́ми о́стрыми мечи́
О ше́ломы лито́вскыѧ,
Притре́па сла́воу дѣ́доу сво́емоу Всесла́воу,
Я сам под череле́ными щиты́, на кро́вавѣ́ травѣ́,
10 Притре́пано лито́вскыми мечи́.
И схо́пи сѧ на кро́вати и рек:
„Дроужину́ твою́, — кнѧ́же, — птичь кры́лы приодѣ́,
Я звѣ́ри кро́ве полиза́ша.
Не бысть тоу бра́та Брѧ́числава,
15 Не дру́гаго Всево́лода;
Єди́но же изро́ни же́мчюжноу доушу́
Из хра́бра тѣ́ла — чрес зла́то ожере́лие.
Оуны́ли го́лосы, — пониче́ весе́лие.
Тру́бы тру́бѧте горо́денескыи.

Ꙗро́славе и вси вноуци́ Всесла́вли!
Оу́же понизи́ть стꙗзи́ свои́,
Вонзи́ть свои́ мечи́ вере́жени!
Оу́же вы́скочисте бо из дѣ́днеи славы́.
Вы свои́ми кра́молами на́чꙗсте наво́дити
Пога́ныꙗ на зе́млю рꙋ́скоую, на жизнь Всесла́влю.
Ко́торою бѣ́ше бо наси́лиє от зе́мли полове́цкыи.

На се́дмоме вѣцѣ́ Троꙗ́ни
Вереже́ Всесла́во жре́бий от Дѣви́цѣ Бѣ́лѣ.
Се то́й бо клю́ками подпе́р сꙗ
О́конию ско́чи гра́доу Кы́євоу,
И дотче́ сꙗ стрꙋ́жиєм злата́ стола́ Кыє́вскаго.
Ско́чи о́тай лю́тыме звѣре́м
Во по́лночи из Бѣлагра́да,
Обѣ́си сꙗ синѣ́ меглѣ́,
Оуто́рже в ꙗ́звено стрикꙋ́сы,
Врата́ отво́ри Но́воуградоу,
Сла́воу разшибе́ Ꙗро́славоу,
Ско́чи во́локоме до Неми́гы с Дꙋ́доуток.

На Немзѣ́ снопы́ стелю́т голо́вами,
Мо́лотꙗте че́пы харалꙋ́жными,
На тоцѣ́ живо́т кладꙋ́т,
Вѣ́юте доушꙋ́ от тѣ́ла.
Неми́зѣ кро́вави брези́
Не бо́логоме бꙗ́хоуте посѣ́ꙗни,
Посѣ́ꙗни костьми́ роускы́х сыно́в.

Всесла́во кнꙗзь люде́м соудꙗ́ше,
Кнꙗзе́м рꙗды́ рꙗдꙗ́ше,
А са́м в ноч во́локоме ри́скаше:
Из Кы́єва дори́скаше до коур Темоуторо́канꙗ,
Ве́ликомоу Хо́росови во́локоме поуть прери́скаше.

50 Тóмоу во Полóтестѣ позвóниша
Заѹтренюю рáно оу святыꙗ Сóфїи,
Я óн во Кыевѣ звон слы́ша.
Яще́ и вѣщаꙗ доушá в дроузѣ́ тѣлѣ́,
Но частó бѣды́ страдáше.
55 Тóмоу вѣщий Бóꙗно
И пéревое припѣвкоу смлысле́ный рéче:
„Ни хытрѹ́, ни гóраздоу, ни пти́цею горáздоу
Сѹ́да бóжиꙗ не ми́ноути“.

О, стонáти рѹ́скои земли́,
60 Помꙗнѹ́вше пéревоую гóдиноу
И пéревых кнꙗзéй!
Тóго стáраго Влади́мира
Не бѣ́ лезѣ́ пригвóздити
Ко гóрамо Кыéвскымо;
65 Сегóдне нáсташа (?) стꙗзи́ Рюри́ковы,
Я дрѹ́зии Давы́довы,
Но рóзни пáшоуте им хóботы,
Кóпиꙗ обóюдна оу нéю.

XII.

Ꙗрóславнино глáс сꙗ слы́шите,
Зегзи́цею незнáемою рáно кы́чете:
„Полéчю, рéче, — зегзи́цею по Дѹ́наеви;
Омóчю бéбрꙗно роукáво во Каꙗлѣ рѣ́цѣ,
5 Оутрѹ́ кнꙗзю кровáвыꙗ егó раны́
На жéстоцѣ егó тѣлѣ́.

Ꙗрослáвна рáно плáчете,
В Поути́влѣ на забрáлѣ, áркоучи:
О Вѣтрé-Вѣтри́ло!

Чемꙋ́, — господи́не, на́силено вѣ́еши?
Чемꙋ́ — мы́чеши хино́вескы стрѣлкы́
На сво́єю нетрꙋ́дноую крильцю́
На мо́єꙗ лады́ вои́?
Ма́ло ли ти бꙗ́шете горѣ́,
Вѣ́ꙗти под о́блакы,
Лелѣ́ючи кора́бли на синѣ́ морѣ́?
Чемꙋ́, — господи́не, —
Моє́ весе́лиє по ко́вылю развѣ́ꙗ?

Ꙗросла́вна ра́но пла́чете, Поути́влю го́родоу,
На заборо́лѣ а́ркоучи: — О Днѣпре́ Словꙋ́тицю!
Ты проби́л єси́ каме́нны го́ры
Сквозѣ зе́млю полове́цкꙋю.
Ты лелѣꙗ́л єси́ на се́бѣ Свꙗтосла́вли но́сады
До по́локоу Кобꙗ́вова.
Возлелѣ́й, — господи́не, — мою́ ладꙋ́ ко мнѣ,
Абы́х не сла́ла к не́моу слез на мо́ре ра́но.

Ꙗросла́вна ра́но пла́чете
В Поути́влѣ на забра́лѣ а́ркоучи:
Свѣ́тлоє и тре́свѣтлоє Со́лнце!
Всѣ́мо те́пло и красно́ єси́.
Чемꙋ́, — господи́не,
Про́стре го́рꙗчюю сво́ю лꙋ́чю
На лады́ вои́? В полѣ́ безво́днѣ
Лꙋ́чею им лꙋ́ци сопрꙗже́,
Тоуго́ю им тоули́ затче́?

XIII.

Пры́сноу мо́ре во полꙋ́нощи:
Ндꙋ́те смо́рци ме́глами.

И'гореви (кнѧзю) Бо́го пꙋ́те ка́жете
Из зе́мли полове́цкыꙗ на зе́млю рꙋ́скоую,
5 Ко отню́ златꙋ́ столꙋ̀.
Погасо́ша ве́чероу зари́.
И'горь спит, — —
И'горь бдит, — —
И'горь мы́слию поля́ мѣри́т
10 От ве́ликаго До́ноу — до ма́лаго Донца́.
Комо́нь в полꙋ́ночи...
Овлꙋ́р свиснꙋ́ за рѣ́кою,
Ве́лите кнѧзю́ разꙋ́мѣти.
И'горꙗ кнѧзя́ не бысть.
15 Кликноу, стоукноу земля́,
Вошоумѣ́ трава́:
Бе́жи полове́цкыи сꙗ подвиза́ша сꙗ.
Я Иго́рь поско́чи горнаста́еме ко тро́стию,
И бѣ́лыме гого́леме на во́доу,
20 Вове́рже сꙗ на бо́рз комо́нь,
И ско́чи с не́го бо́сым (?) во́локоме,
И поте́че ко лоугꙋ́ Донца́,
И поле́тѣ со́колом под ме́глами,
Избива́ꙗ гꙋ́си й ле́беди —
25 Завтрокꙋ́ и обѣдꙋ́ и оужинꙋ́.
Коли́ Иго́рь соко́ломе поле́тѣ,
Тогда́ Влоур во́локом поте́че,
Трꙋ́сꙗ со́бою стоуде́ноую росꙋ́:
Прето́ргоста бо сво́ꙗ бо́рзаꙗ комо́нꙗ.

30 Доне́ц рече́: — „Кнѧже И'горю!
Не ма́ло ти вели́чиꙗ,
Я Ко́нчакоу нелю́биꙗ,
Я рꙋ́скои земли́ весе́лиꙗ“.
Иго́рь рече́: „О До́нче!

Не мáло ти велúчиꙗ,
Лелѣꙗвшоу кнꙗзꙗ́ на вóлонах,
Стлáвшоу зéленоу емꙋ́ травꙋ́
На свóих срéбреных брезѣ́х,
Одѣвавшоу его́ теплы́ми мéглами
Под сѣ́ню зéленоу древꙋ́.
Стрéжаше є гóголоме на водѣ́,
Чайцáми на строуꙗ́х,
Черенáдьми на вѣтрѣ́х.
Не тáко ти, — рéче, рѣ́ка Стꙋ́гна:
Хоудꙋ́ строую́ имѣꙗ —
Пожéреши чюжи́ роучьи́
И стрꙋ́гы рóстре на коустꙋ́.
Оу́ношоу кнꙗзꙗ́ Рости́слава
Затвóри днѣ при тéмнѣ бéрезѣ.
Плáчете сꙗ мáти Ростислáвлꙗꙗ (?)
По ꙋ́ноши кнꙗзи́ Рости́славѣ.
Оу́ныша цвѣты́ жалóбою,
И древó с тоугóю ко земли́ преклóнилось".

Не сорóкы вотроскóташа:
На слѣдоу И́горевн —
Гзáко ѣ́здите со Кончакóм.
Тогдá врани́ не грáхоуте,
Гáлици помóлкоша,
Сорóкы не троскóташа,
По лóзю пóлозоша тóлько;
Дꙗтлóве тéктоме ко рѣ́цѣ пꙋ́те кáжоуте,
Соловúи вéселыми пѣ́сьми свѣ́то повѣдáюте.

Мóловите Гзáко Кóнчакови:
„Я́же сóкол ко гнѣздꙋ́ летúт,
Сóколича рострѣлꙗ́евѣ
Свои́ми злáчеными стрѣ́лами".

Рече Кончако ко Гзѣ:
„Я́же сокол ко гнѣздꙋ летит,
Я вѣ сокольца опꙋтаевѣ
70 Красною дѣвицею“.
И рече Гзако Кончакови:
„Ащé его опꙋтаевѣ красною дѣвицею,
Ни нама бꙋде(т) сокольца,
Ни нама красныя дѣвицѣ:
75 То почнꙋте наю птици бити
К половецкоме полѣ“.

XIV.

Реко Бояно, исходя на Святослава,
Пѣстворця О́льгова, — коганя хоти:
„Тяжко головѣ ти кромѣ плечю;
Зло ти тѣлоу кромѣ головы...“
5 Рꙋскои земли без И́горя!

Свѣтите ся солонце на небесѣ:
И́горь князь во рꙋскои земли.
Дѣвици поют на Дꙋнаи:
Кюте ся чрез море голосы до Кыева,
10 И́горь ѣдете по Боричевоу
Ко святѣй Богородици Пирогощей.
Страны ради, гради весели,
Пѣвше пѣсне старымо князем,
Я потомоу молодым.
15 Пѣти: слава И́горю Святославличю,
Боуй-Тоурꙋ Всеволодоу,
Владимирови Игоревитю!
Здрави и князи и дроужина!

ПЕРЕКЛАДЪ.

Перекладъ, якій понижше подаю, не може ôддати въ повнотѣ всеи красы оригиналу; я не поетъ, такъ и не въ силѣ наслѣдувати первотвôръ зъ его численными властивостями. Для мене було головнымъ старанемъ, переложити бодай въ ритмичнôй прозѣ и по можности ясно и вѣрно. Перекладати дословно, якъ то чинятъ иншй выдавцѣ „Слова", уважавъ я працею хибною, а навѣть шкодливою, бо зъ краснои поезіи вытворює ся тогды якійсь безъобразный языковый хаосъ, неприятный для слуху, якась часто беззвязна урывочна бесѣда, котра для сучасныхъ людей могла бути зрозумѣлою, але до нашихъ понятій и вымогъ въ тôй формѣ не надає ся. Та попри всѣй сумлѣнности въ вытотовленю вѣрного перекладу, я позволивъ собѣ для лучшои синтактичнои и рѣчевои звязи ту то тамъ вложити якесь невинне слôвце, а при митологичныхъ выразахъ и въ бôльше темныхъ мѣсцяхъ я таки нарокомъ додаю якійсь поясняючій додатокъ, щобы допомочи до зрозумѣня тексту.

Перекладъ мôй иде ямбами и трохеями черезъ весь поематъ; читати треба тымъ акцентомъ, якого мы въ Галичинѣ въ щоденнôй розговорнôй бесѣдѣ уживаемо. Гдекуды акцентъ зазначую зъ огляду на читателѣвъ закордоньскихъ, а такожъ въ словахъ, где наголошуванє у насъ не усталило ся (сóколы и сокóлы, шéломомъ и шелóмомъ). Впрочѣмъ я пересвѣдченый, що мôй перекладъ змуситъ до ритмичного читаня, бо гармонійна будова поодинокихъ реченій конечно вплыне и на слухъ читателя.

I.

Чи не булóбъ то добре, братя, начати́ на стародавный ладъ сю скорбну пѣснь про войну Игореву, Игоря Святславича? Нехай начне ся пѣснь моя по правдѣ-бы́линѣ часу,

а не по придумкамъ Бояна. Вѣщій бо Боянъ, єсли кому творити пѣснь хотѣвъ, ôнъ соловѣємъ розганявсь по мыслей дереву, а сѣрымъ вовкомъ нѣсъ ся по земли, а шизымъ ôрломъ попôдъ облаки. Запамятавъ ôнъ, якъ самъ каже, первопочины домашнихъ вôйнъ князѣвъ: тогды пускавъ ôнъ десять сôколôвъ на стадо лебедей, а якъ котрый лишь сокôлъ къ стаду долѣтавъ, вже лебедь пѣсню починала: и старôму Ярославу, и хороброму Мстиславу, що зарѣзавъ бувъ Редедю передъ полками касоскими, и красному Романови Святславичу. Та нѣ, не десять, братя, сôколôвъ Боянъ пускавъ на стадо лебедей; ôнъ десять вѣщихъ пальцѣвъ на живіи струны покладавъ, онижь князямъ самй вже славу голосили.

Почнеможь, братя, повѣсть нашу ôдъ старого Володимира до нынѣшнёго Игоря, що умъ скрѣпивъ своєю силою а серце мужествомъ-завзятємъ поостривъ, що повный духа боєвого наводивъ хоробре воинство своє на землю половецкую за землю рускую.

II.

О Бояне, соловѣю нашого вѣку! Кобы такъ ты защебетавъ про полки тіи, скачучи мовь соловѣй по мыслей дереву, лѣтаючи немовь орелъ пôдъ облаки, звиваючи для славы обѣ половины днешнёго вѣку, Троянимъ шляхомъ скачучи черéзъ поля на горы. Князямъ ты иншимъ пѣснь спѣвавъ: „Не буря понеслá соколôвъ крôзь широкіи степы; то галки стадами летятъ ко Донови великому.“ Теперь бы Игореви, внуку Олега, ты пѣснь такую заспѣвавъ, Бояне вѣщій, внуче Вéлесôвъ!

Конѣ ржутъ за Сулою рѣкою, слава въ Кіевѣ дзвенитъ-лунає, трубы трубятъ въ Новгородѣ, хоругвы стоятъ въ

Путивлѣ. Дожидає Игорь брата свого Всеволода. И рече єму Буй-Туръ князь Всеволодъ: „Одинъ ты братъ, одинъ ты свѣтъ, пресвѣтлый Игорю, оба мы Святославичѣ! Сѣдлай, мôй брате, конѣ скоропадніи свои, моижь готовіи уже, осѣдланй у Курска напередъ. Мои Куряне свѣдомй комонники: пôдъ трубами повитй, пôдъ шеломами лелѣянй, кôнцемъ ôдъ копія годованй; дороги всѣ имъ вѣдомй, яруги знанй, луки въ нихъ натягненй, сагайдакй отворенй, шаблѣ наостренй: самй мовь сѣріи вовки поскакують степомъ, роздобуваючи для себе честь, а славу для князя.“

III.

Тогды поглянувъ Игорь князь на Сонце и узрѣвъ ôдъ него тьмою войско все своє покрыте. И промовивъ князь до дружины своеи: „Братя-дружино! вже лучше най мене потнутъ, нѣжь мавбы дати ся въ полонъ! Вже, братя, всядемо на конѣ скоропадніи свои, поглянемъ якъ вливаєсь въ сине море Донъ!“ То умъ князеви розгорѣвъ жадобою вôйны, а знамено зловѣще, жалостне для него, заступило путь єму ко Донови великому. „Я хочу — мовитъ князь — вразъ зъ вами, Русины, въ найдальшихъ кôнчинахъ степу Половцѣвъ приломити копіє своє; я хочу голову свою поклaсти, або шеломомъ напитись Доньскои воды!“

Тогды вступає Игорь князь у стремень золотый и ѣде смѣливо безкраими степами. Сонце тьмовь єму дорогу заступає; нôчь грозою застогнала, будитъ птаство изо сну; вôздухомъ роздавъ ся свистъ звѣрятъ, а зъ верху свѣтового древа кличе лютый богъ поганцѣвъ, збройный Дивъ — велитъ спѣшити въ бôй земли незнанôй: Волзѣ и Поморю и Посулю, Сурожеви й Корсуневи, и тобѣ, тьмутороканьскій болване!

*

И ось на покликъ Дива неуѣзжими дорогами спѣшатъ-летятъ Половцѣ къ Донови великому; скрипля́тъ телѣги ихъ въ опôвночи, мовь ле́беди роспущенй. И Игорь войско къ Донови веде... Ой вже Обида гля́дае за нимъ въ подобѣ птиць, вже гро́зу срожатъ по яра́хъ вовки́, вже орлы клекотомъ зовутъ на кости звѣрину, вже брешутъ ли́сицѣ на рускіи червоніи щиты́. О земле рôдная, ты вже не есь безпечнымъ захистомъ теперь!

IV.

Довго-довго меркне нôчь; зорѣ небомъ засвѣтили, землю мрака налягла, щебе́тъ стихае соловѣѣвъ, гаморъ галичь пробудивъ ся. Русины широкіи поля червоными щита́ми перегородили, добуваючи для себе честь, а славу для князя.

А у пятницю раненько-рано Русины погане войско потоптали половецке и розсыпавшись стрѣлами по степу́, имали половецкихъ красавиць-дѣвчатъ, а зъ ними золота собѣ придбали, паволокъ и оксамитôвъ дорогихъ. Беса́гами и опанчами й кожухами мо́сты мо́стятъ Русины по болотахъ и по млаковинахъ, тай всякими дорогоцѣнностями половецкими. Червоный стягъ Половцѣвъ, бѣла хоруго́въ, червона чолка и срѣберне ра́тище — побѣдна добычь храброго Святславича! Безпечно на спочинъ въ степѣ лягае Ольгове хороброе гнѣздо, — далеко залетѣло! Знай, не для Обиды въ жертву породило ся оно: нѣ со́колу нѣ кре́чету, и нѣ тобѣ, ты чорный во́роне, поганый Половчине! Гза бѣжитъ-летитъ на помôчь мовь той сѣрый вовкъ степами, а Кончакъ ему дорогуслѣдъ проказуе ко Донови великому.

V.

На другій день, ще вельми рано, зáрево кроваве возвѣщає свѣтъ; великѝ чорнѝ тучѣ зъ моря наднеслѝсь, хотятъ прикрыти сонць чотыри, а у нихъ дрожатъ-трепечутъ лискавки злобожѝ. Буде грôмъ великій! Дощь пôдé-поллéсь стрѣлами ôдъ великои рѣки, ôдъ Дону! Не одно тутъ копіє поломитъ ся и не одна тутъ шабля выщербитъ ся, бьючи объ поганіи лобы́ Половцѣвъ на рѣцѣ Каялѣ — при великôмъ Донѣ!

О земле руская, ты вже не єсь могучимъ захистомъ теперь! Вѣтры, Стрѣлбога внуки, зъ моря вѣютъ мчатъ стрѣлами на хоробрѝ пóлки Игоревѝ. Ось вже дудонь чути недалекій, рѣки каламутнѝ потеклѝ, степы́ покрылись порохами, хоругвѝ изъ вѣтромъ щось шепочутъ. То Половцѣ наднеслѝсь ôдъ Дону и ôдъ моря и зъ усѣхъ сторонъ: довкола обступаютъ войска рускѝ. Бѣсового батька дѣти крикъ вчинили на весь степъ, а Русины хоробрѝ степъ червоными щитами перегородили.

Яръ-Туръ Всеволоде! першій ты стоишь въ рядáхъ и першій прыскаєшь на погань половецкую стрѣлами, першій гремотишь булатными мечами объ лобы́ поганцѣвъ. Ты куды поскочишь, золотымъ своимъ шелóмомъ блискотячи, вже поганцѣвъ головы стелятъ ся по земли; оварскѝ-великаньскѝ ихъ шелóмы ôдъ шабель сталевыхъ въ дрôбнѝ скѝпочки поскѝпанѝ ôдъ тебе, Яръ-Туръ Всеволоде!

Чижь найдемо, братя, днесь цѣну для княжескои дорогои раны? Для добрá ôнъ рускои землѣ забувъ на почести, на жизнь свою и на Чернѝгôвъ гóродъ, на батькôвскій золотый престôлъ, на любу ладочку свою, на краснои Глѣбовнои звычаѣ й обычаѣ!

VI.

Були́, минули ся варяжіи, кровавіи вѣки; минули ся щасливи̂ Ярославови̂ лѣта; настали полки Олеговы̂, Олега Святославича. Той Олегъ свары-нелады ковавъ мечемъ и стрѣлы сѣявъ по земли. Ôнъ въ стремень золотый вступае въ го́родѣ Тьмутороканѣ. Чувъ же звенкôтъ того стременя давны́й великій Всеволодъ (сынъ Ярослава), а Влади́миръ князь щодень ранками уши закладае: не добро́мъ єму той дзвôнъ вѣщуе у Черни́говѣ! Полягъ у вôйнахъ тыхъ и Бо́рисъ князь, приятель Олега; ôнъ славы забажавъ и слава на травѣ зеленôй за́стелила му покровъ мертвецкій й повела́ его на вѣчный судъ. Тогды при Ользѣ Гориславичи и сѣялось и поростало сварами-незгодами на Руси; гинула земля Дажбожа, середъ княжихъ заверухъ коро́талось жите людей. Тогды по рускои земли лишь рѣдко веселились ратаѣ, вороны часто грали-кракали, мѣжь себе трупы роздѣляючи, и галки втѣшно гаморили забираючись летѣти на богатый жиръ. Такъ дѣялось въ часѣ воєнъ варяжихъ и въ часѣ тыхъ Олеговыхъ по́ходôвъ, а рôвнои, якъ нынѣшна вôйна, изъ поконвѣкъ нѣкто на свѣтѣ не чувавъ.

VII.

Ôдъ сонця восходу до вечера, ôдъ вечера до свѣта стрѣлы падаютъ калени̂, гремотятъ шаблѣ въ шело́мы, копія булатни̂ трескотятъ въ степу незнанôмъ, середъ половецкого краю. Чорная земля пôдъ кôньскими копытами кôстьми посѣяна була́, а кро́вю по́ляна, туга́ вродила ся по рускои земли. Що се за шумъ, що се за дзвôнъ я чую рано передъ зо́рями? То Игорь полки заворочуе, бо жаль му брата милого своего Всеволода. Бьютъ ся день и бьютъ ся другій,

а на третій пôдъ полудне хоругвы́ ся здали Игоревû. Тутъ оба хоробрû братя розлучили ся на березѣ Каялы, тутъ вина не выстало кровавого, тутъ пиръ гуляне докôнчили Русины хоробрû: упоили гостенькôвъ-сватôвъ, самûжь сердечнû полягли за землю рускую. Поникла-звянула ôдъ жалощей трава, а дерево зъ великои туги́ схилилось до землѣ.

VIII.

Ой вже, братя, невеселая година стала, вже въ пустыни войско руске погребла́. Обида злая станула посередъ войскъ зъ Дажбожои землѣ; святою Дѣвою она спустилась на трибожу землю, плеще лебедиными крыльми́ на синѣмъ мори, плюскотомъ у Дону будитъ жирнû-грабежнû часы. Минулись войны на поганцѣвъ изъ за княжескихъ незгодъ; сказавъ бо братъ до брата: „се мое, и то мое!“ — и зъ дрôбнои марницѣ уросла велика рѣчь. Незгоды вѣчнû й свары вѣчнû князь одинъ на другого кує, поганцѣ-жь радû тому, зъ всѣхъ сторонъ зъ побѣдами на землю руску набѣгаютъ.

О далеко сокôлъ нашь загнавъ ся, вражû птицѣ побиваючи ко морю, а хоробрыхъ Игоревыхъ войскъ уже не воскресити! Позадъ Игоря почувъ ся кликъ поганця Кончака́, а Гза погнавсь на землю руску́ю, кидаючи пожогу зъ свого поломѣнь-рога́. Жо́ны рускіи заплакали гôренько: „Ой вже, кажутъ, намъ миленькихъ нашихъ ладъ нѣ мыслю змыслити, нѣ думкою здумати, нѣ очима оглядати, и нѣ золотомъ нѣ срѣбломъ намъ вже бôльше не играти!“ Ось вже стогне, братя, Кієвъ тяжкою тугôю, а Черниговъ гине пôдъ навалою врагôвъ; сумъ розлявъ ся по земли Дажбога, смутокъ тяжкій розплывае ся по Руси. Отъ до чого свары допровадили князѣвъ: поганцѣ днесь зъ побѣдами на землю

руску налѣтаютъ, выбираютъ дань по бѣлцѣ зъ кождого двора́!

Оба тѝ Святославичѣ хоробрѝ, Игорь князь и Всеволодъ, на-ново розбудили Лжу, що бувъ приспавъ отець ихъ Святославъ — грôзный, великій, Кіевскій. Ôнъ бувъ грозо́ю на поганъ: ôнъ пострахъ наносивъ своими сильными полками й харалужными мечами, наступавъ на землю половецку, здоптувавъ и хо́лмы и яруги, скаламучувавъ и рѣки й о́зера, высушувавъ пото́ки й болота́, а Кобяка́ поганого изъ Лукоморя вырвавъ ôнъ, мовь вихоръ-ураганъ, зъ посередъ тыхъ желѣзныхъ полкôвъ половецкихъ: — и погибъ Кобякъ у мѣстѣ Кіевѣ, у Святославовôмъ дворци. Тогды и Нѣмцѣ и Венедцѣ, Греки и Моравцѣ спѣвомъ величали славу Святослава, а теперь въ догану маютъ Игоря князя́, що руске золото на жиръ Обидѣ затопивъ на днѣ Каялы, половецкои рѣки. Тутъ Игорь князь зъ сѣдла́ своего высѣвъ золотого, а усѣвъ въ сѣдло невольника.

IX.

Знемогли ôдъ смутку стѣны городôвъ, поникли радощѣ людей. А Святославъ такій мавъ божій сонъ: „У Кіевѣ нагорнôмъ сеи ночи зъ вечера, казавъ ôнъ, одѣвали мя Дѣвицѣ готскѝ герянымъ покрываломъ на по́стели своѣй; давали пити мнѣ вина животворящого, безсмертного; порожными сагайдаками зволочи поганои менѣ на лоно сыпали жемчугъ великій, пестами та любощами забавляючи мене... Снилось, що не стало сволока въ моѣмъ теремѣ золотопобитôмъ; що всю нôчь Боусове вороне кракало у Плѣснеска на оболоню, що ôдтакъ погане птаство понеслось въ Исканьскѝ дебри, а зъ тамъ-ôдтамъ полетѣло зъ жиромъ та добычею назадъ до моря синёго.“

Тогды бояре кажутъ до князя: „Уже твôй духъ покрывсь тугóю, княже. То сокóлы два злетѣли изъ батькôвского престола золотого, пошукати гóрода Тьмутороканя або шéломомъ напитись Доньскои воды. Обомъ соколамъ крыльця вже присѣчено поганьскими шабля́ми и обохъ опутано въ желѣзніи путá. И стало темно въ третій день: померкли сонця два, багря́ніи оба стовпы́ погасли, а изъ ними мѣсяцѣ два молодіи, Святославъ и Олегъ, тьмою ся поволоклй. На рѣцѣ Каялѣ тьма покрыла свѣтъ: по рускои земли простерли ся Половцѣ, наче пáрдуже гнѣздо, и въ мори погрузили золота на жиръ Обидѣ, и великое буйство вчинили ханови. Вже ганьба станула въ похвалѣ, Лжа приспана кинулась на волю, лютый Дивъ на землю павъ. Ось и Готôвъ божіи Дѣвицѣ заспѣвали понадъ берегами моря: дзвенкотячи рускимъ золотомъ спѣваютъ про часы великого своего Буса, тѣшатъ ся про пôмщену неславу Шароканову... Веди насъ, княже на Обиду, въ бôй зъ поганьствомъ вражимъ: мы, твои бояре, багнемо розвеселити ся.“

Тогды великій Святославъ изъ себе ронитъ слово золоте, полите слёзами, и каже: „О мои сыновцѣ, Игорю и Всеволоде! стали вы за рано землю половецку цвѣлити мечами, а собѣ шукати хвалы. Отъ якои хвалы доборолись и зъ якою славою вы кровь погану проливали! Вашй мужніи серця́ въ горячôмъ харалузѣ скованй, а въ буйному завзятю загартованй. Чому́жь такую нечесть навелй вы на старечій срѣбный волосъ мôй? Вже я не бачу власти сильного й богатого, не бачу много войскá брата мого Ярослава изъ его черни́гôвскою дружунóю, изъ Могутами й зъ Татрáнами, изъ Шéльбирами й зъ Топчакáми, изъ Ревýгами и зъ Ольберами. Тй бо и безъ щитôвъ, зъ голыми ножами, крикомъ ворога поборювали, дзвонячи у прадѣдôвску славу... Выжь, мои бояре й дружинá, сказали днесь: „Самй мужáймо ся на бôй! самй Половцямъ славу ôдберѣмъ, самй новою славою

дѣлѣмь ся!“ Гарна ваша рѣчь и не велике диво, якбы й я старый изъ вами вразъ помолодѣвъ. Коли роняе сокôлъ пѣре звéтшале свое, высоко ôнъ за птицями женесь: не дасть своего скривдити гнѣзда. Одно лишь лихо, братя, що князѣвъ намъ помочи яе буде; на нѣщо веселіи годины обернули ся. Ось чути, Умира доньки кричатъ изъ пôдъ шабéль Половцѣвъ, чути Володимиръ князь цѣлый покрывъ ся рáнами... Тугá и тоска Глѣбовому сыну!“

X.

Великій княже Всеволоде! чи тобѣ не въ думцѣ прилетѣти здáлека, отцѣвского престола золотого стеречи? Ты можешь Волгу розкропити вéслами, а Донъ шелóмомъ выляти? Колибъ ты тутка бувъ, невольниця булáбы по ногатѣ, а кощѣй по рѣзанѣ. Ты вмѣешь и по суши самострѣлами живыми на врага стрѣляти: вдáлыми сынами Глѣбовыми!

А ты, смѣливый Руриче й Давиде! чи не вашй то золóченй шелóмы плавали въ Половцѣвъ крови? чи не ваша то хоробра дружинá реве мовь тіи туры, рáненй булатными шабля́ми въ поли незнакомôмъ? Чомъ же не вступаете у золотіи стремена свои? Не вжежь вамъ не помстити ганьбы днешного часу, не мстити ся за землю рускую, за раны Игоря, смѣливого Святславича?

Осьмомысле Ярославе зъ Гáлича! Высоко ты засѣвъ на златокованôмъ своѣмъ столѣ! ты горы пôдоперъ угорскіи своими пóлками желѣзными, дорогу въ Русь ты королеви заступивъ и приступъ до Дунáю ворогамъ заперъ, кидаючи тягаръ-камѣне мéтавками черезъ облаки, судами правлячи далеко по Дунáй. Твоі то грозы пострахомъ по всѣхъ земляхъ несутъ ся: воротá ты ôдчиняешь кіевскй, стрѣляешь

изъ батькôвского престола золотого ханôвъ та султанôвъ за далекими землями. Нынѣ, господине, стрѣлы наверни на Кончака, поганого кощавця, мсти за землю рускую, за раны Игоря, смѣливого Святславича!

А ты, Романе смѣлый и Мстиславе! Мысль хоробрая несе вашь умъ на дѣло. Въ буйности-завзятю вы высоко пôдняли́сь, якъ сокôлъ що ширяє въ вóздусѣ, хотя́чи птицю силою добути. Є у васъ желѣзнû чудотворнû папороти пôдъ латиньскими шелóмами: ôдъ нихъ земля ся потрясла́ и много хановыхъ краѣвъ: Литва́, Ятвяги, Деремела и Половцѣ передъ папоротю тою покидали списы до землѣ и поклонили головы пôдъ вашû харалужнія мечѣ. Теперь до дѣла вамъ пора́! Ось Игореви сонце вже не свѣтитъ въ повный давный блескъ, и дерево въ недобрый знакъ зронило листе до землѣ. По Роси и по Сулѣ днесь поганцѣ дѣлятъ гóроды мѣжь себе, а хоробрыхъ Игоревыхъ войскъ уже не воскресити! Донъ до тебе, княже, кличе и зове князѣвъ на бôй зъ Обидою. Ольговичѣ, хоробріи князѣ, готовû на борбу́.

Ингваре и Всеволоде и всѣ три Мстиславичѣ! знатнóго роду шестокрыльцѣ! Не Обиды жребіями вы захопили для себе власть. Ôдъ чóгожь вашû золотіи шéломы и списы ляцкû та щиты́? Загородѣте ворота́ степамъ своими острыми стрѣлами, мстѣтъ за землю рускую, за раны Игоря, смѣливого Святславича!

XI.

Вже Сула не тече срѣберными струя́ми къ гóроду Переяславлю; вже и Двина потекла́ болотомъ въ край полоцкій середъ наклику поганои Литвы́. Одинъ лишь Изъяславъ, Василька сынъ, своими острыми мечами вмѣвъ дзвонити объ литовскіи лобы́; Всеслава, свого дѣда, славу перестигши,

ôнъ полягъ пôдъ щи́тами червоными на окровавленôй травѣ, пору́баный литовскими мечами. Ще въ послѣдне схопивъ ся на постели кровавôй князь хоробрый и сказавъ: „Твою, о княже, дружину́ прикрыло птаство кры́лами, а звѣри полизали кровь.“ Не було тамъ нѣ брата Брячислава, нѣ не було Всеволода; самъ одинъ зронивъ жемчужну душу изъ хороброго своего тѣла черезъ ожерелє золоте. Изнемогли́ зô смутку голосы, поникли радощѣ людей: лишь городеньскй похоронни́й сурмы-трубы жалôстно квилятъ за домовиною князя.

Ярославе и Всеславови́й всѣ внуки! вже схилѣтъ свои стяги́, вложѣтъ въ похвы́ свои поганьблени́й мечѣ! уже ôдпали вы ôдъ своихъ предкôвъ славы. Вы незгодами своими навели́ поганъ на землю рускую, на власную батькôвщину свою. За вашими то справками-незгодами прийшла на насъ недоля ôдъ землѣ Половцѣвъ!...

На семôмъ мѣсяци Троянёго панованя Всеслáвъ кидає жребій ôдъ Дѣвицѣ Бѣлы. Ôнъ то клюками пôдпершись скаче марою-конемъ идъ Кієву и доторкаєсь рáтищемъ до золотого тамъ престола. Ôгай скаче лютымъ туромъ въ пôвночи изъ Бѣлгорода и повисши въ синихъ облакахъ сшибає въ тализмáнъ свôй, въ богомъ даный свôй чепець, обидни́й жребія боєви́й. Зъ ними ôнъ несесь летитъ у Новгородъ, городски́й ôдчиняє ворота́, старого Ярослава розшибає славу, вовкомъ скаче до Немиги зъ Ду́дутокъ.

На Немизѣ головы стелятъ снопами, бьютъ-молотятъ харалужными цѣпами, на тоцѣ житє кладутъ, ôдъ тѣла душу вѣютъ. Береги Немиги счервонѣли ся ôдъ крови — не добро́мъ були́ засѣяни́й: засѣяни́й кôстьми поляглыхъ Русинôвъ.

Всеслáвъ судивъ людямъ, ряды́ рядивъ князямъ, а самъ ночами вовкомъ нѣсъ ся; зъ Кієва въ ночи Тьмутороканъ доскочивъ передъ пѣвнями-курми́: великому Дажбогу-Хорсови дорогу вовкомъ перебѣгъ. Єму въ Полоцку подзвонили рано до заутренѣ въ святои Софіи, а ôнъ у Кієвѣ почувъ

Софійскій дзвôнъ. Та хочь родивъ ся ôнъ у язвенѣ-ченцй, хочь вѣщу душу мавъ у другôмъ тѣлѣ, всежь ôнъ на вѣку своѣмъ неразъ бѣды зазнавъ. Недаромъ вѣщій нашь Боянъ у-перве умну прйпѣвку єму зложивъ: „Нѣ хитрый, нѣ богатый, нѣ якъ птиця скорый суда божого не обминé!“

О, стонати рускои земли, згадавши першіи часы и першихъ рицарѣвъ-князѣвъ! Старóго того Володймира не можь булó удéржати при горахъ кіевскихъ, а нынѣ роздѣлилась руская земля: ту войска Руриковй, тамъ Давидовй — лишь рôжнй повѣваютъ бунчуки на хоругвáхъ, и копія у войскъ изъ двохъ сторонъ заостренй!

XII.

Почувъ ся рано голосъ Ярославны, нѣбы ковапє самотнои зазулѣ: „Полечý зазулевь по Дунáю; змóчу свôй рукавъ бобровый у рѣцѣ Каялѣ, обôтру князеви раны на єго горячôмъ тѣлѣ.“

Ярославна рано плаче у Путивлѣ на городскихъ мурахъ кажучи: „О вѣтре мôй, вѣтрило! чомъ ты, господине, вѣєшь такъ насильно? Чомъ мечешь тй стрѣлы хановй легонькими своими крыльцями на вóйско мого любого князя? Чи мало ще тобѣ, пôдъ облаками вѣяти горѣ, на синѣмъ мори кораблѣ гойдати? Чомъ же, господине, радощѣ мои въ степу розвѣявъ по ковыль-травѣ?“

Ярославна рано плаче у Путивлѣ мѣстѣ на городскихъ мурахъ кажучи: „О Днѣпре мôй, Словýтичу! камѣннй горы ты пробивъ єси крôзь землю пôловецкую. Ты колисавъ на собѣ чóвна Святославовй, несучи ихъ до войска Кобяка. Пригóйдай, господине, и моєго ладу-мужа къ мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано!“

Ярославна рано плаче у Путивлѣ на городскихъ мурахъ кажучи: „О сонце ясне, тричи ясне! всѣмъ и тепле ты єси и красне. Чомъ же, гоеподине, лучѣ ты горячіи свои простерло на князя моєго дружину́? На що́ въ степу́ безводнôмъ луки имъ лучами позгинало и туго́ю имъ сагайдаки́ заткало?“

XIII.

Бачитъ море слезы Ярославиои и прыснуло въ опôвночи: несутъ ся зъ моря мраки туманами. Игорю князеви Богъ теперь указує дорогу зъ половецкои землѣ на землю рускую, къ батькôвскому престолу золотому. Зорѣ зъ вечера погасли Игорь спитъ, не спитъ, ôнъ мыслями розмѣрює широкіи степы́ ôдъ Дону до малого Донця. Вже готовъ стоитъ для него кôнь въ опôвночи. Почувъ ся свистъ зъ поза рѣки: то Влуръ велитъ князеви розумѣти. Але Игоря князя нема... И зновъ почувъ ся кликъ, земля стрясла́сь-застукотѣла, зашумѣло у травѣ, всѣ вежѣ-ша́тра рухнули ся половецки̂. Зрозумѣвъ вже князь: выважує спорушену стѣну и скаче горнастаємъ въ очеретъ и бѣлымъ го́големъ на воду, допадає борзого коня и скаче зъ него босымъ вовкомъ и жене ко лугови малого Донця, и летитъ соко́ломъ попôдъ мраки-мглы, гусей та ле́бедей стрѣляючи собѣ на снѣданє и на обѣдъ и на вечерю. Коли Игорь со́коломъ летѣвъ, то Влуръ гнавъ вовкомъ напере́дъ, стрясаючи студеную росу́ собою: притомились швидкимъ летомъ конѣ скоропадніи бѣгцѣвъ.

Каже Донець: „Княже Игорю! не мало ти величности, а Кончакови грызоты, а рускои земли веселости.“ „„Не мало и тобѣ — рѣкъ князь — величности, що ты князя на своихъ филяхъ колисавъ, що ты стеливъ єму траву зелену на своихъ срѣберныхъ берегахъ, що одягавъ єго

туманомъ теплымъ въ тѣни дерева, що гóголемъ стерѣгъ его на вóдахъ, чайкою на струяхъ, а чернядкою на вóздухахъ. Ой не така то рѣчка Стугна, мовитъ князь: малй у неи струѣ, але жре чужіи воды и неразъ вже повѣнь нанеслá лугами по корчахъ. Онажь и молодого Ростислава затопила въ своѣмъ днѣ при темнôмъ березѣ. Сердечна мати Ростислáвова! охъ скôлько не наплакалась она по сынѣ своѣмъ молодôмъ! Тогды ôдъ жалощей и болю цвѣты вянули-сохлй, а дерева зъ великои тугй къ земли ся похиляли!""

Не сороки то скрегочутъ: се у слѣдъ за Игоремъ несе ся Гза изъ Кончакóмъ. Ну, добрый знакъ: вороны вже не крачутъ, галки замовкаютъ, вже сороки не скрегочутъ, тихо повзаютъ по лозинѣ; дятлове тôлько стукомъ Игореви вказуютъ дорогу ко рѣцѣ, а соловѣѣ пѣснями веселыми вѣщаютъ свѣтло дня.

Каже Кончакови Гза: „Коли несе ся сокôлъ въ рôдное гнѣздо, мы позôсталого сокольця розстрѣляемо золóчеными стрѣлами своими." Ôдповѣвъ Кончакъ ему: „Коли несе ся сокôлъ до гнѣзда, а мы сокольця спутаемо красною дѣвицею." И каже Гза до Кончака: „Коли его мы спутаемо красною дѣвицею, не буде нѣ сокольця намъ, нѣ краснои дѣвицѣ, то почнутъ насъ птицѣ бити въ половецкому степу́...

XIV.

Сказавъ Боянъ, поборюючи Святослава, пѣснотворця Олега: „Погано головѣ ти безъ плечей; погано тѣлу кромѣ головы"; — оттакъ и рускои земли безъ Игоря.

На небѣ сонце засіяло: Игорь князь прибувъ на Русь! Дѣвицѣ пѣснь спѣваютъ на Дунáю: вьютъ ся черезъ море голосы до Кіева. Вже Игорь ѣде по Борйчеву до церкви Богородицѣ святои. Всѣ краины радй, гóроды веселй, заспѣвали

пѣснь старымъ князямъ, потому молодымъ. И мы спѣваймо: слава Игореви Святославичу, Буй-Тýру Всеволоду, Володи́мирови Игоревичу. Здоровû и князѣ и дружинá!

Пѣснь про Игоря, якъ бачимо зъ горѣшного перекладу, єсть справдѣ поематомъ величнымъ, заснованымъ на широкû розмѣры. Провôдною думкою поета було, описати не лишь саму нещасну судьбу Игоря, але дати подробнѣйшій образъ сучасныхъ подѣй и представити въ головныхъ характеристичныхъ чертахъ всю давнѣйшу исторію Руси. Передъ нашими очима пересуваютъ ся ту рôжнû образы зъ колишнои исторіи Руси. Перше всего выступаютъ „вѣки Трояни", т. є. часы першихъ поганьскихъ князѣвъ, ознаменованû кровавыми вôйнами ôдъ Рурика ажь до Володимира Великого. Єсть то скандинавскій періодъ нашои княжескои исторіи, закôнченый цѣлковитымъ упадкомъ славяньскихъ поменшихъ княжествъ и заведенємъ поганого рабства на всѣй Руси. На рôвни зъ тыми Трояними вѣками ставитъ авторъ Слова часы князя Олега, головного виновника пôзнѣйшихъ домашнихъ войнъ на Руси. Про тіи домашнû войны (межиусобицѣ) поетъ въ кôлькохъ мѣстцяхъ згадує зъ жалемъ правдивого патріота, и имъ приписує всѣ нещастя и зневаги, якû Русь часто терпѣла. Докладнежь знанє сучаснои исторіи заявляє поетъ въ тыхъ мѣстцяхъ поемату, где помѣщена ôдозва до князѣвъ всеи Руси, щобы спѣшили нещасному Игореви на помôчь. При кождôй такôй ôдозвѣ находимо кôлька ессенціональныхъ и характеристичныхъ датъ зъ исторіи то сего то того князя, межь иншими такожь зъ исторіи галицкого князя Осьмомысла Ярослава.

Паралельно зъ описомъ историчныхъ фактôвъ иде представленє двохъ поганьскихъ вѣръ, котрû давнѣйше истновали на Руси, а безперечно въ цѣлôй повни жили въ традиціи бояръ и народу єще и за часôвъ Игоря. По сторонѣ Половцѣвъ стоятъ божества скандинавскû, символично представленû въ постати Обиды (кривды). Сюды належатъ: Обида-Дивъ (богъ вôйны), Обида-Дѣва (богиня-войниця), Обида-Дѣвиця (богиня людскои судьбы, Норна); а окрôмъ того Стрибогъ або Стрѣлобогъ, Троянъ (скандинавска Трôйця божа) и Обида-птицѣ. Головнымъ мѣстцемъ пробуваня скандинавскихъ або готскихъ богôвъ була Тро-

яня земля, т. е. область Тьмутороканьска, где мешкали останки колишнихъ Готôвъ Все що стоитъ въ звязи зъ тыми божествами, наводитъ ся въ поематѣ зъ епитетомъ синій: синя мгла, сине море, синій Донъ (при впадѣ до азовского моря), сине вино, сини молніи.

По сторонѣ Русинôвъ стоитъ Дажбогъ або Хорсъ (сонце). Але власть сего бога сягала лишь на Русь саму, — не мала силы въ краю Половцѣвъ; надъ войсками рускими, що загнались далеко въ степъ, скандинавскî боги остаточно ôднести мусѣли побѣду. Множество въ поематѣ роскиненыхъ повѣрокъ изъ славяньскои митологіи: про чудесну силу папороти, про людей що родятъ ся въ чепци, про сонце, вѣтеръ, воду, про наддунайскî Русалки, про затьмѣне сонця, про добрî и злî птицѣ и т д.

Вôйну Игоря зъ Половцями представивъ поетъ зовсѣмъ вѣрно, згôдно зъ оповѣданями лѣтописцѣвъ. Що важнѣйше зъ тыхъ оповѣдань, наводжу тутъ въ короткости, о скôлько оно потрѣбне до лучшого зрозумѣня поемату.

Игорь выбравъ ся на вôйну зъ Половцями року 1185 вразъ зъ братомъ Всеволодомъ (княземъ курскимъ), зъ братанцемъ Святославомъ и зъ двома своими сынами; ôдъ Ярослава, князя черниговского, одержавъ до помочи ôддѣлъ войска пôдъ проводомъ боярина Ольстина Олексича. Союзнî войска ишли двома дорогами: Игорь выйшовъ ôдъ Путивля, Всеволодъ ôдъ Курска; надъ Донцемъ мали они получитись зъ собою. Дня 1-ого Мая, надближаючись до Донця, спостерегли войска затьмѣне сонця. Хочь знакъ то недобрый, але Игорь не упадавъ на дусѣ, єму конечно забаглось воювати зъ Половцями. Перейшовши Донець войска станули при рѣцѣ Осколѣ, и тутъ черезъ два дни чекали на Всеволода.

Перша стрѣча зъ Половцями выйшла въ корысть рускимъ князямъ: Половцѣ утекли, а Русины заняли ихъ станища, а заразомъ богато невольникôвъ и добычи. Щастливый успѣхъ тои борбы додавъ духа войскамъ, они рѣшили ити дальше въ край Половцѣвъ ажь до Лукоморя (азовского моря), где лежала область Тьмутороканьска. Але заразъ на другій и третій день стали изъ всѣхъ сторонъ выступати новî половецкî силы. Русины, окруженî ворогами и ôдрѣзанî ôдъ воды, були розбитî и дôстались въ неволю; ледви 15 чоловѣкъ уратовалось ôдъ катастрофы. Лѣ-

тописцѣ славлятъ хоробрôсть войскъ рускихъ, тымъ бôльше, що два дни они боролись утомленй великою спрагою, бо не було воды нѣ для войска нѣ для коней. Въ борбѣ ранено Игоря въ лѣву руку.

Игорь перебувавъ въ неволи до весны року слѣдуючого. На просьбы свого конюшого змовивъ ся ôнъ зъ Половчиномъ Лаворомъ (Влуромъ), а сей ему приставивъ коня и одной ночи, коли сторожа весело забавлялась, Игорь выважив стѣну въ своѣй вязници и допавши коня погнавъ степами. По одинайцяти дняхъ прибувъ ôнъ щастливо на Русь. Сынъ Игоря, Володимиръ, женивъ ся зъ донькою половецкого хана Кончака и по двохъ рокахъ вернувъ такожь на Русь, разомъ зъ княземъ Всеволодомъ.

Въ лѣтописи росказано, що Игорь утѣкаючи зъ неволѣ, вложивъ на себе хрестъ и взявъ зъ собою образъ святыхъ. Вѣстка тая дуже важна для зрозумѣня 13-ого уступу въ Словѣ Въ цѣлôмъ поематѣ згадують ся лишь божества поганьскй, Готôвъ и Русинôвъ, а доперва при кôнци поемату выступае Богъ христіяньскій, именно въ уступѣ XIII, где говоритъ ся про утечу Игоря зъ неволѣ. Для переведеня тои утечѣ сама помôчь людска не выстарчала, Дажбогъ въ земли Половцѣвъ не мавъ нѣякои власти, для князя единою надѣею бувъ еще Богъ христіяньскій, котрому и ôддавъ ся ôнъ въ опѣку. Отъ и наступае теперь за волею Бога велика акція природы: зъ моря несутъ ся безчисленнй мраки и покрываютъ густымъ туманомъ степъ половецкій, земля починае стукати, трясти ся, всѣ стѣны половецкихъ шатеръ порушаютъ ся. Игореви прийшло теперь легко пôдважити слабу стѣну шатра и дôстати ся черезъ шумящій очеретъ на другу сторону рѣки, где вже стоявъ кôнь для него приготованый. При помочи Лавора (Влура), охрещеного Половчина, дôставъ ся князь щасливо до рускои землѣ, и тутъ першимъ его дѣломъ було, ôддати вдячный поклонъ Богу христіяньскому, до чого выбравъ ôнъ церковь св. Богородицѣ въ Кіевѣ.

РИТМЪ ПОЕМАТУ.

Якъ видно зъ тексту, цѣле „Слово о полку Игоревôмъ“ писане ямбами (⏑ –) и трохеями (– ⏑); на бôльше якъ 600 стихôвъ поемату не находжу нѣ одного, котрый бы зъ инакшихъ стôпъ складавъ ся. Такійже ритмъ подыбуємо и въ тыхъ стихахъ, що въ поематѣ дословно наводятъ ся зъ писемъ давнѣйшого поета Бояна. Видно зъ того, що вся давна исторична поезія збудована була на той самый ладъ.

Старорускій ритмъ основує ся не на короткости и довгости самогласныхъ, якъ въ языкахъ латиньскôмъ и греческôмъ, але на акцентѣ, подôбно якъ въ поезіи теперѣшнôй; зъ тои причины старорускі стихи уважати треба тоничными, а не метричными.

До довгихъ самогласныхъ зачисляю въ Словѣ одно тôлько ѣ, до короткихъ є, ъ и ь; всѣ иншй що до часу свого вымовлюваня вырôвнались зъ собою и були скорше короткй нѣжь довгй. Самогласна ѣ довгостею вымовы притягала голосъ до себе, тому и має звычайно акцентъ.

Въ довшихъ словахъ, одвѣтно до нынѣшного способу писаня, я лишь одну силябу зазначую акцентомъ, н. пр. **бра́тиє, полове́цкоую, возлелѣ́ꙗни.** При ритмичнôмъ читаню (ямбами и трохеями) муситъ кожда друга силяба акцентовати ся, проте на довшй слова падає бôльше акцентôвъ: **бра́тие́, по́лове́цкоую́, во́злелѣ́ꙗни́.**

*

На тую властивôсть тоничныхъ стихôвъ звертаю бачну увагу читателя, инакше трудно прійде зрозумѣти и ôдчути красоту старорускихъ римôвъ, опертыхъ головно на ассонанціи звукôвъ.

Число стôпъ въ поодинокихъ стихахъ Слова не есть однакове, хотяй зновъ дуже великои рôжницѣ въ метричнôй будовѣ не добачаю. Менѣ найкрасшими выдаютъ ся стихи зложенй зъ 5 и 6 стôпъ, и такихъ найбôльше подыбуемо въ Словѣ (н. пр. цѣлый уступъ про галицкого князя Ярослава, дальше уступъ XIV и иншй).

Довшй стихи маютъ завсѣгды цезуру, черезъ що кождый зъ нихъ розпадае ся якôы на два окремй стихи.

Примѣры 5-стопныхъ стихôвъ.

1) Тѧ́жко | голо|вѣ́ ти | кро́мѣ | пле́чю;
Зло ти | тѣ́лоу | кро́мѣ | голо|вы́, —
Рꙋ́ско|и зе|млй́ без | И́го|рѧ.

---

2) Высо́ко | сѣ́ди|ши на | сво́е|ме
Злато́ко|ва́ннѣ|ме сто|лѣ́,
Подпе́ро | го́ры | ꙋ́го|рескы|и
Своймн | желѣ|зны́ми | по́ло|кы*)...

---

3) Сла́ви|ю по | мы́сле|ноу дре|вꙋ́,
Сѣры́ме | во́ло|коме | по зе|млй́,
Ши|зы́ме | о́рло|ме под | о́бла|кы.

---

*) Стихи пôдъ числемъ 2) суть властиво ямбичнй (˘ ¯), однакъ читане пôсля ямбôвъ есть для слуху кождого Русина неприятне, проте першй три силябы беру окремо яко амфибрахъ (˘ ¯ ˘), змушаючи такимъ чиномъ до читаня пôсля трохеѣвъ (¯ ˘), далеко одвѣтнѣйшихъ и природнѣйшихъ нашôй бесѣдѣ.

Примѣры 4-стопныхъ стихôвъ.

1) Ꙗр-Тоу|ре́ Все|во́ло|де!
Сто́и|ши на|бо́ро|ни,
Пры́ще|ши на | во́и | стрѣ́ла|ми,
Гре́мле|ши о | ше́ло|мы
Ме́чи | хара|лꙋ́жны|ми.

---

2) Доло|го́ ноч | ме́ркне|те;
За́рꙗ | свѣ́то | запа|ла́,
Ме|гла́ по|лꙗ́ по|кры́ла,
Ще́ко|то сла|ви́й оу|спе́,
Го́вор | га́лич | сꙗ оубꙋ́|ди.

Велику розмаитôсть въ одностайну будову стихôвъ вводятъ такъ званй перестанки голосу, бракуючй силябы. О тôй дуже цѣкавôй властивости старорускои ритмики говоривъ я обширнѣйше въ 13. и 14. числѣ сегорôчнои „Зорѣ“, проте годѣ теперь розписувати ся богато. Обмежу ся лишь на кôлька увагъ.

Въ Словѣ о полку Игоревôмъ подыбуютъ ся реченя, котрй, читанй навѣть нынѣшнимъ акцентомъ, маютъ зовсѣмъ правильный ритмъ, за те множество иншихъ реченій не можь нѣякимъ способомъ уняти въ ритмичну форму. Особливожь велика замотанина заходитъ при пятôмъ падежи именникôвъ. Въ Словѣ подыбуєсь той падежь около 50 разôвъ, а всюды псує ôнъ ритмъ черезъ те, що по обохъ єго сторонахъ (а що найменше по однôй) недостає силябы.

Тотй бракуючй силябы разятъ нашь слухъ, бо мы призвычаились поезію читати хибно, бôльше монотонно, механично, безъ тыхъ перестанокъ голосу, якихъ требує добра деклямація, а єще до того деклямація поезіи поважнои, героичнои. Прислухаймось тôлько добре звы-

чайнôй, буденнôй бесѣдѣ людей, а легко замѣтимо, що въ нѣй пятый падежь выговорює ся ôддѣльно ôдъ иншихъ слôвъ реченя, иншимъ тономъ и зъ певною перервою голосу въ часѣ бесѣды. Граматика, числячись зъ тою властивостею нашои мовы, установила навѣть окреме правило для пятого падежа, приказуючи єго комою (протинкою) ôддѣляти ôдъ иншихъ слôвъ реченя. Що отже въ нынѣшнôй правописи означаємо знакомъ роздѣловымъ, комою, то въ старорускôй ритмицѣ выражалось бракомъ силябы. На всякій способъ правило то дуже розумне, на властивостяхъ бесѣды и на реторичныхъ вымогахъ оперте.

Та не лишь при пятôмъ падежи, але и всюды при апозиціяхъ, при поясняючихъ додаткахъ, при втрученôмъ словѣ **рече**, — въ загалѣ тамъ, где мы посередъ реченя ставимо знакъ роздѣловый, въ поематѣ старорускôмъ дѣйстно бракує силябы. Рôжниця заходитъ тôлько тота, що мы пятый падежь, втрученй слова, апозиціи, поясняючй додатки зазначуємо протинкою зъ двохъ сторонъ, а въ Словѣ бракує силяба звычайно лишь зъ одной стороны. Я всѣ такй бракуючй силябы зазначивъ въ серединѣ стихôвъ павзами (—), на знакъ, що при читаню выповнити ихъ треба короткими перестанками голосу и черезъ те привернути гармонію стихамъ.

Заходитъ пытанє, для чого на кôнци реченій, где мы кладемо якійсь знакъ роздѣловый (протинку, знакъ середный, точку, двоточку, знакъ пытаня), силябы въ поематѣ часто **не** бракуютъ? Мене то наводитъ на думку, що на кôнци довшихъ реченій мусѣли бути и перестанки далеко довшй, що они обôймали двѣ силябы, отже цѣлу стопу ритмичну. Бракъ одной силябы (половины стопы) мы легко замѣтимо, бо неправильный ритмъ разитъ нашь слухъ, але бракуючой цѣлой стопы не легко досте-

речи, бо для слуху выходитъ часто все одно, чи стихъ (особливо довгій) має одну стопу бôльше, чи менше.

Цѣкавый єще и той появъ въ ритмицѣ Слова, що силябы бракуютъ часомъ тамъ, где припадає цезура посередъ довшого стиху, н. пр. **они́жь сами́ кнѧзе́м — сла́воу рокота́хоу; ѹ́же О́бида єго́ пасе́т — птиць подо́бию; гре́млеши о ше́ломы — ме́чи харалѹ́жными; из хра́бра тѣ́ла — чрес зла́то ожере́лиє; от ве́ликаго До́ноу — до ма́лаго Донца́; Ко́нчако ємѹ́ — слѣ́до пра́вите ко До́ноу ве́ликомоу.** Здаєсь, що до сеи категоріи стихôвъ ôднести нележитъ и стихъ зъ поезій Бояна: **га́лици стады́ — бѣ́жате ко До́ноу ве́ликомоу.**

Колижь теперь зважимо, що въ Словѣ приходятъ стихи довши̂ и коротши̂ и що интерпункція выражалась бракомъ силябъ, то найдемо въ укладѣ тексту певного рода аналогію межи старорускимъ поематомъ а пôзнѣйшими историчными пѣснями („думами" зъ часôвъ козаччины). Текстъ, зъ частыми перестанками, выголошувавъ ся поетомъ устно, а инструментъ музычный зводивъ текстъ въ ритмичну цѣлôсть, выповняючи згадани̂ перестанки ôдповѣдною арією.

Бôльша часть стихôвъ Слова числомъ силябъ (10—14) пригадує стихи въ такъ званыхъ великорускихъ былинахъ (историчныхъ пѣсняхъ), зъ тою рôжницею, що въ Словѣ всѣ силябы вяжутъ ся ритмично въ гармонійну цѣлôсть, а въ былинахъ замѣтна въ ритмѣ надто велика свобода и неправильнôсть. Безсомнѣнно тоти̂ великоруски̂ былины занесени̂ були на пôвнôчь зъ Кієва, бо ôдносятъ ся переважно до кієвского князя Володимира Великого, около котрого групуютъ ся давни̂ руски̂ богатырѣ-рицарѣ и силачѣ. Зразу и былины мусѣли бути утворами малорускихъ Боянôвъ, и мусѣли мати укладъ ритмичный, якій подыбуємо въ Словѣ о полку Игоре-

вôмъ, тôлькожь въ протягу многихъ столѣтій они въ устахъ народу пôдлягли и языковымъ и рѣчевымъ змѣнамъ, такъ що зъ колишнихъ историчныхъ поезій лишилась тôлько руина, бо важнѣйшй историчнй факты уступили на другій плянъ, а тôлько позôставъ тематъ такъ улюбленый народомъ, якъ росказы митологичнй и росказы про незвычайну людску силу.

Староруськѝ римы.

Окрôмъ ритму вымагаемо ôдъ доброи поезіи еще и риму, т. е. рôвнозвучности на кôнци стихôвъ. Римъ есть въ загалѣ важнымъ, музикальнымъ елементомъ поетичнои бесѣды, бо надае ѣй красшу форму и тѣснѣйше звязуе поодинокѝ стихи зъ собою.

Въ Словѣ о полку Игоревôмъ розрôжняти треба троякого рода римы: 1) алитерацію, 2) ассонанцію и 3) властивѝ римы. Поясню тѝ три роды римôвъ на примѣрахъ.

А) Алитерація.

Алитерація есть нѣяко „предтечею" пôзнѣйшого риму и вже ôдъ дуже давныхъ часôвъ становила важну властивôсть поезіи. Она полягае на тôмъ, що въ стиху певне число силябъ починалось або кôнчилось тою самою согласною. Поезія уважалась особливо тогды красною, коли алитерація находилась въ силябахъ акцентованыхъ, бо черезъ сильнѣйше наголошуване силябъ вбивалась и согласна сильнѣйше въ слухъ читателя. Алитерація найкрасше розвинулась була въ поезіи скандинавскôй и въ старонѣмецкôй, а и нынѣ еще подыбуемо въ бесѣдѣ Нѣмцѣвъ богато сталыхъ фразъ, котрѝ очевидно зъ тои давнѣйшои епохи походятъ, н. пр. „frisch,

fromm, fröhlich, frei“ (чотыри f на початку слôвъ), „Geld und Gut“, „Wohl und Wehe“, „Kind und Kegel“, „Leib und Leben“, „Schutz und Schirm“ и т. д. Ритмика Слова выказує, що и староруска поезія досыть часто побôчь иншихъ римôвъ послугувалась єще и алитерацією, яко традиційнымъ останкомъ зъ давнѣйшихъ часôвъ.

(Примѣры.)

Алитерація за помочею звукôвъ н, м.

Ни́ тебѣ́, — че́реный воро́н, — по́ганый Поло́вчине́!

(5 силябъ акцентованыхъ зъ буквою н)

Оны́м грозны́м Поло́чано́мъ подъ кли́коме́ пога́ныхъ

(4 силябы акцентовани̂ зъ буквою м)

Алитерація за помочею звука р.

Трꙋ́бы трꙋ́бѧте во Но́вѣгра́дѣ.

(3 силябы акцентовани̂ зъ буквою р)

Тоу пи́р доко́нчаша храбри́и Рꙋ́сичи.

(3 силябы акц зъ буквою р)

Ри́ща в тро́поу Тро́ѧню — чре́с полѧ́ на го́ры.

(4 силябы акц. зъ буквою р)

Стра́ны ра́ди, гра́ды ве́сели.

(3 силябы акц. зъ буквою р)

Алитерація за помочею звука с.

Иже́ истѧ́гноу ꙋ́мо крѣ́постю́ свое́ю
И поо́стри се́редца свое́го моужество́м.

(въ 7 словахъ приходитъ буква с)

Бо́риса́ же Вѧчесла́влича слава́ на сꙋ́до приведе́.

(3 силябы акцент зъ буквою с)

Се́ ли ство́ристе́ моей сребре́нѣй сѣ́динѣ.

(4 силябы акц. зъ буквою с)

Высо́ко сѣ́диши на сво́еме столѣ́.

(3 силябы акц. зъ буквою с)

Притре́па сла́воу дѣ́доу сво́емоу Всесла́воу.
(3 силябы акц. зъ буквою с)

Посѣ́ꙗни костьми́ роускы́х сыно́в
(въ кождôмъ словѣ буква с)

Ꙗро́славнино глас сѧ слы́шите
(въ кождôмъ словѣ буква с)

Свѣ́тлое и тре́свѣтлое Со́лнце,
Всѣ́мо те́пло и красно́ еси́.
(майже въ кождôмъ словѣ буква с)

А И́горь кнѧзь поско́чи горнаста́еме ко тро́стию.
(въ 3 силябахъ с а въ однôй з)

Трꙋ́сꙗ со́бою стоуде́ноую росꙋ́.
(въ кождôмъ словѣ буква с)

И стрꙋ́гы ро́стре на коустꙋ́.
(3 силябы акц. зъ буквою с)

Со́лови́и ве́селыми пѣ́сьми свѣ́то повѣдаюте.
(3 силябы акц. зъ буквою с)

Со́колича ро́стрѣлꙗ́евѣ
Свои́ми зла́чеными стрѣ́лами.
(въ кождôмъ словѣ с або з)

Свѣ́тите сѧ со́лонце на небесѣ́.
(3 силябы акц. зъ буквою с)

Алитерація за помочею звукôвъ б, п.

Не бысть тоу бра́та Брꙗ́числава.
(3 силябы акц. зъ буквою б)

(С зара́ниꙗ) во пꙗ́тко по́топта́ша
По́ганыꙗ по́лкы по́лове́цкыꙗ.
(6 силябъ акц. зъ буквою п)

Пѣ́ти бы́ло пѣ́сне И́гореви.
(3 силябы акц. зъ буквою б або п)

То почнꙋ́те на́ю пти́ци би́ти
В по́лове́цкоме полѣ́.
(майже въ кождôмъ словѣ п або б)

Алитерація за помочею звука л.

Ле́тꙗ(т) стрѣ́лы ка́леныѧ
Гри́млюте сабли́ о ше́ломы

(въ кождôмъ словѣ буква л)

Мегла́ полꙗ́ покры́ла.

(въ кождôмъ словѣ буква л)

Ми́ноула́ лѣта́ Ꙗро́славлꙗ,
Бы́ли по́лци О'льговы,
О'льга Свꙗтосла́вличꙗ.

(въ кождôмъ словѣ буква л)

Алитерація за помочею звука в.

От вели́кых по́локово полове́цкых
Ꙗ'ко ви́хро вы́торже.

(майже въ кождôмъ словѣ буква в)

Вѣ́щїй Бо́ꙗне, — Ве́лесово внꙋ́че!

(3 силябы акц. зъ буквою в)

Зве́ните слава́ во Кы́евѣ́.

(3 силябы акц. зъ буквою в)

То́же зво́но слы́ша да́вный ве́ликый Ꙗро́славо́.

(4 силябы акц. зъ буквою в)

Алитерація за помочею звукôвъ т и д.

Не мы́слю ти́ приле́тѣти́ изда́леча,
Поблюсти́ отнꙗ́ злата́ стола́.

(6 силябъ акц зъ буквою т або д)

И Дви́на бо́лото́ме те́чете́.

(4 силябы акц. зъ буквою т або д)

Дѣ́вици пою́т на Дꙋ́наи.

(3 силябы акц зъ буквою д або т)

Ити́ дождю́ стрѣла́ми зъ До́ноу ве́ликаго.

(3 силябы акц. зъ буквою д або т)

Се тôлько малый выбôръ зъ посередъ тыхъ стихôвъ, где согласни̂ въ акцентованыхъ силябахъ три або

и бôльше разôвъ повтаряютъ ся. Алитерацій, котрй опираютъ ся на двохъ акцентованыхъ силябахъ, або и на силябахъ зовсѣмъ неакцентованыхъ, я нарокомъ ту не наводжу, разъ що ту можливй простй тôлько случаѣ, а ôдтакъ тому, що стихôвъ такихъ богато въ поематѣ, проте надто много мѣстця занялибы въ сѣй книжцѣ.

Хочь алитерація и приходитъ часто въ Словѣ, я єѣ зовсѣмъ не уважаю головною властивостею поемату. Се позôстальщина зъ давнѣйшои епохи (зъ 9. и 10. столѣтя), котра авторови Слова послужила гдекуды тôлько до переведеня певныхъ поетичныхъ образôвъ. Такъ н. пр. звукъ р, якъ видно зъ примѣрôвъ, надававъ ся добре поетови для означеня голосу трубъ, урывистого скорого бѣгу, голоснои радости (порôвн. самъ конець поемату въ уступѣ XIV); звукъ л для выраженя лету або нѣжнои бесѣды (пор. „Плачь Ярославны"); звукъ в для означеня будь вѣяня вѣтру, будь голосôвъ що воздухомъ несутъ ся; звукъ т для выраженя лету, такъ скорого якъ и повôльного; звукъ п для наглядного представленя якогось наглого погрому, а такожь для означеня пѣвчого голосу. Поеты староруськй якъ у всѣмъ, такъ и ту, далеко перестигли нынѣшнихъ поетôвъ, котрымъ про алитерацію, такъ въ поезіи конечно потрѣбну для наглядного представленя многихъ появôвъ въ природѣ, навѣть и не снитъ ся.

Б) Ассонанція (стиховый римъ).

Далеко частѣйше, чимъ алитерація, приходитъ въ Словѣ ассонанція, такъ що єѣ слушно зачислити можна до характеристичныхъ властивостей староруской поезіи.

Ассонанція въ рускôй бесѣдѣ дуже зближаєсь до риму. Она полягає на тôмъ, що въ двохъ або бôльше сло-

вахъ та сама самогласна акцентує ся. Такъ приходитъ ассонанція въ словахъ **Дóноу** и **мóре, стары́ми** и **словесы́, братъ** и **даръ, бы́шетé** и **брáтиé** и т. д. Давна поезія иншихъ народôвъ задоволялась асонанціею на кôнци стихôвъ, тай гдеякû нынѣшнû поеты (особливо ишпаньскû и нѣмецкû) пишутъ єще такими римами. Отъ для примѣру три строфы нѣмецкû зъ ассонанціями на кôнци стихôвъ:

Seine Länge mass acht Füsse,
Königlich war seine Stirne,
Ausgelernt war er im Kampfe,
Und an Kraft fast wie ein Riese.
Tugendsam war dieser Kaiser
Auch im Essen und im Trinken,
Wenig Brotes nur genoss er;
Nebst dem Viertel eines Widders,
Ein'ge Hühner, sonst Geflügel,
Hasen, Pfauen, so man briete.
In den Wein mischt er sich Wasser,
Sass nur einmal Tags zu Tische.

Кôнцевû слова въ кождôмъ другôмъ стиху (Stirne, Riese, Trinken, Widders, briete, Tische) маютъ акцентоване **i**, котре и творитъ римъ опертый на ассонанціи, хочь ухо майже зовсѣмъ єго не замѣчає.

Красшою для слуху и не безъ поетичнои красы єсть вже ассонанція посередъ стиху, якою зъ великимъ щастємъ послугуютъ ся часами и найбôльшû нѣмецкû поеты. Знанû загально два слѣдуючû стихи Гетого:

Da pfeift es und geigt es und klinget und klirrt;
Da pisperts und knisterts und flüsterts und schwirrt.

Подôбныхъ засадъ придержує ся и староруска поезія; особливожь стиховый римъ (ассонанція посередъ стиха) переведеный старорускими поетами зъ недорôвнанымъ артизмомъ. Въ загалѣ кождый стихъ на-

шого поемату (майже безъ выєму) збудованый на засадахъ ассонанціи, котра въ добавокъ не обмежує ся лишь на двѣ силябы, але правильно засягає три, а гдекуды и бôльше силябъ.

(Примѣры.)

Ассонанція за помочею самогласнои а.

Се бо два́ — со́кола́ —
Сле́тѣста́ с отня́ стола́ злата́,
Поиска́ти гра́да Тьмоуторо́каня́.
(въ 3 стихахъ 9 а акцентованыхъ)

С зара́ния́ до ве́чера́, — с ве́чера́ до свѣ́та.
(4 а акцентованй и одно неакц)

Та́ бо два́ храбра́я Свя́тосла́влича́.
(6 а акцентованыхъ)

От ста́раго Влади́мира́ до ны́нѣшня́го И́горя́.
(4 а акцентованй)

И́горя́ Святсла́влича́.
(3 а акцентованй)

Я́росла́вна ра́но пла́чете.
(4 а акцентованй и одно неакц.)

Ассонанція за помочею самогласнои о.

Я древо́ с тоуго́ю ко́ земли́ преклони́лось.
(5 о акцентованыхъ)

Я древо́ не бо́лого́ме ли́стье сро́ни.
(4 о акцентованй)

По́гано́го ко́щѣя.
(3 о акцентованй)

Соро́кы не троско́таша,
По ло́зью по́лозо́ша то́лько.
(6 о акцентованыхъ и 5 неакц.)

От До́на и от мо́ря и от всѣ́х сторо́н.
(3 о акцентованй и 4 неакц.)

Ассонанція за помочею самогласнои оу.

Трꙋ́сꙗ со́бою́ стоуде́ноую́ росꙋ́.

(4 оу акцентованй и 2 неакц.)

Завтрокꙋ́ и обѣдꙋ́ и ꙋ́жинꙋ́.

(4 оу акцентованй)

На сво́єю нетрꙋ́дноую́ крильцю́.

(4 оу акцентованй и одно неакц.)

Оу́же лжꙋ́ оубꙋ́диста.

(3 оу акцентованй и одно неакц.)

Во́лзѣ и Помо́рию́ й Посꙋ́лию́,
И Сꙋ́рожꙋ́ и Ко́рсꙋню́.

(6 оу акцентованыхъ)

Сла́вию́ по мы́сленꙋ́ древꙋ́.

(3 оу акцентованй)

Бꙋ́й-Тоурꙋ́ Всево́лодꙋ́.

(3 оу акцентованй)

Ста́ромꙋ́ Ꙗро́славꙋ́, храбро́моу Мсти́славꙋ́.

(3 оу акцентованй)

Ассонанція за помочею самогласныхъ ы и и.

А си́цей рати́ не слы́шано.

(4 и акцентованй)

По́скочи́ по рꙋ́ской земли́.

(3 и акцентованй)

Возмоути́ рѣкы́ и о́зеры́.

(3 и акцентованй)

Сто́иши́ на бо́рони́,
Пры́щеши́ на вои стрѣ́лами́,
Гре́млеши́ о ше́ломы́.

(7 и акцентованыхъ)

Ассонанція за помочею самогласныхъ ѣ, є, ь.

Тй три буквы выговорювались въ 12 вѣку однаково, якъ є, проте могли творити стиховый римъ. Самъ

авторъ Слова часто мѣсто є пише ѣ, щобы зазначити акцентъ, и на оборотъ мѣсто ѣ пише є, єсли силяба має бути неакцентована. Рôжниця въ вымовѣ самогласныхъ ѣ, є, ь була тôлько тая, що ѣ вымовлялось якъ довге є, а ь якъ дуже коротке є.

Не лѣ́по ли ны бя́шете́, — бра́тие́.

(3 є акцентованй)

Свѣ́тите́ ся со́лонце́ на не́бесѣ́.

(5 є акцентованыхъ)

Затво́ри днѣ́ при те́мнѣ бе́резѣ́.

(4 є акцентованй)

Дятло́ве те́ктоме́ ко рѣ́цѣ пꙋ́те ка́жоуте́,
Солови́и ве́селыми пѣ́сьми свѣ́то повѣда́юте́.

(8 є акцентованыхъ и 4 неакц.)

Рѣ́кы мꙋ́тно те́коуте́.

(3 є акцентованй)

Дре́млете́ в полѣ́ Ольго́во хо́робро́ гнѣздо́,
Да́лече́ зале́тѣло́!
Не́ было́ но О́бидѣ́ поро́ждено́.

(7 є акцентованыхъ и 9 о акц.)

Почне́ме же́, — бра́тие́, — по̀вѣсте́ сию́.

(4 є акцентованй)

На зе́млю полове́цкоую́ за зе́млю рꙋ́скоую́.

(3 є акцентованй и 3 оу акц.)

Для ассонанціи выходитъ все одно, чи римовй самогласнй стрѣчаютъ ся въ серединѣ, чи на кôнци силябъ; староруска прозодія домагалась тôлько, щобы они що-можь близько себе стояли. Три слова, одно за другимъ, а кожде зъ тоюжь акцентованою самогласною — уважалось найкрасшимъ римомъ, тай такихъ стихôвъ єсть въ Словѣ дѣйстно дуже богато, н. пр. **начяти́ стары́ми словесы́** (три и акц.) — **иже́ зарѣ́за Ре́дедю** (3 є акц.) — **И́горя́ Святсла́вича́** (три а акц.) — **пе́ревых**

времéн оусóбицѣ́ (3 е акц.) — **кáꙗ рáна дорогá** (3 а акц.) — **пóвѣстий о пóлокоу Игóревѣ** (3 о акц.).

Для слуху найкрасше звучитъ ассонанція, коли припадає на конець слôвъ. Самъ поетъ нарокомъ вышукує такй римы, хочь черезъ те выходятъ часомъ неправильнй акценты: **хощꙋ́ главꙋ́ свою́ прилóжити — отнꙗ́ златá столá — милá братá Всевóлодá — Ꙗр-Тоурé Всевóлодé.** Въ такихъ выпадкахъ головну вагу класти мусимо на акцентъ слова послѣдного, попереднй акценты вже до него акомодуютъ ся.

В) Властивй римы.

Римы, якъ мы ихъ нынѣ понимаємо, знанй въ Европѣ вже ôдъ пятого столѣтя, а за часôвъ Игоревыхъ були въ повнôмъ розвою въ поезіи скандинавскôй и нѣмецкôй. Що про нихъ знавъ и авторъ Слова, не пôдлежитъ сомнѣню, тôлькожь уживає ôнъ ихъ дуже рѣдко, якбы мимоволѣ, и особливо въ такихъ стихахъ, где иншого рода римôвъ (н. пр. ассонанціи) нема.

(Примѣры.)

Начáти же сꙗ той пѣснй
По бы́линамо сéго врéмени.

Котóрый дотечáше,
Тá прéди пѣснь поꙗ́ше.

Не десꙗ́ть сокóлово на стáдо лéбедей поущáше,
Но своꙗ́ вѣщи́ꙗ пéрсты на живáꙗ стрꙋ́ны воскладáше.

А мой ти Кꙋ́рꙗны —
Свѣ́доми комéты:

Под трꙋ́бами пови́ти,
Под шело́мы возлелѣ́ꙗни,
Ко́нець ко́пиꙗ воско́рмлени,
Пꙋ́ти и́мо вѣ́доми,
Ꙗроугы́ им зна́еми,
Лоуци́ оу них напрꙗ́жени,
Тоули́ отво́рени,
Сабли́ из-о́стрени...

Черена́ землꙗ́ под копыты́
Костьми́ была́ посѣ́ꙗна,
А кро́вю по́лꙗна:
Тоуго́ю взы́доша по рꙋ́скои земли́.

Оу́же на́мо сво́их ми́лых лад ни мы́слю смы́слити,
Ни дꙋ́мою сдоума́ти, ни очи́ма соглꙗда́ти,
А зла́та и сребра́ ни ма́ло то́го потрепа́ти.

, ... чрес зла́то ожере́лиє;
Оуны́ли голосы́, — пониче́ весе́лиє.

Всю но́ще с ве́чера Боꙋ́сови врани́
Возгра́ꙗхоу оу Плѣ́снеска на бо́лони.

Во зла́та стре́мени —
За оби́доу се́го вре́мени.

Пре́дню сла́воу са́ми похыти́м,
А за́днею сѧ са́ми подѣли́м.

Всесла́во кнꙗзь люде́м соудꙗ́ше,
Кнꙗзе́м рꙗды́ рꙗдꙗ́ше.

---

*

Часомъ и посередъ стиха одно слово римуєсь зъ другимъ, н. пр. **а древо́ небо́логоме листье сро́ни — а Поло́вци негото́вами доро́гами побѣ́гоша ко До́ноу ве́ликомоу — а в них трепе́щоуте сини́и мо́лонии — быти гро́моу ве́ликомоу.** Видно зъ всего, що староруски́ поеты послугувались рôжнородными римами, щобы тôлько одвѣтно пôднести милозвучнôсть поетичнои бесѣды.

Староруски̂ правила акцентови̂.

О акцентѣ староруско̂мъ писавъ я обширнѣйше въ „Зори“ въ числахъ 10–21. Ту наводжу лишь що-важнѣйше, зъ гдеякими поправками та доповненями.

Самогласни̂ р и л.

Въ гдеякихъ бесѣдахъ славяньскихъ задержалась єще по нынѣ самогласна р, якъ у Чехо̂въ (и ихъ побратимцѣвъ Моравянъ и Словако̂въ), у Сербо̂въ и Хорвато̂въ, и гдекуды межи галицкими го̂рняками; у Чехо̂въ окро̂мъ того доховалась єще и самогласна л: vlk (вовкъ), plst (пѣлснь, клобучина), mlčeti (мовчати).

На по̂дставѣ нынѣшнихъ бесѣдъ славяньскихъ выводили учени̂ слависты, що и въ старославяньско̂мъ языцѣ обѣ ти̂ самогласни̂ находились, а именно всюды тамъ, где по яко̂йсь согласно̂й стоитъ ръ або лъ (такожь рь або ль), н. пр. **пръвый, плъкъ.** Головнымъ защитникомъ тои гипотезы єсть славно звѣстный ученый Дръ Фр. Миклосичь. Але въ новѣйшихъ часахъ найшли ся други̂ учени̂, котри̂ оспорювали теорію Миклосича, именно тымъ выводомъ, що у всѣхъ Миклосичемъ зазначеныхъ случаяхъ побо̂чь л и р находитъ ся якійсь глухій звукъ (ъ або ь), що отже л и р уважати треба то̂лько согласными, а глухи̂ звуки властивыми самогласными. Спо̂ръ позо̂ставъ до нынѣ нерѣшеный.

Иншй появы що до тыхъ двохъ самогласныхъ стрѣчаемо въ староруськихъ памятникахъ литературныхъ. Побôчь старославяньского **плъкъ** пишесь тамъ часто **пълкъ** (**ъ** передъ **л**), або просто **полкъ**; а суть зновъ и такй случаѣ, що писалось **полокъ**, **пълъкъ**, а навѣть **пъл'къ**. Особливо послѣднй формы (зъ двома **ъ**) суть для насъ важными, бо стрѣчаютъ ся досыть часто, навѣть въ найдавнѣйшихъ памятникахъ, якъ Остромирове Евангеліє, Сборникъ Святослава зъ р. 1073, Сборникъ зъ року 1076, Переводъ слôвъ Григорія Богослова зъ XI вѣка, Новгородскй памятники зъ XIII вѣка и т. д.

Въ „Словѣ о полку Игоревôмъ" замѣчаемо двояку правопись при самогласныхъ **л** и **р**: **плъкъ** (**ъ** по **л**) и **пълкъ***), **пръвый** и **първый**, **влъкъ** и **вълкъ**, але вже видно, що давный переписовачь не розумѣвъ звуковыхъ рôжниць въ обохъ тыхъ формахъ и все читавъ на одинъ тôлько способъ. Зъ ôдси пôшло, що на вступѣ поемату ôнъ пише **ъ** всюды передъ плавными, а опôсля вже держитъ ся правописи старославяньскои и пише **ъ** всюды по плавныхъ. Иншй зновъ формы, якъ **оутрпѣ, мркнетъ, ркоша, аркѹчи** суть наглядным доказомъ, що **р** було ту справдѣ самогласною, а не согласною.

По докладнôмъ перестудіованю всѣхъ тыхъ мѣстць „Слова", где приходятъ давнй самогласнй **л** и **р**, я сконстатовавъ слѣдуючй два правила:

1) **л** и **р**, єсли суть самогласнй, маютъ завсѣгды акцентъ на собѣ (ôдъ того правила вынятй лишь слова: **пáпорзи**, **вы́торже**, **телкóвина**.)

---

*) Въ Словѣ формы **пълкъ**, **солнце**, **сердце** и т. д. читаютъ ся всюды повноголосно: **полокъ**, **солонце**, **середце**; здаєсь, що въ первотворѣ стояли надстрочнй знаки: **пъл'къ**, **сол'нце**, **сер'дце**, а тôлько переписовань зъ невѣдомости ихъ выпустивъ.

Авторъ Слова самогласными л и р зазначує гдекуды акцентъ; побôчь Волгоу (акц. на оу) ôнъ пише такожь Влъзѣ (акц. на л), побôчь Чрънигoвъ (акц. на р) пише такожь Черниговъ (акц. на и). Єсли суть неправильности пôдъ тымъ взглядомъ, то они походятъ безпечно зъ вины переписовача.

2) въ старорускôмъ языцѣ самогласни̂ л и р переходили часто въ согласну и тогды повставала повноголосна форма (по обохъ бокахъ согласнои л и р вставлялись самогласни̂: пълъкъ, солънце, серьдце; въ такихъ случаяхъ акцентъ падає завсѣгды на першу зъ тыхъ двохъ самогласныхъ.

Наведени̂ правила рѣшити повинни̂ пытанє, чи въ старославяньскихъ формахъ (н. пр. влъкъ, пръвый) звуки л и р були самогласными, чи тôлько согласными. Самъ фактъ, що въ такихъ словахъ завсѣгды лишь тая силяба дôставала акцентъ, где приходитъ л або р, промавляє за тымъ, що то були самогласни̂, бо ъ яко пôвзвукъ не моглобы притягати акценту до себе. Теорія Дра Миклосича, якъ думаю, не пôдлягає и найменшому сомнѣню.

Самогласна ѣ.

Окрôмъ самогласныхъ л и р найбôльшій вплывъ на акцентъ мало єще ѣ. Двѣ перши̂ самогласни̂ (л и р) выговорювались коротко, але за те тономъ высокимъ, якъ посвѣдчаютъ численни̂ слѣды въ вымовѣ нашихъ гôрнякôвъ; при вымовѣ буквы ѣ голосъ продовжувавъ ся, отже нѣяко и концентрувавъ ся на дотычнôй силябѣ. При л и р рѣшала qualitas голосу, при ѣ єго quantitas.

Авторъ Слова ставитъ часто ѣ неправильно, для зазначеня акцентованого є: лебедѣй, тѣлѣгы, половѣцкый, о роускаꙗ землѣ, Ꙗръ-Тоуре Всеволодѣ, ратаєвѣ, слѣтѣста, помѣркоста, моужаймѣ сꙗ, Осмомыслѣ

Ꙗрославе, о вѣтрѣ (пятый падежь). Ритмика констатує, що таке неправильне **ѣ** всюды треба акцентовати, отже: **ле́беде́й, те́лѣгы, полове́цкый, о роускаꙗ земле́, Ꙗр-Тоуре́ Всево́лоде́, рата́єве́, сле́тѣста, поме́ркоста, мꙋ́жайме́ сꙗ, Осмо́мысле́, о вѣтре́.**

Въ XIII-ôмъ уступѣ приходитъ єще **ѣ** въ словахъ **зелѣнꙋ** и **прѣклонило.** Я уважаю тутка **ѣ** похибкою переписовача, проте акцентую, якъ и въ иншихъ мѣстцяхъ поемату: **зе́леноу, прекло́нило.** — Бôльша труднôсть була для мене зъ реченємъ: **а сами на себѣ крамолоу ковати.** Неправильне **себѣ** означує, що ту читати треба **себе́**; въ такôмъ случаю выйшовбы ритмъ такій: **а са́ми на себе́ — кра́молоу кова́ти.**

Зъ другои стороны замѣняє поетъ **ѣ** на **є**, єсли хоче зазначити, що **ѣ** акценту не має. Ôнъ пише: **летаꙗ, кощеꙗ, о Днепре, на ветрѣхъ**; читати треба: **лѣта́ꙗ, ко́щѣꙗ, о Днѣпре́, на вѣтрѣ́х.**

Въ выданю Муссинъ-Пушкина приходитъ єще: **а кощей по резанѣ.** Я читаю: **а кощѣ́й по рѣ́занѣ́** (три акцентовани̂ **ѣ**), бо думаю, що замѣна **ѣ** на **є** повстала въ обохъ словахъ зъ вины переписовача.

Въ другôмъ уступѣ поемату находитъ ся реченє: **ищꙋчи себе чти, а кнꙗзю славѣ.** Форма **славѣ** мѣсто **славы** мене не дивує, — тутъ **ѣ** зазначує тôлько акцентъ на послѣднôй силябѣ; однакъ щó почати зъ формою **себе**? Поводуючись засадами ассонанціи, я въ своѣмъ выданю акцентую: **и́щꙋчи себѣ́ чести́**; пôсля тексту Муссинъ-Пушкинового выходилобъ: **ищꙋ́чи се́бѣ чти.** Тоє **себѣ** (а въ однôмъ мѣстци **собѣ**) натворило менѣ богато клопотôвъ, тай теперь єще не умѣю повѣсти, якій бувъ властиво акцентъ сего слова.

Нѣщо такъ наглядно не выказує вплыву самогласнои **ѣ** на акцентъ, якъ ôдмѣна именникôвъ середного рода. Ôдъ **по́ле, мо́ре, тѣ́ло** выходитъ акцентъ 7-ого па-

дежа: **полѣ́, морѣ́, тѣлѣ́.** Въ однôмъ тôлько мѣстци находжу у Муссинъ-Пушкина: **на синѣмъ море,** що вказувалобы на акцентъ **мо́рѣ.** Ритмикою тяжко було провѣрити, чи таке наголошуванє добре, бо слово **море** припадає на самъ конець стиха, а тутъ, якъ звѣстно, можливый бувбы перестанокъ голосу. Зъ огляду на ассонанцію я читаю дотычный стихъ такъ: **воспле́скала лебе́диными кры́лы на синѣ́ морѣ́** (4 **е** акцентованй). Здає ся, що форма **море** єсть похибкою переписовача.

Не тôлько **е**, але и иншй самогласнй, якъ **ы, и,** а навѣть **ъ** и **оу** замѣняє поетъ на **ѣ**, єсли въ важныхъ выпадкахъ хоче зазначити акцентъ.

Про 2 падежь **славѣ** я вже згадувавъ; неправильнымъ **ѣ** зазначено, що читати треба **славы́.**

Въ 12-ôмъ уступѣ поемату приходитъ выраженє: **на моєꙗ ладѣ вои.** Ту зновъ **ладѣ** стоитъ мѣсто **лады;** акцентъ має пасти, якъ и ритмика выказує, на **ы.**

Въ 11-ôмъ уступѣ приходитъ выраженє: **Немизѣ кровави брезѣ.** Слово **брезѣ** стоитъ мѣсто **брези́** (акцентъ на послѣднôй силябѣ).

Въ 6 ôмъ уступѣ приходитъ реченє: **тоже звонъ слыша давный великый Ꙗрославѣ.** Тутъ **Ꙗрославѣ** стоитъ мѣсто **Ꙗрославъ;** читати треба **Ꙗро́славо́.**

Въ 14-ôмъ уступѣ подыбуємо форму **Боуй-Тоуроу Всеволодѣ;** послѣдне **ѣ** стоитъ мѣсто акцентованого **оу,** отже **Боуй-Тоурꙋ́ Всево́лодꙋ́.**

Въ кôнци єще замѣчаю, що въ двохъ мѣстцяхъ замѣнено въ Словѣ правильне, але неакцентоване **ѣ** на неправильне **ы.** Тй мѣстця суть: **свиваꙗ славы оба полы сего времени** (читати треба **сла́вѣ**), **тꙗжко ти головы кромѣ плечю.** Въ послѣднôмъ реченю стоялобы **головы** мѣсто **голо́вѣ,** однакъ не допускаю можливости такого

акцентованя, хочь оно до ритму горѣшного реченя дуже добре надає ся. Въ своє выдане принявъ я стилизацію: **тя́жко головѣ́ ти кро́мѣ пле́чю.**

Силябы слабѝ и сильнѝ.

Въ „Зори“ звертавъ я часто увагу на силябы слабѝ, котрѝ нерадо приймаютъ акцентъ на себе. Сюды належатъ:

1) силябы зъ давными самогласными **ъ** и **ь**;
2) силябы зъ давными самогласными **ą** и **ę**;
3) силябы зъ самогласными преіотоваными **я** и **ю**.

ъ и ь.

Про **ъ** и **ь** не стану розводити ся богато, бо рѣчь загально звѣстна, що оба тѝ звуки були пôвсамогласными, отже вже вымовою своєю не надавались пôдъ акцентъ. Єслижь подыбуємо въ рускôмъ языцѣ слова, де акцентъ на тѝ пôвсамогласнѝ падає, то суть на те двѣ причины:

1) Правила деклинаційнѝ, пôсля котрыхъ змѣняє ся акцентъ въ падежахъ слôвъ. Якъ н. пр. нынѣ ôдъ **сестра́, гора́** въ числѣ многôмъ говоритъ ся **се́стры, го́ры**, такъ въ старорускôмъ языцѣ ôдъ **мегла́ (мьгла), деска́ (дьска)** мусѣло бути въ числѣ многôмъ **ме́глы, де́скы.**

2) Вплывъ согласныхъ. Ту дає ся акцентъ въ историчнôмъ своѣмъ розвою докладно прослѣдити. Въ формахъ н. пр. старославяньскихъ **тьмьный, чьстьный** акцентъ конечно падавъ на силябу послѣдну, и така вымова доховалась єще подекуды у насъ въ горахъ: **те-мны́й, че-стны́й.** Однакъ кождый зъ насъ чує, що комбинація звукôвъ **мн** и **стн** єсть для вымовы дуже невыгôдною, проте бесѣда помогла собѣ въ той спосôбъ, що зъ наведеныхъ звукôвъ лишь одинъ лишила при другôй силябѣ, а прочѝ перенесла до першои. Такимъ чиномъ

перша силяба продовжилась при вымовѣ и вже нынѣ звычайно акцентуєсь: **те́м-ный, че́ст-ный.**

Старорускій языкъ, становлячій перехôдъ ôдъ прарускогo до нынѣшного руского языка, выказує при горѣшныхъ словахъ двоякій акцентъ: **те́мный** и **темно́, честно́**: а) **ꙋ́ношоу кнѧзѧ́ Рости́слава затво́ри днѣ́ при те́мнѣ бе́резѣ**: б) **темно́ бо бѣ́ во тре́тий день**: в) **нечестно́ бо кро́ве по́ганоую пролиѧ́сте.**

Въ словѣ **прито́п-та** (корень **тъп**) падає акцентъ на **ъ** за вплывомъ согласнои **п**; на иншôмъ мѣстци задля алитераціи приходитъ акцентъ **пото-пта́ша.**

Въ формахъ **зо́воуте** и **зо́вете** (корень **зъв**) уважаю акцентъ хибнымъ, не лишь засадничо, але и на пôдставѣ жиючои вымовы. Въ Словѣ въ обохъ мѣстцяхъ заходитъ ассонація, котра єдино оправдати може такъ разячу неправильнôсть:

1) **о́рли кле́ктоме на ко́сти звѣ́ри зо́воуте** (3 акцентованй **о** и 4 акцентованй **е**);

2) **До́но ти, — кнѧ́же, кли́чете** и **зо́вете.**

ą, ę.

Вѣдай кождый зъ насъ замѣтивъ той дивный появъ въ рускôмъ языцѣ, що слова женьского рода зъ акцентомъ на **а**, той акцентъ въ четвертôмъ падежи числа єдиничного якъ найдальше ôдъ **а** ôдсуваютъ: **вода̀, во́доу; сестра̀, се́строу; землѧ́, зе́млю́; голова́, го́ловоу; сторона́, сто́роноу; борозда́, бо́роздоу** и т. д.

Ритмикою Слова, а єще бôльше ритмикою церковныхъ молитовъ сконстатовавъ я, що силябы, котрй въ старославяньскôмъ языцѣ мали самогласну **ą** або **ę**, акценту засадничо не приймаютъ. А власне въ четвертôмъ падежи женьского рода наше **оу** стоитъ мѣсто старославяньского **ą**, — отже не що иншого а лишь тоє **ą** вплынути могло на змѣну акценту.

Годѣ выписувати изъ Слова всѣ тѝ выраженя, где въ старославяньскôмъ языцѣ було ą або ę; я ихъ при случаю ноговавъ въ „Зори“, проте и ôдсылаю туды читателя. Тутъ для лучшого унаглядненя правилъ акцентовыхъ, наведу ôдмѣну слова **земля** (въ старорускôмъ поематѣ приходитъ оно ажь 37 разôвъ въ числѣ единичнôмъ):

1. пад. **землѝ** (приходитъ 2 разы) и **зе́мля** (два разы*)
2. „ **зе́мли** („ 4 „)
3. „ **землѝ** („ 12 „)
4. „ **зе́млю** („ 14 „)
5. „ **земле́** („ 2 „)
6. „ **земле́ю**
7. „ **землѝ** („ 1 „)

Змѣну акценту замѣчаемо въ 2. и въ 4. падежи. Въ старославяньскôмъ языцѣ въ 2-ôмъ падежи було ę, а въ 4-тôмъ ą; очевидный доказъ, що лишь за вплывомъ тыхъ носовыхъ самогласныхъ акцентъ змѣнивъ ся.

Кôлька выпадкôвъ, где задля ассонанціи въ четвертôмъ падежи самогласна оу акцентувсь (**доушѹ́, главѹ́, росѹ́**) не може супротивъ загального правила промавляти. Самогласнѝ ą и ę въ рускôмъ языцѣ затратились були вже давно передъ часами Игоревыми (здаесь еще въ 9-ôмъ столѣтю), отже бесѣда по конечности тратила на тôмъ поли свѣдомôсть акцентову и зъ часомъ мусѣли въ ню вкрадати ся неправильности. Нынѣ такихъ неправильностей подыблесь въ рускôмъ языцѣ досыть багато; въ Словѣ становлятъ они бôльше спорадичнѝ выпадки.

Гдекуды, якъ при глаголѣ стоупити (старосл. стąпити), я зъ акцентомъ не мôгъ прийти до ладу. Вправдѣ акцентую всюды

---

*) Акцентъ **землѝ** уважаю неправильнымъ; зъ церковныхъ молитовъ выходитъ всюды **зе́мля**, а такъ и въ нашихъ горахъ гдекуды до нынѣ акцентують.

стоупити, але при поновнôмъ переглядѣ тексту бачу, що такимъ наголошуванемъ псуєсь ассонанція въ кôлькохъ стихахъ.

я, ю.

Въ 14 и 15 числѣ „Зорѣ“ выказавъ я численными примѣрами, що согласна ч ослаблюєсь слѣдуючимъ ꙗ або ю, черезъ що и цѣла силяба ставшись слабою, ôдвертає ôдъ себе акцентъ. Тутъ належатъ слова; **начꙗти́** (и **нача́ти**), **хо́чю** (и **хоцꙋ́**), **мы́чючи**, **даве́чѧ**, **поско́чꙗше**, **потрꙋ́чꙗти**, **поле́чю**, **омо́чю**, **же́нчюгъ**, **же́мчюжный** и навѣть **Брѧ́чꙗслава** (мѣсто **Брѧчи́слава**).

Подôбный вплывъ на ослаблене цѣлои силябы мали преіотованѝ звуки по плавныхъ согласныхъ: **хорюго́вь**, **Рюри́къ** (**Рюри́ка**), **жи́рнꙗ** (и **жирна́**), **го́рꙗчий**, **бе́рꙗный**, **ба́грꙗный**, **Кꙋ́рꙗны**, **лꙗцкы́й**, **любо́** и т. д.

Въ ôдмѣнѣ слôвъ подыбуємо вправдѣ акцентъ и на мягкôй силябѣ, але се дѣєсь єдино для розрôжненя падежѣвъ; **по́лꙗ** (2. пад. числа един.) и **полꙗ́** (1. пад. числа многого), **землꙗ́** (1. падежь) и **зе́млꙗ** або **зе́мли** (2. падежь).

Докладного правила, коли мягкѝ силябы акцентовались а коли нѣ, подати я не въ силѣ. Ту передовсѣмъ знати-бъ потреба правила акценту старославяньского, а се доперва на пôдставѣ ритмики церковныхъ молитовъ далобъ ся дослѣдити. На всякій случай годитъ ся вже и теперь пôднести, що въ старосл. языцѣ була дуже консеквентно переведена рôжниця межи ôдмѣною твердою а мягкою; въ твердôй подыбуємо всюды самогласнѝ сильнѣйшѝ (**ѣ**, **ы**, **о**), а въ мягкôй **ѣ** мусѣло перемѣнити ся на слабше **и**, **ы** на слабше **ę**, **о** на слабше **е**. Не пôдлежитъ сомнѣню, що така перемѣна сильнѣйшихъ самогласныхъ на слабшѝ мусѣла въ кôнци вплынути на вымову, отже и на акцентъ.

Самогласнй ъ и ь, и вплывъ согласныхъ на акцентъ.

Читаючи творы староруской литературы, я неразъ дивувавъ ся, чому то въ imperfect-ѣ, въ 3-ôй особѣ обохъ чиселъ, уживаютъ ся дуже часто двонкй формы:

1) правильнй: **бѣше, бѣхоу; говорѣше, говорѣхоу;**

2) неправильнй: **бѣшеть, бѣхоуть; говорѣшеть, говорѣхоуть.**

Въ Словѣ о полку Игоревôмъ формы зъ окôнченемъ **ть** (або **тъ**) приходятъ 16 разôвъ, а безъ того окôнченя надъ 20 разôвъ. Ритмика зъ всякою певностею констатуе, що **ть** и **тъ** творили въ imperfect-ѣ окрему силябу, проте **ъ** и **ь** були ту не лишь якимись традиційными знаками, але повными самогласными.

Появъ той легко оправдати. Въ формахъ **бѣше** и **бѣхоу** почивае акцентъ на першôй силябѣ. За доданемъ кôнцевого **т** (**бѣшет, бѣхоут**) послѣдна коротка силяба безъ потребы мусѣлабы продовжити ся, а чи можнажь припустити, щобы поетъ нарокомъ псовавъ поезію черезъ громадженє непотрѣбныхъ буквъ на кôнци слова? Старорускій языкъ въ своѣй давнѣйшôй добѣ не мавъ слôвъ окôнченыхъ на согласну, отже и выговорюванє такихъ слôвъ було дуже невыгôдне, утяжливе. Въ такôмъ случаю согласна мусѣлабы ôдпасти (**бѣше**), або потягнути за собою акцентъ (**бѣшéт**).

На 36 выпадкôвъ, где въ Словѣ стоитъ imperfectum, менѣ лишь въ однôмъ мѣстци выходитъ ритмъ злый, именно при словѣ **погыбашеть.** Я наконечне **ть** уважаю ту додаткомъ переписовача, проте въ текстъ приймаю коротшу форму: **погибáше.**

(Въ VIII-ôмъ уступѣ поемату стихъ 32 поправляю еще **бѣше оуспилъ** на **бѣшеть оуспилъ.**)

Заходитъ теперь великои ваги пытане, коли въ старорускôмъ языцѣ буквы ъ и ь выговорювались яко самогласнû, а коли они уважались мертвыми тôлько знаками. На пôдставѣ ритмики Слова приходимо до слѣдуючихъ результатôвъ:

А) *Согласнû горловû* (г, к, х.)

Зъ помѣжь горловыхъ найлекшою до вымовы (на кôнци слôвъ) есть х, найтруднѣйшою г; зъ того для староруского языка зовсѣмъ логичне высновалось правило, що ъ по х нѣколи не вымовлялось, а по г вымовлялось всюды. Ôдъ того правила нема нѣ одного вынятя. Такимъ чиномъ слова **трꙋдныхъ, милыхъ, великыхъ,** читати треба безъ ъ, а слова **Олегъ, Богъ, стѧгъ, женчюгъ** вымовляти якъ **Олего, Бóго, стѧ́го, жéнчюго.**

Согласна к выговорювалась въ старорускôмъ языцѣ твердше, нѣжь мы еѣ теперь вымовляемо; давнû Русины писали **Кыевъ, великый, книжкы** и т. д. Въ Словѣ приходятъ досыть часто выразы зъ окôнченемъ **къ** (самъ приименникъ **къ** подыбуесь надъ 20 разôвъ), а лишь въ чотырёхъ выпадкахъ ôдпадае ъ по к: 1) **абы́х не слáла к нéмоу слéз на мóре рáно;** 2) **и пáде сѧ Кобѧ́к во грáдѣ Кы́евѣ;** 3) **и схóпи сѧ на крóвати и рек;** 4) **скóчи вóлкоме до Немúгы с Дꙋ́доуток.** У всѣхъ иншихъ мѣстцяхъ ъ по к читати ся муситъ.

Б) *Согласнû сычачû* (с, з).

По согласнôй с, яко дуже легкôй до вымовы, ъ не выговорювалось.

По з такожь ôдпадало ъ, а понеже тогды на кôнци слôвъ з вымовити було за-тяжко, то давнû Русины перемѣняли его часто на с; зъ ôдти выясняютъ ся фоне-

тичнѝ формы въ Словѣ, якъ **бес, чрес, въс** (въспѣти, въсплескати), **рос** або **рас** (ростре, раскропити), **ис** (испити, иссушити) и т. д.

Прийменникъ **съ** мôгъ, якъ то дѣесь и въ нынѣшнôмъ языцѣ, выговорюватись зъ тымъ **ъ** або безъ него: **с тоугóю, со всѣх** и т. д.

В) *Согласнѝ плавнѝ* (л, р).

Въ односложныхъ словахъ*) по плавныхъ нѣ **ъ** нѣ **ь** не вымовлялось: **пир, жир, Тоур, Блоур, был, жаль.** Тôлько тамъ, где вымова була за-тяжка, творили **ъ** и **ь** окрему силябу: **вúхро, мысле.**

Коли слова складались зъ бôльше слогôвъ, тогды по плавныхъ **ъ** выговорювалось: **Володúмиро, сóколо, лелѣ́ало.** Однакъ побôчь сихъ старшихъ формъ подыбуемо въ Словѣ вже и новѣйшѝ безъ **ъ** (плавнѝ суть для вымовы дуже легкѝ, отже бесѣда могла выгôдно обôйти ся безъ помочи пôвсамогласныхъ); тôлькожь заходила въ такôмъ случаю змѣна акценту — плавнѝ потягали голосъ за собою: **Володимúр, сокóл, оущекотáл, притрепетáл, Игóрь, печáль, оуспúл, лелѣя́л.**

Неправильными уважаю акценты въ словахъ: **гóвор, И́горь, сóкол.** Єдино легкôсть вымовы кôнцевои плавнои поясняє намъ, для чого въ тыхъ словахъ акцентъ не змѣнивъ ся.

Г) *Согласнѝ шипячѝ* (ж, ч, ш, щ).

По **ж, ч, ш** пôвсамогласна не вымовлялась: **рѣч, ноч, лоучеж, Всеволож, птич.** Чи однако наконечна шипяча вплывала на змѣну акценту, рѣшити тяжко, бо въ

---

*) Говорячи о односложныхъ словахъ маю на гадцѣ нынѣшну вымову; въ старосл. языцѣ слова **пиръ, жиръ, былъ** и такѝ иншѝ були очевидно двосложнѝ.

Словѣ подыбуємо тôлько три выразы, котрû кôнчать ся на шипячу а суть двосложнû; въ двохъ зъ тыхъ слôвъ передъ ж заходитъ змѣна акценту: лоучéж, Всеволóж, въ однôмъ передъ ч змѣны нема: гáлич. (Здає ся, що пôвзвукъ ч яко легкій до вымовы не притягавъ акценту до себе.)

Зъ окôнченємъ щ приходитъ два разы слово ноць и въ обохъ разахъ ь читати треба окремою самогласною: нóще.

Д) *Согласнû губнû* (б, п, в).

Зъ губныхъ найтяжшою до вымовы (на кôнци слôвъ) єсть согласна в, найлекшою п, а зъ того выходитъ логичне правило, що по в треба ъ читати всюды окремою самогласною. Въ Словѣ лишь два находжу примѣры, где на кôнци ъ по в ôдпадає, але и ту може заходитъ вина давного переписовача.

Прииименникъ въ або читає ся окремою силябою або звукъ в лучитъ ся зъ слѣдуючимъ словомъ, черезъ що ъ ôдпадає: во гридницѣ, в моємъ.

Е) *Согласнû зубнû* (т, д).

Въ односложныхъ словахъ ъ и ь по зубныхъ окремою самогласною не вымовлялись: от (всюды въ поематѣ), под (такожь всюды), лад (gen. plur.), пред (лишь въ однôмъ мѣстци предо), злат.

Для потребъ ритмики могли поеты въ односложныхъ словахъ ъ и ь по зубныхъ согласныхъ вымовляти: поуть и поуте, свѣт и свѣто; дѣялось се особливо тогды, коли вымова задля бôльшого числа согласныхъ ставала ся тяжшою, н. пр. въ словахъ: свисто, месте.

Въ imperfect-ѣ наконечне ть, якъ мы вже бачили, читалось всюды окремою силябою.

Въ часѣ теперѣшнôмъ, въ 3-ôй особѣ обохъ чиселъ, **ть** такожь читалось окремою силябою. Єслижь въ Словѣ подыбуютъ ся формы, якъ: **кли́чет, кри́чат, ле́тат** (формы пôдъ взглядомъ акценту просто неможливû), то мусимо памятати, що въ старорускихъ творахъ письменныхъ приходятъ часто въ часѣ теперѣшнѣмъ формы безъ **ть**: **хоче** (у Владимира Мономаха), **наслѣдꙗ** м. **наслѣдꙗть** (въ евангелію галицкôмъ зъ року 1144), **лежа** м. **лежать** (въ грамотѣ зъ року 1421). Формы тотû находятъ оправдане въ нынѣшнôмъ жіючôмъ языцѣ. Русины н. пр. въ горахъ буковиньскихъ и коломыйскихъ, а навѣть въ околици Галича (Маріямполь), ôдкидаютъ **т** не лишь въ числѣ єдиничнôмъ (хоче, несе), але навѣть и въ числѣ многôмъ: (они) нося, ходя, кричя, летя и т. д. Колижь до того зважимо, що и авторъ Слова бувъ родомъ Галичанинъ и що въ єго поематѣ находятъ ся слова, формы, а навѣть акценты єдино Галичинѣ властивû, то догадка буде зовсѣмъ оправдана, що ĉнъ не вымовлявъ **кли́чет, кри́чат, ле́тꙗт**, але **кли́че, кри́ча, ле́тꙗ.** На утворене сихъ формъ мôгъ вплынути аналогичный появъ въ imperfect-ѣ, где побôчь **бꙗшеть, говорꙗхоуть** уживались такожь коротшû формы: **бꙗше, говорꙗхоу.**

Въ бôльшесложныхъ словахъ кôнцеве **ть** и **тъ** вымовлялись окремою силябою: **по́вѣсте, де́сѧте, цѣ́кото, кли́чете, ле́тите, мѣ́рите**; колижь **ъ** и **ь** не мали окремого звука, тогды кôнцева согласна притягала акцентъ до себе: **десѧ́ть, цѣко́т, лети́т, мѣри́т, живо́т.**

Бôльшесложныхъ выразôвъ на **дь** въ Словѣ нема; зъ кôнцевымъ **дъ** приходитъ лишь слово **Всеволодъ**, котре зновъ двояко выговорювалось: **Всево́лодо**, або безъ **ъ** и зъ перенесенымъ акцентомъ **Всеволо́д.**

Ж) *Согласни̂ носови̂* (м, н).

Носова н єсть легкою до вымовы, проте въ односложныхъ словахъ по нѣй звычайно ъ и ь не вымовлялись: сон, Дон, брань, дань, сын, а навѣть пѣснь, жизнь; однакожь приходитъ звоно, Доно, пѣ́сне, жизне, сыно.

По м рѣдше опускалось ъ: сам, им; частѣйше приходитъ и́мо, на́мо, ꙋ́мо.

Въ ôдмѣнѣ глаголôвъ приходитъ 6. разôвъ окôнченє мъ; въ 4. мѣстцяхъ становитъ оно окрему силябу: моужайме сѧ, позриме, почнеме, всѧдеме; въ двохъ мѣстцяхъ ъ не читаєсь, але за те акцентъ переходитъ на конець слова: похыти́м, подѣли́м (мѣсто подѣ́лиме).

Въ одмѣнѣ именъ (въ 6. пад. числа єдин. и въ 3. числа многого) окôнченя мь и мъ становлятъ звычайно окрему силябу: шизы́ме о́рломе, ше́ломоме, с трꙋ́доме, кли́коме, ко го́рамо кыє́вскымо, те́ктоме, со́коломе. Рѣдше пôвсамогласни̂ опускались, и тогды кôнцеве м притягало акцентъ до себе: клико́м, со́коло́м, оны́м грозны́м Полочано́м, лю́тыме звѣре́м, рꙋ́скыме злато́м. Въ однôмъ лишь мѣстци выходитъ менѣ неправильный акцентъ: бо́сым (повинно бути: бо́сыме або босы́м).

Такъ само и кôнцеве нъ въ бôльшесложныхъ словахъ становило силябу окрему: звѣ́рино, Ꙗро́славнино, Бо́ꙗно, че́релено, мꙋ́отено. Колижь ъ не мало окремого звука, тогды кôнцеве н притягало акцентъ до себе: воро́н, време́н, стреме́нь, Боѧ́н.

Староруски̂ правила для вымовы самогласныхъ ъ *и* ь.

Реасумуючи коротко всѣ повысше наведени̂ спе-

ціяльнѝ выпадки при вымовѣ давныхъ звукôвъ ъ и ь, приходимо до слѣдуючихъ засадничихъ правилъ:

1) ъ и ь въ односложныхъ словахъ окремою самогласною засадничо не выговорювались по звукахъ плавныхъ (р, л), сычачихъ (с, з, ц), шипячихъ (ж, ч, ш), по горловôй х (и звычайно по н). Всѣ тіи звуки суть легкѝ до вымовы, отже бесѣда выгôдно могла обôйтись безъ помочи пôвсамогласныхъ.

2) ъ (и ь) въ односложныхъ словахъ окремою самогласною мусѣли вымовлятись по в, г, к (и звычайно по м).

3) ъ и ь въ односложныхъ словахъ могли вымовлятись окремою самогласною по согласныхъ зубныхъ (д, т).

4) ъ и ь въ бôльшесложныхъ словахъ засадничо вымовлялись окремою самогласною, вынявши по шипячихъ и по х. (Въ именникахъ мужеского рода, н. пр. **Игорь**, **стремень**, ь не було самогласною, лишь знакомъ мягченя.)

5) Єслижь въ бôльшесложныхъ словахъ ъ або ь не вымовлялись, тогды наступала змѣна акценту, — наконечна согласна притягала голосъ до себе. (Выняте ôдъ того правила заходитъ лишь при согласныхъ ч и х, яко найлекшихъ до вымовы; рѣдше при р, л, с.)

Самогласнѝ ъ и ь въ серединѣ слôвъ.

Остаєсь ще розпôзнати, коли ъ и ь въ серединѣ слôвъ выговорювались окремыми самогласными, а коли зовсѣмъ не вымовлялись. Слово о полку Игоревôмъ дає пôдъ тымъ взглядомъ досыть вдоволяючу ôдповѣдь, бо поетъ для уникненя баламутства придержувавъ ся въ цѣлости засады фонетичнои и писавъ ъ и ь лишь тамъ, где они выговорювались: **тъй**, **съпряже**, **съглядати**,

хиновьскыꙗ, оварьскыꙗ, городеньскїи, крильца, сильный, мьгла, Черниговьскый, Даждьбожа, Коурьскъ, Плѣньско, дьска, льзѣ, одѣвахъте; такожь въ словахъ зложеныхъ зъ частицею **въс** або **въз**: **бъскръмити, въскладати, въсплескати, въспѣти, възлелѣꙗти** и т. д.

Велику труднôсть мавъ поетъ при писаню слôвъ, въ котрыхъ **ь** не було самогласною, а лишь знакомъ мягченя. Ôнъ пише въ першôмъ уступѣ поемату: **половецькый, рȣськый**, але всюды дальше вже опускае **ь**, боячись, щобы кто тои буквы не читавъ окремою самогласною. Побôчь **Ольга** пише поетъ **Олга**, а въ иншихъ мѣстцяхъ **велми, соколца, крилцю, шестокрилци, пѣстворца** — всюды безъ **ь**, хочь нема сомнѣня, що мягкй звуки въ наведеныхъ формахъ вымовлялись.

Правдивый неладъ замѣчаемо въ Словѣ при писаню слôвъ **Свꙗтославъ** и **Тьмȣторокань**. Перше зъ тыхъ слôвъ приходитъ въ поематѣ до 20 разъ, и то въ такôй правописи:

1) найчастѣйше черезъ **ъ** и **ь**; **Свꙗтъславъ, Свꙗтъславличь, Свꙗтьславличь**;

2) безъ пôвсамогласнои: **Свꙗтславъ, Свꙗтславличь**;

3) черезъ **о** (одинъ тôлько разъ): **Свꙗтославли.**

Пôсля засадъ староруского языка говоритись повинно **Свꙗтóславо**, але такій акцентъ нѣгде не надававъ ся до тексту Слова, проте поетъ нарокомъ самогласнои **о** не уживае. Єдиный тôлько разъ находимо въ выданю Муссинъ-Пушкина **Свꙗтославли** (черезъ **о**), але то буде похибка переписовача, бо и въ сѣмъ мѣстци ритмика акценту на **о** не выказуе.

Нынѣ, где мы акцентомъ зазначуемо вымову, нема зовсѣмъ потребы писати **Свꙗтъславъ** черезъ **ъ**. На пôдставѣ выданя Муссинъ-Пушкинового я всюды ужи-

ваю лишь двѣ формы сего слова: коротшу **Свѧтсла́во** и повнѣйшу **Свѧтосла́во**; всякѝ иншѝ комбинаціи не маютъ вартости*).

Єще бо̂льше баламуцтво бачимо при писаню слова **Тьмѹторокань**; початкове **тьмоу** разъ пишесь черезъ **ь**, разъ безъ жаднои по̂всамогласнои, а суть зновъ мѣстця въ Словѣ, где пишесь **тъма** (черазъ **ъ**). Ритмика въ той хаосъ легко впроваджуе ладъ, а заразомъ и констатуе, що переписовачь самъ зъ тымъ довгимъ словомъ не умѣвъ дати рады, бо пише н. пр. **Тмоуторокань** (безъ **ь**) якъ разъ въ тако̂мъ мѣстци, где по̂всамогласна стояти повинна.

Въ загалѣ сказати можна, що въ старорусько̂мъ языцѣ **ъ** въ серединѣ сло̂въ лишь мало коли вымовлялось: оно або зовсѣмъ выпадало, або переходило на самогласну **о**. Для Слова выходитъ таке правило: где въ выданю Муссинъ-Пушкина стоить **ъ** въ серединѣ выразо̂въ, тамъ его читати треба; где нема, тамъ и вставляти его не можна. (Въ одно̂мъ то̂лько мѣстци уважаю **ъ** простымъ правописнымъ знакомъ, а то въ словѣ **изъострени**; ту **ъ**, якъ и въ нынѣшно̂й руско̂й правописи, служило то̂лько на те, щобы зазначити правильну вымову: **из-острени**).

Загального правила для вымовы буквы **ь** въ серединѣ сло̂въ подати тяжко, бо, якъ сказано, було **ь** разъ

---

*) У Муссинъ-Пушкина стоитъ гдекуды **Свѧтъславъ**, хочь ритмика домагаесь коротшои формы (безъ **ъ**). Доказати легко, що ту заходитъ вина переписовача. Отъ н. пр. подыбуемо въ Словѣ три разы выражене **боуего Свѧтославича**. У Муссинъ-Пушкина два разы стоитъ **Свѧтсславича** (безъ **ъ**) и ритмика дѣйстно такои вымовы требуе; въ третьо̂мъ мѣстци вже надруковано: **боуего Свѧтъславича** (черезъ **ъ**), — ритмъ выходитъ зовсѣмъ хибный.

самогласною, разъ тôлько знакомъ мягченя. Яко певну рѣчь приняти можна, що ь тогды не вымовлялось, коли заступувало якусь иншу самогласну: **бьꙗ** вм. **биꙗ**, **жребьи** вм. **жребии**, **оузорочьи** вм. **оузорочии**, **вылꙗти** вм. **вылиꙗти**, **Ольга** вм. **Олега** и т. д. Въ такихъ выпадкахъ ритмика всюды наказуе ь не читати, — и се навѣть зовсѣмъ логично, бо инакше годѣ булобы поняти, на що поетъ гдеякй самогласнй ослаблюе, а ôдтакъ тотй ослабленй звуки каже зновъ повно вымовляти. Нынѣшна наша бесѣда (порôвн. формы **вылꙗти, бю**) и зъ своеи стороны оправдуе наведенй коротшй формы староруский.

Въ формахъ, якъ **костьми, напастьми, пѣсьми**, буква ь була такожь лишь знакомъ, а не окремою самогласною. Такъ выказуе ритмика и такъ выходитъ особливо зъ писаня слова **пѣсьми** (еслибы ту ь мало бути окремою самогласною, тогды для тресложного слова бувбы поетъ написавъ повну форму: **пѣсньми**).

Историчный розвôй руского акценту.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ замѣтный двоякій акцентъ: прарускій (падаючій звычайно на коренну силябу) и властивый староруский акцентъ, повсталый зъ давнѣйшого головно за вплывомъ согласныхъ. Найлучше исторію руского акценту прослѣдити можемо на ôдмѣнѣ бôльшесложныхъ именникôвъ мужеского рода.

А) *Акцентъ прарускій.*

1. пад. **Всевôлодо, шéломо, Ꙗрôславо**
2. „ **Всевôлода, шéлома, Ꙗрôслава**
3. „ **Всевôлодоу, шéломоу, Ꙗрôславоу**
4. „ **Всевôлода, шéломо, Ꙗрôслава**
5. „ **Всевôлоде, шéломе, Ꙗрôславе**
6. „ **Всевôлодоме, шéломоме, Ꙗрôславоме**
7. „ **Всевôлодѣ, шéломѣ, Ꙗрôславѣ.**

Въ словахъ бôльшесложныхъ акцентъ, якъ бачимо, у всѣхъ падежахъ падавъ на ту саму силябу.

Б) *Акцентъ старорускій.*

Въ старорускôмъ языцѣ ъ часомъ ôдпадало и тогды наконечна согласна притягала акцентъ до себе. Выпадокъ такій заходивъ въ 1. и 6. падежи числа единичного (у именникôвъ неживотныхъ такожь въ 4. падежи); въ иншихъ падежахъ акцентъ прарускій позôстававъ незмѣнный. Ôдмѣна була така:

1. пад. Всеволо́д, шело́м, Ярсла́в
2. „ Всево́лода, ше́лома, Яро́слава
3. „ Всево́лодоу, ше́ломоу, Яро́славоу
4. „ Всево́лода, шело́м, Яро́слава
5. „ Всево́лоде, ше́ломе, Яро́славе
6. „ Всево́лодо́м, шеломо́м, Яро́славо́м
7. „ Всево́лодѣ, ше́ломѣ, Яро́славѣ

Въ 12. столѣтю побôчь сеи старорускои ôдмѣны уживалась, якъ то въ початкахъ и бути мусѣло, дуже часто ôдмѣна давнѣйша, праруска, тому не диво, що въ Словѣ пôдъ взглядомъ акценту обѣ тѝ ôдмѣны находятъ ся.

В) *Нынѣшній акцентъ рускій.*

Флюктуація акценту, яка за вплывомъ согласныхъ вытворилась въ языцѣ старорускôмъ, не могла довго остоятись. Акцентовати въ одныхъ падежахъ такъ, а въ другихъ инакше, выдалось Русинамъ появомъ дивачнымъ, нелогичнымъ, — тымъ бôльше, що условія, въ котрыхъ вытворивъ ся первѣстный, прарускій акцентъ, не були вже нѣкому зрозумѣлѝ, пôдставы для такого акценту зôстали пôдорванѝ, рѣшаючій голосъ въ справахъ акценту мали теперь не коренѣ слôвъ, не

довги̂ и коротки̂ самогласнô, а лишь согласни̂, що по ôдпаденю звукôвъ ъ и ь явились на кôнци силябъ. Вже и въ старорускôмъ языцѣ видно намаганя освободити ся ôдъ неприроднои, истинно механичнои флюктуаціи акцентовои, однакъ тіи намаганя повелись тôлько въ словахъ, окôнченыхъ на согласни̂ дуже легки̂ до вымовы х, ч и с: ми́лых, га́лич, би́шась; менше вже въ словахъ, окôнченыхъ на плавну: И́горь побôчь Иго́рь, со́кол побôчь соко́л, го́вор.

Цѣкава теперь рѣчь довѣдати ся, якъ изъ тои флюктуаціи акцентовои, споводованои вплывомъ согласныхъ на кôнци силябъ, вытворивъ ся нашь акцентъ теперѣшній. Впередъ всего замѣчу, що въ нашôй бесѣдѣ видно всюды безчисленни̂ слѣды староруского акцентованя. Сюды зачисляю:

1) Акцентъ въ ôдмѣнѣ слова Господь. На Украинѣ, и всюды въ Россіи, говорятъ въ 1. падежи Госпо́дь, въ 2-ôмъ Го́спода (зовсѣмъ якъ староруске Всеволо́д. Всево́лода).

Въ Галичинѣ на такійже ладъ всѣ говорятъ: прихі́д-при́ходу, прові́д-про́воду, перекла́дъ-пере́кладу, поло́нъ-по́лону, сѣножа́ть-сѣно́жати, щебе́тъ-ще́бету, Перемы́шль-Пере́мышля, Перево́рскъ-Пере́ворска и т. д.

2) Акцентъ въ бôльшесложныхъ словахъ зъ наросткомъ: арь, акъ, аль, ачь, анъ, авъ, икъ, иль, ихъ, оль, омъ укъ, унъ, ухъ, ыкъ, ыль. Мы всѣ акцентуємо: лѣка́рь-лѣкаря́ (не лѣка́ря), коза́къ-козака́ (не коза́ка), довга́ль-довгаля́, бога́чь-богача́, бара́нъ-барана́, рука́въ-рукава́, ручни́къ-ручника́, Васи́ль-Василя́, коро́ль-короля́, жени́хъ-жениха́, поро́мъ-порома́, Романчу́къ-Романчука́, пау́къ-паука́, деру́нъ-деруна́, пасту́хъ-пастуха́, паты́къ-патыка́, моты́ль-мотыля́ и т. д.

Пôсля староруской, а властиво праруской вымовы говорило ся въ другôмъ падежи: кóзака, бóгача, лѣкаря, кóроля, пóрома, пáстуха, пáука. Въ сущности межи прарускимъ кóзака а нынѣшнимъ козакá нема нѣякои важнои рôжницѣ, бо въ бôльшесложныхъ словахъ суть завсѣгды два акценты: головный и побôчный, отже цѣла тайна полягае ту въ тôмъ, що давный головный акцентъ ставъ ся теперь побôчнымъ, а побôчный головнымъ. Єсть то очевидна побѣда першого падежа надъ всѣма прочими, повстала въ той способъ, що праруске кóзако замѣнилось зъ часомъ въ старорущинѣ на козáк, значитъ головный акцентъ зôставъ вже въ першôмъ падежи ослабленый.

3) Маемо еще богато слôвъ, где акцентъ мимо вплыву согласныхъ не змѣнивъ ся, где отже найстарша, праруска вымова въ цѣлôй ôдмѣнѣ до нынѣ доховалась: óбразъ-óбразу, зáхôдъ-зáходу, зáгаръ-зáгару, вóрогъ-вóрога, зáрôдъ-зáроду, нáрôдъ-нáроду (въ Россіи говорятъ въ першôмъ падежи нарóдъ, але въ другôмъ зовсѣмъ хибно нарóда), пóслухъ-пóслуху, кýтикъ-кýтика и т. д.

Въ наведеныхъ трехъ категоріяхъ слôвъ уважаю акцентъ нашь, хотяй и пôйшовъ трема дорогами, въ цѣлости логично и консеквентно переведенымъ, проте мы вже ôдъ него нѣякъ ôдступати не повиннй.

За те єсть еще одна, четверта категорія слôвъ, где акцентъ, змѣнившись за вплывомъ согласныхъ въ 1. падежи, уже и въ прочихъ не повернувъ назадъ до властивои силябы. Мы днесь зовсѣмъ хибно акцентуемо: Всеволóдъ-Всеволóда, Святослáвъ-Святослáва, Ярослáвъ-Ярослáва, пролóмъ-пролóму (говорятъ такожь правильно: прóлому), прорóкъ-прорóка, повѣтъ-повѣту, потíкъ-потóку (въ горахъ говорятъ еще пра-

вильно пóтоку), Владимúръ - Владимúра (на Украинѣ говорятъ правильно Владúмира), и богато иншихъ.

Першій падежь наведеныхъ ту слôвъ має акцентъ изъ становиска староруского звукословія зовсѣмъ правильный, однакъ въ иншихъ падежахъ бесѣда наша затратила чувство правильности и вже пôсля першого падежа урегулювала всѣ прочй, — першій падежь ôднѣсъ побѣду надъ иншими! Колись, розпôзнавшись лучше въ ритмицѣ староруской, мы и въ тôй категоріи слôвъ повернемо до властивого наголошуваня; дохованй въ языцѣ нашôмъ аналогичнй въ зложеныхъ словахъ акценты научатъ насъ, що говорити треба: Святóслава, Ярóслава, Володúмира, Мстúслава и т. д. Поки-що, мы хибными акцентами четвертои категоріи слôвъ еще довго-довго плюгавити будемо нашу бесѣду.

Въ кôнци есть еще споре число слôвъ, въ котрыхъ акцентъ до нынѣ не усталивъ ся. Найлучше то пôзнати въ творахъ многихъ нашихъ поетôвъ, котрй наголошуютъ гдеякй слова на два способы, знаючи що тымъ не зразятъ слуху своихъ читателѣвъ. Сама рѣчь, що за ближшимъ пôзнанемъ правилъ акцентовыхъ и той неладъ дасть ся поволи усунути.

Самогласнй вставнй е и о.

Вплывъ согласныхъ на акцентъ слôвъ объявляе ся и нынѣ еще при самогласныхъ вставныхъ. Се суть лишь случайнй, для лекшои вымовы вставленй звуки, не належачй до пня слôвъ, а мимо того принимаютъ звычайно акцентъ. Такъ н. пр. мѣсто Днѣпръ кажемо Днѣпéръ, мѣсто óгнь кажемо огóнь, мѣсто кнúжкъ кажемо книжóкъ*) и т. д. Ту зовсѣмъ наглядно бачимо

*) Вставными называю о и е такожь тогды, коли стоятъ въ послѣднôй силябѣ мѣсто старосл. ъ и ь. Єсли въ

простый механизмъ бесѣды, вплывъ кôнцевыхъ согласныхъ на акцентъ слова.

Самогласнѝ о и е вставляютъ ся въ слѣдуючихъ выпадкахъ:

1) Въ 2. падежи числа мн. у именникôвъ женьского рода. Тутъ вставнѝ самогласнѝ завсѣгды акцентуютъ ся: кôтóкъ, лавóкъ, сосóнъ; гривéнъ, мѣтéлъ, корчéмъ, земéль, пѣсéнь, шабéль, черешéнь, сотéнь и т. д.

2) Въ 2. падежи числа мн. у именникôвъ середного рода. Тутъ самогласнѝ вставнѝ такожь завсѣгды акцентуютъ ся: ôкóнъ, сукóнъ; полотéнъ, зерéнъ, ребéръ, крѣсéлъ, весéлъ. (Въ три- и бôльшесложныхъ словахъ подыбуємо, хочь и дуже рѣдко, неправильнѝ акценты: полотéнець, телятокъ.)

3) Въ 1. падежи числа ед. у именникôвъ мужеского рода. Тутъ вставнѝ самогласнѝ нынѣ лишь тогды маютъ акцентъ, коли въ падежи 2. наголошуєсь силяба послѣдна: Днѣпéръ, Днѣпрá; огóнь, огню́: панóкъ, панкá. Противножь: вѝхоръ, вѝхру; у́голъ, у́гла; вѣ́теръ, вѣ́тру.

Въ Словѣ о полку Игоревôмъ вставныхъ самогласныхъ мало находимо, а то єсть и зовсѣмъ природнымъ появомъ, бо въ старорускôмъ языцѣ ъ и ь на кôнци слôвъ звычайно вымовляли ся, отже була вымова звукôвъ зовсѣмъ легкою. Въ Словѣ пишесь н. пр. **пятъкъ** (чит. **пятко**), **вихръ** (чит. **вихро**) и т. д. Єслижь о и е вставлялись въ якихъ словахъ, тогды вже конечно дôставали акцентъ: **отéць, Донéць, Дѹдоутóк.**

Изъ всего выходитъ правило, що самогласнѝ вста-

Словѣ о полку Игоревôмъ пишесь **орломь, дни, Донца** (а не орьломь, дьни, Доньца), то очевидно и въ першôмъ падежи давне ь вже не памяталось, отже е (орелъ, день, отець) було ту звукомъ вставнымъ, а не походнымъ.

вни̂ о и є за вплывомъ кôнцевои согласнои засаднично акцентуютъ ся. Выняте заходитъ часомъ въ 1. падежи именникôвъ мужеского рода; тутъ бесѣда пôшла нынѣ за иншими падежами и вже до нихъ акцентъ 1. падежа приноровила. Єсть то появъ очевидно новѣйшій, старорускому языкови зовсѣмъ незнаный.

Акцентъ въ словахъ зложеныхъ.

Всѣ именники зложени̂, котрыхъ перша часть кôнчить ся на одну зъ самогласныхъ **о, и, ꙗ, оу**, мали въ старорускôмъ языцѣ акцентъ на тôй самогласнôй; **Свꙗто́славо, Ꙗро́славо, Осмо́мысло, шесто́крильцѣ, Бого́родицꙗ, Присно́дѣва, чело́вѣко, — Володи́миро, Мсти́славо, Рости́славо, — Изꙗ́славо, Переꙗ́славлꙗ** (1. пад. **Переꙗсла́вль**), **Слову́тичь, лоукѹ́морꙗ, полѹ́дние, въ полѹ́ноци.** — Въ бесѣдѣ нашôй доховали си еще дуже численни̂ слѣды такого акцентованя, акъ первоспы, красо́воронъ, коро́мысло, добро́дѣй; верти́порохъ, перекоти́поле, шиб́а́йголова, розо̂мни́голова, тереби́люлька, верни́гора, коли́воро̂тъ, кази́дорога, гори́цвѣтъ, спаси́бо̂гъ; чорно́земъ, коло́дязь, одно́ко̂нка; говорять такожь часто: на сѣно́жати, мешкати въ Яро́славѣ и т. д.

Акцентъ въ наведеныхъ зложеныхъ выраженяхъ уважаю дуже логичнымъ, правильнымъ, бо падаючи въ середину двохъ слôвъ, лучитъ ôнъ тоти̂ слова тымъ тѣснѣйше, нѣяко духово, въ одно понятє. Въ Словѣ засада такого акцентованя дуже точно переведена, тôлькожь поетъ упорно всюды пише **Свꙗтъславъ** (або **Свꙗтславъ**), змушуючи читателя самогласнои о не акцентовати, отже **Свꙗтосла́во** або **Свꙗтсла́во.** Ритмика дѣйстно выказує такій акцентъ; лишь одинъ разъ, и то власне въ дуже

попсованôмъ мѣсци, выйшло менѣ правильно **Свято́славо** (XIV. уступъ поемату).

Єсть еще въ Словѣ речене: **не бысть тоу брата Брячислава.** Я задля ассонанціи акцентую **бра́та Бря́числа́ва** (три **а** акц.), хочь правильнѣйшимъ уважаю акцентъ **Брячи́слава.** (Поетъ, щобы не акцентовати самогласнои **и**, написавъ нарокомъ **Брячяслава**).

Именники 1. и 4. ôдмѣны, зложенѝ зъ приименникомъ, мали акцентъ на тôмъ приименнику: **за́втроко, о́бѣдо, о́блаки, по́токо, ѹ́жино, по́вѣсте, на́пасте, по́хоте.** Въ цѣлости задержавъ ся такій акцентъ въ Галичинѣ до нынѣ; мы кажемо н. пр. на́рôдъ, за́хôдъ, ро́зхôдъ, выхôдъ, за́падъ, на́казъ, при́казъ, за́казъ, ѹ́казъ, вы́казъ, до́казъ, вы́бôръ, на́голосъ, ро́зголосъ, дôносъ, вы́стрѣлъ, по́стрѣлъ, за́писъ, до́пись, вы́писъ, и множество иншихъ такихъ слôвъ.

Изъ зложеныхъ приложникôвъ лишь дуже мало подыбуемъ въ Словѣ, проте годѣ установити якесь загальне правило. Лишаючи на боцѣ приложники, утворенѝ зъ причастій (н. пр. отвореный, прикрытый) находимо лишь слѣдуючѝ зложенѝ: **обо́юдный, злато́верхый, безво́дный** (находитъ ся въ мѣстци, где текстъ по моѣй гадцѣ попсованый; пôсля тексту у Мусинъ-Пушкина выходитъ **бе́зводный**), **Стри́божий, тре́свѣтлый, пра́дѣдний, заѹ́трена, ѹ́горьский, ѹ́далый.** Вынявши слова **злато́верхый**, где самогласна **р** не допустила змѣны акценту, и **заѹ́трена**, — у всѣхъ прочихъ приложникахъ падае акцентъ на першу складову часть слова.

Акцентъ глаголôвъ.

Передовсѣмъ цѣкавый появъ заходитъ при глаголахъ 4-ои клясы (котрыхъ нень кôнчитъ ся на и); они майже безъ выему маютъ акцентъ на коренной силябѣ: твóрити, ѣздити, прилóмити, прилóжити, мóстити, крѣсити, смы́слити, цвѣлити, раскрóпити, скóчити, нóсити, сýшити, грýзити, рóнити, óстрити, прáвити, звóнити, хóпити, обѣсити, расхы́тити, докóнчити, подѣлити, поклóнити и, здаесь, стýпити.

Слѣды того на всякій случай дуже правильного акцентованя доховались въ нашôй бесѣдѣ въ цѣлôй ôдмѣнѣ часу теперѣшного, н. пр. (мы) твóримо, лóмимо, бýдимо, крóпимо, звóнимо, а зъ перенесенымъ акцентомъ: сýшимó, дѣлимó, кінчимó ит. д.

Въ повноголосныхъ формахъ менѣ выйшли такй акценты: городи́ти, полони́ти, молоти́ти, а тôлько одинъ разъ молóдити.

Та не лишь глаголы четвертои клясы, але и всѣ иншй маютъ склоннôсть до акцентованя силябъ коренныхъ. Видно то найлучше по ôдмѣнѣ часу теперѣшного, И такъ:

Число единичне.

1. особа: хóчю (и церковне хощý), ви́жю, полéчю, омóчю, оутрý — всюды акцентъ на коренной силябѣ.

2. особа: стóиши, пры́щеши, грéмлеши, мóжеши, сѣдиши, отвóрѧеши, стрѣлѧеши, плáвлеши, вѣеши, мы́чеши — всюды акцентъ на коренной силябѣ, вынявши глаголъ стрѣлѧеши (порôвнай стрѣлá).

3. особа: звéните, кли́чете, вéлите, вéдете, завóрочáете, мéркнете, дрéмлете, бѣжите, прáвите, тýтнете,

шумите, ничите, летите, носите, зовете, течете, ѣздите, моловите, буде(т), слышите, кычете, плачете, кажете — всюды акцентъ на коренной силябѣ. До вынятій належать **стоупаете** и **бываете.**

Число многе.

1. особа: **всядеме, позриме** (або **позрим**), **почнеме.**
2. особа: (не приходитъ въ Словѣ).
3. особа: **бѣжате, трубыте, стоыте, скачюте, кричы(т), восрожате, зовоуте, брешоуте, идоуте и идуте, хотыте, вѣюте, текоуте, лежа(т), летыа(т), гримлюте, треща(т), каюте, нѣгоуюте, лелѣюте, молотыте, пашоуте, кажоуте, почнуте** — всюды акцентъ на коренной силябѣ. До вынятій належать: **поюте, повѣдаюте, трепещоуте, прикрываюте, глаголюте, побѣждаюте, рыкаюте.**

Въ загалѣ можна повѣсти, що глаголы — вынявши гдеякй зъ пятои клясы, котрй д всюды задержують, н. пр. **повѣдаю** — акцентъ мали на силябѣ коренной. Только за вплывомъ согласныхъ мôгъ акцентъ змѣнити ся, н. пр. **пасете** або **пасет, мѣрите** або **мѣрит** и т. д.

Двоякій акцентъ словъ.

Гдеякй слова мають двоякій акцентъ для означеня двохъ розличныхъ понятій, або для розрожненя двохъ чиселъ. Змѣна акценту споводована ту не причинами языковыми, але больше розумовыми, логичными.

Въ жиючой нашой бесѣдѣ задержали ся дуже численнй слѣды такого двоякого акцентованя, особливо въ одмѣнѣ двосложныхъ именниковъ. Перейду порôвнавчо бодай важнѣйшй выпадки.

Именники першои одмѣны.

Нынѣ рôвнозвучныхъ падежѣвъ (въ числѣ единичномъ и многомъ) нема; лише колька задержалось слѣ-

дôвъ старинной ôдмѣны въ другôмъ падежи числа многого, котрый бувъ рôвный першому числа єдиничного. До нынѣ розличаємо акцентомъ: *число един.* лóкоть, чóбôтъ — а *число мн.* кôлька локóть, пара чобíт. Сюды можна бы такожь ôднести: *число един.* дéсять, а *число мн.* пят-десять, сѣм-десять.

Въ старорускôмъ поематѣ зъ тои старинной ôдмѣны находимо въ числѣ многôмъ лишь два слова: **кой** и **славий.** При першôмъ зъ тыхъ слôвъ, яко односложнôмъ, о змѣнѣ акценту не може бути бесѣды; при другôмъ така змѣна дѣйстно заходитъ: *число един.* **слáвий,** *число мн.* **славúй.**

Именники другои ôдмѣны.

Однако звучатъ 2. падежь числа един. и 1. падежь числа многого; рôжниця выражає ся двоякимъ акцентованємъ.

1) *Число єдиничне* (другій падежь): пóля, мóря, сѣна, мѣста, слóва; *число многе* (першій падежь): поля́, моря́, сѣна́, мѣста́, слова́.

2) *Число єдиничне* (другій падежь): ôкна́, села́, пера́, ребра́, весла́; *число многе* (першій падежь): вíкна, сéла, пéра, рéбра, вéсла.

Правило такого акцентованя двосложныхъ слôвъ єсть въ языцѣ нашôмъ досыть загальне и перестерѣгаєсь всюды такожь въ старорускôмъ поематѣ. Виравдѣ засôбъ дотычныхъ формъ єсть ту дуже скупонькій, але per analogiam можна зъ иншихъ падежѣвъ акцентъ властивый вынайти. И такъ: *число един.* (другій падежь) **пóля, лѣта, стáда** — *число мн.* **поля́, лѣта́, стада́;** *число един.* **крилá, крильцá** — *число мн.* **крúла, крúльца.**

Именники третёи ôдмѣны.

Однако звучатъ 2 падежь числа єдин. и 1 падежь числа многого; рôжниця выражає ся двоякимъ акцентованємъ.

1) *Число єдиничне* (другій падежь): лáвки, хáты, шáблѣ, цéрквы; *число многе* (першій падежь): лавкú, хаты́, шаблѣ́, церквы́.

2) *Число єдиничне* (другій падежь): горы́, сестры́, воды́, ногú, стороны́, землѣ́; *число многе* (першій падежь): гóры, сéстры, вóды, нóги, стóроны, зéмлѣ.

Правило такого акцентованя перестерѣгає ся и въ старорускôмъ поематѣ: *число един.* (другій падежь) **дѣ́квы, врáны, зáри, рѣ́ккы, рáны** — *число многе* (першій падежь) **дѣ́ккы́, враны́, зарú, рѣ́ккы́, раны́**; *число един.* **воды́, грозы́, меглы́, дескы́, горы́** — *число многе* **вóды, грóзы, мéглы, дéскы, гóры.** Очевидно, суть въ старорускôмъ языцѣ и вынятя ôдъ того правила, але они споводованú иншими важными причинами. Годѣ н. пр. щобы говорилось въ старорущинѣ **церквú,** бо самогласна **р** нѣколи не тратила акценту; не могло говоритись **дѣ́ккú,** бо силяба **дѣ́кк** кôнчилась на согласну, котра трудностею вымовы притягала акцентъ до себе; годѣ було акцентовати **птицú,** коли и намъ навыкшимъ вже вымовляти и найтяжшú комбинаціи звукôвъ, зъ вымовою першои силябы (**пти**) такъ иде неспôрно, що не стає часу захопити акцентомъ конець слова.

Именники четвертои ôдмѣны.

Однако звучатъ 2, 3 и 7 пад. числа єдиничного и 1, 4 и 5 числа многого. Наша бесѣда тымъ множествомъ тотожныхъ формъ видимо такъ обаламутилась, що вже и въ акцентѣ не робитъ ту нѣякихъ рôжниць. Правильнú

акценты, якъ н. пр. **въ ночи́**, належатъ въ нынѣшнôй ôдмѣнѣ до правдивыхъ рѣдкостей.

Старорускій языкъ розрôжнявъ акцентомъ число єдиничне ôдъ числа многого.

1) *Число єдиничне*: **поути́, рати́, пѣсни́, хоти́, по Роси́** (рѣка Рось); *число многе*: **пу́ти, ра́ти, пѣ́сни.**

2) *Число єдиничне* (въ стягненыхъ старослав. формахъ): **вла́сти, пре́ди, сре́ди, кро́ви** — *число многе*: **власти́.**

(Засôбъ слôвъ сеи ôдмѣны въ поематѣ нашôмъ дуже скупый, проте загального правила поставити ту не можна.)

Приложники и прислôвники.

Прислôвники творятъ ся звычайно зъ приложникôвъ, а властиво, що до формы своеи, були они *приложниками середного рода*: красно, скоро, мало, широко и т. д. Ту заходитъ той выпадокъ, що єсть одно слово, а служитъ для означеня двохъ частей мовы; пôсля провôднои засады руского языка повиненъ бы приложникъ акцентомъ своимъ рôжнити ся ôдъ прислôвника.

Въ нынѣшнôй бесѣдѣ така рôжниця гдекуды заховує ся: малы́й, ма́ло; слабы́й, сла́бо; стары́й, ста́ро; благі́й, бла́го; худы́й, ху́до. Кажутъ такожь: широ́кій, ши́роко; высо́кій, вы́соко; горя́чій, го́рячо; зеле́ный, зе́лено; весе́лый, ве́село; кра́сный, красно́; коро́ткій, ко́ротко и т. д. Заховати точнѣйше тую рôжницю акцентову, бесѣда наша не могла, бо формы приложниковѝ на о нынѣ не уживаютъ ся, отже и ôдпавъ одинъ важный регуляторъ акценту въ нынѣшнôй бесѣдѣ рускôй.

Горѣшну увагу роблю бôльше догадомъ, бо прислôвникôвъ и ôдповѣдныхъ имъ приложникôвъ єсть

въ Словѣ всего-навсего три: **тéмный, темнó**; **мáлый** (?), **мáло**; **мнóгы** (plur.), **мнóго**. Послѣдне слово тутъ не йде въ рахубу, бо тяжша вымова першои силябы (**мно**) не дозволила змѣнити акценту, а знову **малый** приходить въ двохъ мѣстцяхъ, зъ котрыхъ одно припускае акцентъ **малы́й**.

Зъ иншихъ прислôвникôвъ на о подыбуютъ ся въ Словѣ: **высóко, нáсильно, тя́жко, частó** (?), **рѣткó, лѣ́по, мýтно.** Акценты приложникôвъ, якъ думаю, були такû: **вы́сокый, нáсильный, тяжкы́й, частый, рѣ́ткый, лѣ́пый, моутны́й.**

Важный есть еще акцентъ прислôвника **кóнець** (приходитъ два разы). Ту найлучше видно намагане бесѣды до розрôжнюваня посредствомъ акценту тотожныхъ формъ, бо именникъ **конéць** мавъ акцентъ на послѣднôй силябѣ.

Гдеякû слова маютъ *два зовсѣмъ ôдмѣнни́* значеня, котрû такожь двоякимъ акцентомъ выражаемо: зáмокъ и замóкъ, мýка и мукá, дорóга (Weg) и дорогá (theuer), жáденъ и жаденъ, плáчу (ôдъ плакати) и плачý (ôдъ платити), пóмочи (ôдъ пóмôчь) и помочи́ (infin.), и многû иншû.

Въ Словѣ мало находить ся выразôвъ зъ двоякимъ значенемъ, однакъ где они суть, тамъ заразъ и заходитъ рôжниця въ акцентѣ: **гóраздый** (богатый) и **горáздый** (швидкій, скорый), **оки́да** и **О́кида**, (**си́ний** и) **сини́й**, **дѣ́вица** (о половецкихъ дѣвчатахъ) и **Дѣ́вица** (о славяньскихъ богиняхъ, Русалкахъ), **кóтора** (нѣм. Hader, сварка) и **котóра** (welche). Думаю, що сюды зачислити можна выраженя **гóдина** (часъ) и **годи́на** (вôйна): **на ни́че сѧ годи́ны обрати́ша.** Въ послѣднôмъ значеню походилобъ **годи́на** ôдъ höd, слова улюбленого сканди-

навскими поетами на означенє вôйны. Нема сомнѣня, що и **горáздый** въ значеню „швидкій“ не єсть словомъ руско-славяньскимъ, але принесене на Русь Варягами и ôдноситъ ся до скандинавского hratt = скоро. (Пôсля правилъ славяньского звукословія hratt перемѣнитись мусѣло на **ґрастъ**, а при мягшôй вымовѣ на **граздъ**, зъ чого и вытворилась повноголосна форма **горáздъ**).

Вплывъ приименникôвъ на акцентъ.

Вже на иншôмъ мѣстци замѣтивъ я, що именники мужеского рода и тѝ женьского рода, що кôнчатъ ся на ь, маютъ акцентъ на приименнику: нá-рôдъ, зá-рôдъ, пó-рôдъ; рóс-хôдъ, вы́-хôдъ, пó-хôдъ, нá хôдъ, дó-хôдъ; пó-мôстъ, пó-вѣсть, зá-висть, óб-лакъ, óб-ласть, пó-шесть, зá-мѣть, пó-дорожь и т. д.

Такъ у насъ загально въ Галичинѣ говорятъ, и се єсть єдино правильный акцентъ, дохованый ôдъ прарускихъ часôвъ и безсомнѣнно сконстатованый ритмикою Слова. Замѣтка, будьто сей акцентъ вытворивъ ся доперва пôзнѣйше пôдъ вплывомъ польщины, а акцентъ россійскій нарóдъ, дохóдъ, расхóдъ єсть нѣбы-то правильнѣйшій, не має раціональнои пôдставы. Граматикъ повиненъ судити о правильности формъ и акцентôвъ не зъ одного падежа, але зъ цѣлости, значитъ зъ всѣхъ падежѣвъ числа єдиничного и зъ всѣхъ падежѣвъ числа многого. А таке порôвнанє власне выказує, що вынявши 1. падежь всѣ прочѝ (отже 13 падежѣвъ) выговорюютъ ся въ Галичинѣ акцентомъ иншимъ ôдъ польского, а въ россійскôмъ тѝ 13 падежѣвъ власне маютъ акцентъ польскій. До тогожь треба памятати, що якъ пень слова, такъ и головный акцентъ слова повиненъ пôзнавати ся не зъ першого, але зъ другого падежа. Пôсля староруской вымовы можна було гово-

рити: нарóд, расхóд, дохóд (бо тутъ кôнцевѝ силябы кôнчили ся на согласну), але въ иншихъ падежахъ вплыву согласныхъ вже не було, отже и вертавъ правильный акцентъ прарускій назадъ: нáрода, дóхода, пóхода и т. д.

Суть и въ Галичинѣ зложенѝ именники, що акцентъ маютъ хибный: потíк-потóку (въ горахъ акцентуютъ еще правильно: пóтôкъ-пóтоку); повéрхъ-повéрху (але чути такожь пóверхъ). Зъ другои стороны суть и въ россійскôмъ языцѣ правильнѝ акценты на приименнику: óбразы, óблако, óбласть, пóвѣсть (хотяй знову говорять хибно: повѣстка), рóзыскъ, нáступъ, нáтискъ, нáсмѣхъ (але зовсѣмъ хибно: насмѣшка), пóваръ, пóводъ и иншѝ.

Старорускій (и нынѣшній галицко-рускій) языкъ, акцентуючи приименники наведеныхъ зложеныхъ слôвъ, поводовавъ ся ту засадами розумовыми, бо приимениики служатъ въ зложеныхъ словахъ до модификованя понятій, отже и повиненъ на нихъ спочити натискъ голосу.

Зложеныхъ именникôвъ середного рода и женьского (на а) въ Словѣ лишь дуже мало: побѣда, усóбиця, припѣвка; посóбіє, насѝліє, зарáніє, замышлéніє, Помóріє, Посýліє, узорóчіє, забрáло. Въ тыхъ зложеняхъ нема стôлько розмаитости, кôлько при именникахъ 1. и 4. ôдмѣны (где н. пр. слова *рôдъ*, *хôдъ* могутъ зъ пятьма и навѣть бôльше применниками лучитись), отже и бесѣда не бачила ту потребы змѣняти акцентъ. Єслижь для змодификованя понятій єсть бôльше именникôвъ зложеныхъ, тогды и въ женьскôмъ родѣ приименникъ часто акцентуєся: дóгадка, зáгадка, прѝгадка, вы́гадка, рóзгадка; зáставка, прѝставка, дóставка, вы́ставка; нáмѣтка, прѝмѣтка, зáмѣтка, перéмѣтка и т. д.

Найбôльшій вплывъ на акцентъ маютъ приименники **па** (мѣсто **по**) и **вы.** Мы всѣ акцентуемо: пáсвѣтокъ, пáтолочь, пáгôрокъ, пáкосы, пáгôнцѣ, пáморока, пáробокъ, пáрôстки, пáчосы, пáбородокъ, пáтока, пáрôгъ, пáсербиця, пáлютый, пáсынокъ, пáрѣсный, пáрôйки, пáжера, пáгнôсть, пáжерливый, пáпороть, пáпоротниця — и такійже акцентъ подыбуемо въ Словѣ: **пáволока, пáпорзи.**

Приименникъ **вы** (м. **изъ**) приходитъ въ Словѣ лишь при трехъ глаголахъ: **вы́торже, вы́лыти, вы́скочисте.** Въ нынѣшнôй рускôй бесѣдѣ замѣчаемо таке правило: глаголы доконанй маютъ завсѣгды акцентъ на **вы:** вы́нести, вы́робити, вы́полокати, вы́образовати; недоконанй акценту на **вы** не маютъ: выноси́ти (повинно бути вынóсити), выро́блювати, выполóкувати. Пôсля сего правила идутъ и именники глагольнй: вы́несене и вынóшене, вы́роблене и выро́блюване, вы́полоканe и выполóкуване и т. д.

Приименникъ **пере** въ зложеныхъ именахъ дôстае звычайно акцентъ на другôй силябѣ: перéкупка, перéхвалка, перéгра, перéсѣчно, перéсылка, перéвязка, перéмѣтка, перéулокъ, перéрва, перéсторона, перéгородка и иншй. Аналогично говоритись повинно: Перéмышля, Перéворска.

Такожь и приименникъ **соу** (мѣсто **со**) дôстае въ зложеныхъ словахъ акцентъ: сýмѣшка, сýдороги, сýголосна, сýтечь, сýржиця (мѣшанина пшеницѣ и жита), сýперечка, сýпротивъ, сýпротивный, сýгорбы, сýмирный, сýголовки и т. д.

Слова зъ двоякимъ акцентомъ.

Въ цѣлости поодинокй слова староруского поемату маютъ акценъ сталый, всюды однаковый, — кôлька вы-

падкôвъ, где задля ассонанціи акцентъ змѣняе ся, не може ити въ рахубу. Однакъ же суть и такй слова, що безъ важнои причины наголошуютъ ся двояко: вéликій и велйкій, пôганый и погáный зéмля и земля́, кня́зя и князя́, сáми и самй, крáсный и красный, рéче и речé, И́горь и Игóрь, и кôлька иншихъ.

Не перечу, що гдеякй мѣстця поемату мôгъ я зле ôдчитати и проте лишь зъ моеи вины выпали гдеякй акценты хибно, однакъ въ цѣлости не пôдлежитъ сомнѣню, що авторъ Слова дѣйстно акцентовавъ гдекуды на два способы, и то, якъ думаю: акцентомъ книжнымъ (прарускимъ, старославяньскимъ) и акцентомъ нарѣчевымъ (взглядно галицко-рускимъ). На кôлькохъ примѣрахъ поясню методу, якои я державъ ся при констатованю правильного акценту въ такихъ словахъ.

Вéликый, чи велйкый?

Тутъ перша силяба яко коренна повинна мати акцентъ, отже **вéликый.**

Въ Словѣ приходитъ 13 разôвъ **вéликый,** а лишь въ 4 выпадкахъ выйшло менѣ **велйкый.**

Въ многихъ сторонахъ Галичины, и на долахъ и въ горахъ, говорятъ и доси вéликій або — що на одно выходитъ — зъ перенесенымъ акцентомъ: велйкі́й.

Польске wielki (а не wieliki) и зъ своеи стороны доказуе, що самогласна и (i) въ серединѣ слова не мала акценту, божь инакше не могла бы выпасти.

Въ словѣ **великый** не бачу нѣякихъ причинъ, нѣ въ самогласныхъ нѣ въ согласныхъ, для котрыхъ бы акцентъ не мавъ стояти на силябѣ коренной.

Зéмля, чи земля́?

Ритмика Слова выказуе въ двохъ мѣстцяхъ ак-

центъ зе́млꙗ, а въ двохъ земля́; пôсля тексту Муссинъ-Пушкинового выходитъ три разы зе́млꙗ: 1) зе́млꙗ тѹ́тнете; 2) тѣ́ми тре́сноу зе́млꙗ; 3) кли́кноу, стѹ́кноу зе́млꙗ. У всѣхъ тыхъ мѣстцяхъ приписуютъ ся земли чинности незвычайнѝ, надприроднѝ, и нема сомнѣня, що тутъ слово зе́млꙗ брати належитъ въ значеню митологичнôмъ.

Зъ ритмики церковныхъ молитовъ выходитъ менѣ всюды акцентъ зе́млꙗ.

Въ гдекотрыхъ сторонахъ Галичины, и въ горахъ и на долахъ, акцентуютъ еще до нынѣ правильно з е́ м л я.

Силяба ꙗ (зъ мягкимъ ь) уважалась слабою и засадничо акценту не принимала.

Ре́че, чи рече́?

Въ моѣмъ выданю приходитъ 8 разôвъ ре́че, по одному разу ре́коста, ре́косте, е́ркоша, е́рци, 4 разы а́ркоучи, а лишь 5 разôвъ рече́.

Правильнымъ уважаю акцентъ ре́че, тымъ бôльше, що давнѝ Русины писали въ сѣмъ словѣ самогласну ρ, котра засадничо мусѣла акцентовати ся.

Якъ ôдъ мочи́ (могти) кажемо нынѣ въ часѣ теперѣшнôмъ мо́же, такъ ôдъ речи мусѣло бути ре́че. Впрочѣмъ звукъ ѣ вплывавъ давнѣйше на ослаблене силябы, проте на нѣй акцентъ стояти не повиненъ.

Кня́зꙗ, чи кнꙗзꙗ́?

Я зачисляю слово кнꙗзь до стягненыхъ формъ, подôбно якъ гра́дъ (мѣсто г о р о д ъ), братъ (порôвн. мадярске baratom), внѹ́къ, плкъ (мѣсто п о л о к ъ), проте въ другôмъ падежи не приймаю змѣны акценту: кня́зꙗ, гра́да, бра́та, внѹ́ка, по́лка.

Що слово кнꙗзь не було односложне, доказомъ давня правопись сего слова: кънꙗзь (корень той самъ, що въ нѣмецкôмъ König).

Акцентъ **кнѧзѧ́** уважаю *специяльностею* галицкого нарѣчія, подо́бно якъ **самѝ** мѣсто **са́ми**, **свое́го** м. **сво́его**, **красны́й** (гдекуды въ горахъ) м. **кра́сный***).

---

*) Въ загалѣ зъ цѣлого укладу поемату видно, що авторъ мавъ часто трудности зъ доборомъ акценту, тому окро́мъ рускихъ уживае такожь формъ и сло́въ старославяньскихъ, н. пр. **полкъ** и **полокъ**, **солнце** и **солонце**, **драгый** и **дорогый**, **брегъ** и **берегъ**, **аще́** и **а́же**, **акы́** и **ꙗ́ко** и т. д.

Доповненя до митологіи Готôвъ.

Въ „Темныхъ мѣстцяхъ“ поданѝ були поясненя до митологіи скандинавскои (головно Готôвъ) и до митологіи староруской, о скôлько обѣ представленѝ въ Словѣ. Теперь, при дослѣджуваню акценту, наткнувсь я на кôлька новыхъ мѣстць, котрѝ такожь тôлько при помочи митологіи даютъ ся розъяснити. Належатъ сюды згадки про **Обидоу**, про **Дѣвицю Бѣлкоу**, про **Карноу** и **Жлю**.

Обида.

Интерптреты слушно замѣчаютъ, що слово „обида“ въ поематѣ нашôмъ разъ означае *„дѣлане кривды“*, а въ иншихъ мѣстцяхъ *„терпѣне кривды“*. Ритмика довела зновъ до цѣкавого ôдкрытя, що въ активнôмъ значеню (*„дѣлане кривды“*) акцентуесь **óбида**, а въ пассивнôмъ значеню **обѝда**.

Ктожь то есть тымъ „дѣятелемъ“ кривды?

Въ VIII-ôмъ уступѣ поемату росказано, що *„обида вступивши Дѣвою на землю Трояню, восплескала лебедиными крилы на синѣмъ мори; у Дону плещучи убудила жирня времена“*. Ту очевидно бесѣда о митологичнôй постати, котра въ подобѣ Дѣвы (Валькиріи) спустилась на землю и тѣшилась зъ нещастя Русинôвъ.

Въ IV-ôмъ уступѣ поемату згадуесь такожь про **Обидоу**. Коли Русины въ першôй борбѣ побѣдили Половцѣвъ, то Ольгове гнѣздо (Игорь и Всеволодъ) розтаборилось без-

печно середъ степу; оно, якъ каже поетъ: „не было обидѣ порождено: ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый Половчине!“ Ту до **обиды** зачисленй соколъ, кречетъ и воронъ — птицѣ грабежливй, котрй особливо для войска вѣщуютъ лихо, бо въ часѣ войны летятъ на „**єдиє**“ и „**трꙋпиꙗ дѣлꙗтъ себѣ**“. Обида представлена въ томъ уступѣ въ подобѣ птиць.

Въ III-омъ уступѣ росказано, що коли Игорь къ Донови зближавъ ся, Дивъ накликувавъ Половцѣвъ до бою, а ровночасно „**волци грозоу возрожатъ по ꙗроугамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовоутъ, лисици брешоутъ на черленыѧ щиты;**“ въ добавокъ сказано тамъ про Игоря: „**оуже бо бѣды єго** (Игоря) **пасетъ птиць подобию**“. Послѣдне речене въ наведеной стилизаціи не має нѣ найменшого змыслу, бо не знати, кто „пасетъ“, и на-що „бѣды“ пасетъ, и кто то єсть птиць подобію? Я мѣсто „бо бѣды“ читаю „**обида**“, и мысль выходитъ така: „Обида въ подобѣ птиць глядитъ (слѣдитъ) за Игоремъ, коли онъ запускаєсь въ степъ Половцѣвъ“.

Въ томже самомъ уступѣ говоритъ ся: „**свистъ звѣринъ въ стазби Дивъ кличетъ верхꙋ древа**“. Я поправляю тоє недорѣчне речене такъ: **свистъ звѣринъ въста, Оби-Дивъ кличетъ верхꙋ древа**“. Дивъ єсть богъ войны, єму до помочи являлись на боєвищи **Обида-Дѣва** и „**Обида-птицѣ**“; безъ тыхъ чинниковъ успѣхъ войны, по вѣрованю Скандинавцѣвъ, бувъ просто неможливый. Ту зовсѣмъ логичный высновує ся внесокъ, що **Оби-Дивъ** значитъ Обида-Дивъ (силяба **да** передъ слѣдуючимъ **д** для евфоніи выпала, якъ то и въ иншихъ мѣстцяхъ задля ритму досыть часто лучаєсь въ поематѣ). Изъ всего видимо, що **Обида** (въ значеню активномъ) єсть нѣяко олицетворенемъ митологичного свѣта Скандинавцѣвъ, що въ томъ понятію выраженй всѣ тй силы, що по вѣрованю поганъ по-

трѣбнѝ були до щасливого успѣху вôйны. Пôсля скандинавскои митологіи **Дивъ** и **Бооусъ** являли ся на боєвищи завсѣгды въ окруженю Валькирій и грабежливыхъ птиць.

Для доброго успѣху вôйны потрѣбнѝ єще були жребія боєвѝ; ними управляли святѝ Дѣвицѣ Норны. Въ Словѣ такѝ жребія названѝ по скандинавски **стрикоусы**, а въ однôмъ мѣсци просто „**обидни жребіи**“ (въ выданю Муссинъ-Пушкина перекручено на **побѣдни** жребія).

Въ X-ôмъ уступѣ поемату приходитъ речене: „**Донъ ти, княже, кличетъ и зоветь князи на побѣдоу**“. Ту ритмика выказує акцентъ **пôбѣдоу**, що зновъ спротивляєсь двомъ иншимъ мѣстцямъ, где читати треба **побѣда**. До тогожь взяти мусимо на увагу те, що говорилось въ иншôмъ паралельнôмъ мѣстци поемату; тамъ Обида-Дивъ кликавъ верху древа и звавъ Половцѣвъ напротивъ Руси, — ясна рѣчь, що теперь, коли Русины въ небезпеченьствѣ, Донъ зве рускихъ князѣвъ противъ „Обиды“, а не на якусь побѣду*).

Думаю, що тымъ моимъ выводомъ якъ найлучше поясняє ся кôлька темныхъ мѣстць въ Словѣ. Розрôжняти мусимо: **Обида** (въ загалѣ), а ôдтакъ въ частности: Обида-Дивъ, Обида-Дѣва, Обида-Дѣвиця, Обида-птицѣ и обиднѝ жребія.

Дѣвицы Бѣла.

Въ XI уступѣ Слова приходитъ таке речене: „**На седьмомъ вѣцѣ Троянн верже Всеславъ жребий о дѣвицю себѣ любоу**“. Интерпреты, не могучи кôнця дôйти зъ тымъ загадковымъ реченемъ, кажутъ, що „*дѣвицею себѣ любою*“ буде мѣсто Кієвъ, бо и справдѣ Всеславъ якійсь

---

*) Языково „звати на побѣду“ малобы значене зовсѣмъ инше, скорше враждебне (порôвнай: „орли клектомъ на кости звѣри зовутъ“).

часъ княживъ въ Кіевѣ. Въ „*Темныхъ мѣстцяхъ*“ пояснивъ я на пôдставѣ самогожь поемату, що ту бесѣда о *стрикусахъ* (божескихъ жребіяхъ), котрыми управляли святû Дѣвицѣ Норны, що проте въ текстѣ читати треба: „жребій отъ дѣвицѣ себѣ любы“. Заразомъ выразивъ я догадку, що тою дѣвицею „любою“ буде наймолодша Норна, хороша богиня Скульдъ.

Ритмикою Слова доходимо до гдещо иншихъ результатôвъ. Выражене „*себѣ любы*“ не дає ся уняти въ ритмичну форму; ту конечно заходитъ похибка переписовача, котрый не розумѣючи скандинавскои митологіи, черезъ штучне получене неналежачихъ до себе слôвъ потворивъ собѣ новû, бôльше зрозумѣлû выразы. А що ту дѣйстно зайшла поправка, вказує вже и сама фраза, котра єсть надто модерною и до давного способу выраженя не надає ся.

Слова **себѣ любы**, зъ огляду на ритмъ и на звязь зъ дальшимъ текстомъ, дѣлю въ той способъ, що першу силябу **се** и послѣдну **бы** (властиво **бо**) переношу до слѣдуючого реченя, а середнû силябы **бѣ+лю** лучу въ одно поняте. Такимъ чиномъ выйде текстъ такій: „**Всеславъ верже жребий отъ Дѣвицѣ Бѣлы. Се той бо клюками подперъ ся, оконию скочи къ градоу Кыевоу... скочи въ полночи изъ Бѣлаграда, обѣси ся синѣ мьглѣ, оуторже въ ꙗзвено стрикоусы**“. Поетъ ставитъ напередъ головну мысль (**верже жребий отъ Дѣвицѣ**), а потôмъ, якъ то ôнъ для лучшого зрозумѣня всюды робитъ, поясняє головну мысль ближше (тутъ при помочи слôвъ **се бо**).

Ктожь була тая **Бѣла** (Бѣля)?

Въ Еддѣ, въ поезіи Gylfaginning, сказано такъ: „Найвысшій богъ поставивъ на небѣ два возы и два конѣ: одно для ночи, друге для дня. Нôчь ѣде напередъ, а єи кôнь пѣною своєю кидає росу на землю. Сонѣчнымъ возомъ кермує Sôl, а мѣсяцемъ Mani. Сей послѣдный взявъ зъ землѣ двоє дѣв-

чатъ, Bil и Hiuki, котрî и доси ходятъ въ слѣдъ за мѣсяцемъ. Придивѣмъ ся лишь уважно мѣсяцеви, а побачимо бѣля него и одну дѣвчину и другу: Бѣлю тогды, якъ мѣсяць меншає, Hiuki тогды якъ мѣсяць росте". (Die Edda von Karl Simrock, achte Auflage, Stuttgart, 1882).

Пôсля иншихъ повѣрокъ скандинавскихъ Бѣля сидитъ на кружку мѣсяця и представляєсь оку нашому въ видѣ тыхъ плямъ, що бачимо на мѣсяци. Она зачислялась до родины богôвъ.

Порôвнайможь теперь текстъ Слова зъ тою повѣркою. Всеславъ о пôвночи взнѣсъ ся своєю чародѣйною силою до неба, повисъ въ синихъ облакахъ и сшибъ (здруливъ) въ свôй чепець жребій ôдъ Дѣвицѣ, такъ званî стрикусы. Тою нôчною Дѣвицею не може бути кто иншій, лишь богиня **Бѣлꙗ.**

Не знаю, чи стоитъ то въ якôй звязи зъ повѣркою скандинавскою, що рускî селянки въ многихъ сторонахъ въ часѣ остатнои квадры за нѣщо въ свѣтѣ не будутъ нѣ садити нѣ сѣяти, навѣть огôркôвъ солити не ôдважатъ ся (*Номисъ*, Приказки 13.418). Звязь о стôлько ту можлива, що божества скавдинавскî, якъ ихъ вже представляє старорускій поетъ, були для Русинôвъ силою злою, а послѣдна квадра єсть власне часомъ панованя Бѣлѣ.

На Руси, єще и въ часахъ по-Игоревыхъ, доховалась була (межи боярами) традиція про Бѣлу. Въ Словѣ Даніила Заточника, памятнику зъ 13-ого столѣтя, приходитъ такій уступъ:

Коли́ пожре́т сини́ца о́рла,
Коли каме́ниє воспло́ве(т) по водѣ́,
Коли́ свиня́ почне́т на бѣ́лкоу ла́ꙗти,
Тогда́ безꙋ́мный ꙋ́моу наоучи́т сꙗ.

Интерпреты кажутъ, що бѣлка значитъ ту „*вывѣрка*". Але зъ ôдки тогды взявбы ся такій непоетичный, глупый

концептъ у поета, представляти „свиню“, якъ она лає (т. є. *бреше*) на вывѣрку? Въ наведенôмъ мѣстци взятый образъ изъ звычайного житя. Псы, якъ знаємо, „*брешутъ на мѣсяць*“, — а поетъ навязуючи до того каже: „*єсли свиня почне на мѣсяць брехати, тогды доперва безумный стане ся умнымъ*“. Порôвнанє въ такій способъ высказане, хочбы и выдалось кому неестетичнымъ, але має зовсѣмъ розумну мысль и освободжає насъ ôдъ тои загадочнои вывѣрки, котра, нѣ сѣло нѣ пало, стаєсь такъ антипатичною — для „свинѣ“.

Бѣлка у Даніила Заточника значитъ по-просту „мѣсяць“ и стягає ся до тои скандинавскои Дѣвицѣ Бѣлѣ, що ходитъ за мѣсяцемъ, або на мѣсяци сидитъ.

Карна и Жля.

Въ VIII-ôмъ уступѣ Слова находимо (въ выданю Муссинъ-Пушкина) таке реченє: **За нимъ** (Игоремъ) **кликноу Карна и Жля, поскочи по рꙋской земли, смагоу мычючи въ пламянѣ розѣ.** Интерпреты, опираючись на лѣтописи, поправляютъ слова **Карна** и **Жля** на **Кончакъ** и **Гза**, бо дѣйстно оба тѝ ханы половецкѝ розбивши войско Игоря, погнали въ руску землю и тутъ мечемъ и огнемъ мстились за Игоревый нападъ. Въ свôй текстъ принявъ я такожь имена половецкихъ ханôвъ, бо обѣ назвы надавались менѣ добре до ритму. Але хочь мысль выходитъ добра и ритмъ добрый, всежь выданє Муссинъ-Пушкина єсть тутъ перворядной ваги и зъ нимъ мусимо конечно числитись. Въ текстѣ сего выданя, якъ выказує ритмика, нема зовсѣмъ тыхъ великаньскихъ блудôвъ и похибокъ, про котрѝ стôлько наговорились ученѝ; тôлько тѝ уступы, въ котрыхъ згадує ся про скандинавску митологію, выйшли попсованѝ, — ту очевидно переписовачь не розумѣвъ предмету, проте або самъ зле ôдчитувавъ, або нарокомъ власнѝ робивъ поправки.

Я и горѣшне речене зачисляю до тыхъ, що ôдносятъ ся до скандинавскои митологіи.

Мѣсто **Жлы** читаю **Лжы**, про котру въ тôмже самôмъ уступѣ поемату (кôлька стихôвъ нижше) такъ говоритъ ся: **Та бо два храбраꙗ Свꙗтославича, Игорь и Всеволодъ, оуже лжоу оубоуди(ста), котороую то быше оуспилъ отець ихъ Свꙗтославъ Кыевскый.** Авторъ Слова высказавъ напередъ головну свою мысль, а потôмъ самъ єѣ коментує. Розумѣти треба такъ: Святославъ бувъ грозою на Половцѣвъ и на якійсь часъ притишивъ (успивъ) ихъ **лжоу**, а сыновцѣ Святослава, Игорь и Всеволодъ, воювали нещасливо, обудили **лжоу** на-ново, и ось **Лжы поскочи по роуской земли, смагоу мычючи въ пламꙗнѣ розѣ.** Ту такъ логичный хôдъ мыслей, що о точности выводу сомнѣватись не можна.

Пытанє тôлько, кто бувъ той **Лжы** и зъ ôдки взявъ ся у него пламяный рôгъ?

Пôсля скандинавскои митологіи мавъ Умиръ (такожь Имиръ) окрôмъ доньокъ Валькирій, єще и сынôвъ-великанôвъ: Kari, Hler и Logi — котрî були представителями *воздуха*, *моря* и *дикого огню*. Слово Logi (по нѣмецки Lohe Flamme, Wildfeuer) пôсля правилъ руского звукословія вымовлялось **Ложь** (г мягчитъ ся на ж) або **Лжа**. Знаменемъ **Лжи** єсть пламяный рôгъ, зъ котрого сыплесь огонь, а въ Словѣ о полку Игоревôмъ власне говоритъ ся о **Лжи** и о **пламꙗнѣ розѣ**. Поетъ мѣсто ханôвъ половецкихъ наводитъ нарокомъ митологичнî особы, щобы тымъ сильнѣйше великій погромъ Руси представити. Сыны Умира були велетнями, ворогами людей, передъ ихъ силою и злобою малѣє и найлютѣйша месть ханôвъ половецкихъ.

Пôсля сего выводу поправити треба Муссинъ-Пушкиновый текстъ такъ: **за нимъ кликноу Карь на Лжю, и поскочи...** Тоє **поскочи**, якъ видно зъ слѣдуючого **мы-**

чючи, стоитъ властиво мѣсто числа двôйного **поскочиста** *); инакше выходилобы, що Карь у Лжи „пожичавъ“ собѣ тôлько пламяного рога.

Мысль цѣлого реченя така: „Позадъ Игоря кликнувъ Карь на Лжу, и оба они — Вихоръ**) и Поломѣнь — понеслись на руску землю, метаючи пожогу зъ огненного рога“.

---

*) Въ Словѣ суть еще и иншй мѣстця, где мѣсто числа двôйного поставлене число единичне:

а) въ VIII-ôмъ уступѣ: **Игорь и Всеволодъ лжоу оубоуди** (повинно бути **оубоудиста**);

б) въ IX-ôмъ уступѣ: **оба столпа погасоста, и съ нимъ....** (повинно бути **съ нима**);

в) въ IX-ôмъ уступѣ: **въ морѣ погроузиста и великое боуйство подасть** (повинно бути **подаста**).

Здае ся, що въ старорущинѣ число двôйне значенемъ своимъ ближше стояло до числа единичного, якъ до числа многого.

) Слово **Карь толкую черезъ „*Вихоръ*“, и то за приводомъ самого поета, котрый кôлька стихôвъ нижше порôвнуе Великого князя вiевского и зъ тымъ скандинавскимъ Logi („**иссоуши потокы и болота**“) и зъ скандинавскимъ *Kari* („**Кобяка яко вихръ выторже**“).

ПОПРАВКИ.

Вже по розôсланю (посредствомъ „Зорѣ“) першихъ аркушѣвъ сеи книжки, одержавъ я зъ кôлькохъ сторонъ уваги що до акценту гдеякихъ слôвъ. Се було причиною, що я поновно розглянувъ ся въ текстѣ Муссинъ-Пушкиновôмъ и такимъ чиномъ власну працю еще разъ провѣривъ. Результатомъ сего труду являютъ ся отсѝ „Поправки“. Они дотыкаютъ лишь поодинокихъ мѣстцъ, а радше поодинокихъ слôвъ, и суть — зъ натискомъ тое пôдношу — не якоюсь негаціею поданыхъ мною головныхъ правилъ акцентовыхъ, а противно якъ найкрасшимъ потвердженемъ тыхже; зъ другои-жь стороны поправки теперѣшнѝ реституютъ нарушеный гдекуды текстъ Муссинъ-Пушкиновый, суть проте новымъ доказомъ неоцѣненои вартости того тексту. Поправки ôдносятъ ся до слѣдуючихъ выпадкôвъ:

1) Акцентовати треба на коренно̂й силябѣ глаголы: **спáлати, запáлати, стрáдати, кóвати, застýпити, остýпити, востýпити, встýпити**; противножь (въ стягненôй формѣ) **скратúти**.

2) Приймаю для староруского языка акцентъ: **дѣвица, жáлоба, крамóла, человѣ́ко, сокóльца; смы́сленый, красны́й, ратны́й; сáми; чáсто.**

3) Роблю рôжницю межи Муссинъ-Пушкиновымъ **себѣ** и **собѣ**. Першу форму акцентую **сéбѣ**, другу **собѣ́**.

Для лучшого перегляду наводжу всѣ поправки пôсля уступôвъ поемату, нотуючи заразомъ стихъ, до котрого поправка ôдноситъ ся.

*

стихъ

Уступъ I.

20 красно́моу Ро́манови Свѧтосла́вличю.
24 они́ же са́ми кнѧ́земо славꙋ́ роко́тахоу.
29 напо́лониво сѧ ратна́го дꙋ́ха.

Уступъ II.

9 га́лици стады́ — бѣ́жате ко До́ноу ве́ликомоу.
21 а мо́и ти гото́ви.
23 а мо́и ти Кꙋрѧ́ны.
34 ищꙋ́чи се́бѣ чти, — а кнѧзю́ славы́.

Уступъ III.

10 спа́ла кнѧ́зю ꙋ́мо (в) по́хоти.
11 и жа́лости емꙋ́ знаме́ние застꙋ́пи.
17 тогда́ востꙋ́пи И́горь кнѧзь во злат стреме́нь.

Уступъ IV.

2 за́рѧ свѣт запа́ла.
8 ищꙋ́чи се́бѣ чти, — а кнѧзю́ славы́.
12 по́мчаша красны́ѧ дѣ́вкы полове́цкыѧ.
17 по болото́м и грѧзивы́м мѣсто́м.

Уступъ V.

21 и от всѣ́хо стран; — по́лкы рꙋ́скыѧ остꙋ́пиша.
39 и сво́ѧ ми́лыѧ хоти́, красны́ѧ Глѣ́бовны —

Уступъ VI.

5 той бо О́лего мече́м крамо́лоу ко́ваше.
18 во кнѧжи́х крамо́лах вѣ́ци человѣ́комо скрати́шась.
22 но ча́сто вра́ни гра́хоуте.
23 трꙋ́пѧ се́бѣ дѣ́лѧче.

Уступъ VIII.

4 встꙋ́пил (?) Дѣ́вою на зе́млю Тро́ѧню.
10 а са́ми на себе́ крамо́лоу ко́вати.

стихъ

11 а по́гании са́ми с всѣ́хо стран прихо́жахоу.
15 за ни́ме кли́кноу Карь на Лжю, и по́скочи
26 а кнѧ́зи са́ми на себе́ крамо́лоу ко́вахоу.
27 а по́гании са́ми, —
31 И́горь и Всево́лодо, —

Уступъ IX.

12 и е́ркоша боѧ́ре кнѧ́зю.
19 кри́льца припѣша́ли по́ганых саблѧ́ми.
35 се бо Го́тскыѧ красны́ Дѣвы́.
68 не да́сте сво́его гнѣзда́ в оби́доу.
69 но се зло кнѧже́ (?) ми не посо́бие.

Уступъ X.

48 тѣ́ми тре́сноу зе́млѧ, —

Уступъ XI.

24 вы бо сво́ими крамо́лами — на́чѧсте наво́дити.
36 отво́ри вра́та Но́воуградоу.
37 разшибе́ славꙋ́ Ꙗро́славоу.
39 на Немзѣ́ снопы́ стелю́те го́ловами.
54 но ча́сто бѣ́ды стра́даше.
56 и пе́рвое припѣ́вкоу смы́сленый рече́.

Уступъ XII.

11 чемꙋ́ мече́ши хи́новескыѧ стрѣлкы́.
29 свѣтло́е й тре́свѣтлое Со́лнце.

Уступъ XIII.

9 И́горь мы́слю мѣ́рите полѧ́.
15 кли́кноу, стꙋ́кноу зе́млѧ.
50 ма́ти пла́че(т) сѧ Рости́славлѧ.
52 оуны́ша цвѣ́ты жа́лобою.
55 на слѣдꙋ́ Иго́ревѣ —

———

Конець XIII-ого уступу (ôдъ стиха 48) и цѣлый уступъ XIV мѣстятъ въ собѣ пôсля тексту Муссинъ-Пушкинового кôлька дуже разячихъ похибокъ рѣчевыхъ и языковыхъ, а зверхъ того и властивости правописнѝ тыхъ уступôвъ не гармоніюютъ зъ прочимъ текстомъ поемату, а противно лишь обаламучуютъ читателя. Такъ н. пр. подыбуемо ту форму **прѣклонило** (зъ неправильнымъ **ѣ**), хотяй ритмика не выказуе акценту на першôй силябѣ; зъ другои стороны подыбуемо знову формы безъ **ѣ**: **дивицею, дѣвице, небесе, головы,** що вказувалобы на акцентъ зовсѣмъ неправильный: **дѣвѝцею, дѣвѝцѣ, небесѣ, голôвѣ.** Въ кôнци додаю, що въ 6. мѣстцяхъ мусѣвъ я еще переставляти слова, щобы одержати якій-такій ритмъ — значитъ, я въ послѣдныхъ кôлькохъ стихахъ поемату мусѣвъ бôльше поправокъ зробити, нѣжь може въ цѣлôмъ прочôмъ текстѣ.

Лишаючи на боцѣ правописнѝ дивацтва тексту, я конець XIII-ого уступу подаю остаточно въ такôй формѣ:

Мóловите Гзáко Кóнчакови:
„Я́же сóколо ко гнѣ́здоу лéтите,
Сокóльца рострѣлѧ́евѣ —
Свóими злачéными стрѣлáми“.
Рéче Кóнчако ко Гзѣ:
„Я́же сóколо ко гнѣ́здоу лéтите,
Я вѣ сокóльца опоутáевѣ
Краснóю дѣ́вицею“.
И рéче Гзáко Кóнчакови:
„Ащé є опоутáевѣ краснóю дѣ́вицею,
Ни нáма бꙋ́дете сокóльца,
Ни нáма крáсны дѣ́вицѣ:
То почнꙋ́те нáю птѝци бѝти
В половéцкоме полѣ“.

СЛОВАРЬ.

Въ словари сѣмъ увзглядненый акцентъ, якій находитъ ся въ „Поправкахъ“ на стор. 116—118.

(Числа означаютъ уступъ або часть поемату, где яке слово находитъ ся)

Я — з, и, але.
абы́ 2; кобы.
абы́х 12; щобы я.
а́же 10, 13, 13; коли, якъ.
аки́ 2, 10, 10 (въ X уступѣ мѣсто **аки́ соко́л** повинно бути **ꙗ́ко со́коло**; въ IX уступѣ стоитъ у Муссинъ-Пушкина **аки** — лучше булобы **ꙗ́ко**); мовь, немовь, наче.
а́рку́чи 8, 12, 12, 12; кажучи.
аще́ 1, 11, 13; якъ, хочь, коли.

Ба́грꙗнаꙗ 9; багряна, червона.
бди́т (ôдъ **бдѣ́ти**) 13; не спитъ.
бе́брꙗно 12; бобровый.
без 9, 13.
безво́днѣ (правильнѣйше булобы **бе́зводнѣ**) 12.
бе́резѣ 13.
би́ти 13; **би́шась** 7, 7.
бо (стоитъ завсѣгды по якôмсь словѣ).
бога́таго 9.
Бо́го (о Бозѣ христіяньскôмъ) 13.
Богоро́дици 14.
бо́жиꙗ 11; божого.
болова́н 3; болванъ, статуя божка (здаесь Трояна).
бо́логоме 10, 11; добро́мъ.
бо́лони 9; (на) оболоню.
бо́лотоме 11; въ числѣ многôмъ **болота́** 8, **болото́м** 4.
Бо́риса 6. — Борисъ, сынъ Вячеслава, и Олегъ воювали р. 1078 противъ князя черниговского Всеволода. Перша битва выпала щасливо, въ другôй Борисъ полягъ на боевищи.
Бо́ричевоу 14. — Боричевый увозъ лежавъ давнѣйше за Кіевомъ и провадивъ попôдъ гору, где Володимиръ Вел. поставивъ бувъ статую божка Перуна. Назва „Боричевый“ стягае ся може до

якого поганьского кладбища, бо и доси єще таке кладбище зове ся гдекуды Парцчевомъ (Словарь Желеховского, томъ II, стор. 602.)

борз 13; въ числѣ многôмъ: **бо́рзыи** 2, **бо́рзыꙗ** 3, **бо́рзаꙗ** 13.

бо́рони 5; (на) оборонѣ, передѣ, стражи.

бо́сым (акцентъ неправ.) 13.

бо́ѹсови 9. Про божка **Бооуса** гл. „Темнѝ мѣстця" стор. 39.

Бо́ꙗно 1, 1, 11, 14; **Бо́ꙗне** 2, 2; въ 1. падежи можна акцентовати **Боꙗ́н**. — Поетъ той живъ въ другôй половинѣ 11-ого и на початку 12-ого столѣтя (гл. „Темнѝ мѣстця" стор. 41). Въ Словѣ сказано, що Боянъ и пѣвець Игоря жили **оба полы сего времени**, значитъ Боянъ въ першôй а пѣвець Игоря въ другôй половинѣ 12 ого вѣка.

боꙗ́ре 13.

брань 10; борба, битва.

брат 2, 8; **бра́та** (и **брата́** задля ассонанціи) 2, 7, 9, 11; **бра́тоу** 8; **бра́те** 2; **бра́та** (число двôйне) 7; **бра́тие** 1, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 8, 9.

брезѣ́ (або **бре́зѣ**) 7, 9; въ числѣ многôмъ: **брези́** 11, **брезѣ́х** 13.

бре́мены (задля ассонанціи м. **бремена**) 10; тягары.

бре́шоуте 3.

Брꙗ́числава 11. Брячиславъ, братъ Изъяслава, панувавъ въ Витебску.

бꙋ́де(т) 13. Думаю, що лучше булобы читати: **ни на́ма бꙋ́дете соко́льца.**

боуй 2, 10, 10, 14; **бꙋ́его** 10, 10, 10; смѣлый, ôдважный.

боуйство́ 9, 10; бута, смѣлôсть.

бꙋ́рꙗ 2.

бꙋ́сово 9; бусове, до Буса належаче. *Бусъ* єсть назва зрущена мѣсто скандинавского *Боусъ* (гл. „Темнѝ мѣстця" стор. 39).

бꙋ́ести 9, 10; (въ) завзятю.

бы 3.

быва́ете 9.

бы́линамо 1; (по) былицямъ, бувальщинамъ.

былꙗ́ми (ôдъ **бы́лꙗ**) 9; обивателями, дружиною.

бы́стрыꙗ 7.

бы́ти 3, 3, 5; часъ минувшій: **был** 10, **была́** 7, 10, **было́** 4, 6 (и **бы́ло** 2, 2), **бы́ли** 6, 6; авристъ: **бысть** (въ однôмъ мѣстци **быс** для зазначеня, що читати треба односложно) 11, 13; imperf. **бѣ** 9, 11, **бѣ́ше** 11, **бѣ́ша** 9, **бꙗ́шете** 1, 8, 12, **бꙗ́хоуте** 11.

бьꙗ (ôдъ **бити**) 8.

бѣ́жате 2.

бѣ́ды (ôдъ **бѣда**) 11.

бѣ́ла (ôдъ **бѣлый**) 4, **бѣ́лыме** 13.

Бѣлграда 11. Бѣлгородъ недалеко Кіева.
Бѣлѣ (або **Бѣлы**) 11; богиня мѣсяця, Бѣлка.
бѣлѣ 8; (по) бѣлцѣ (срѣбна монета).
бѣсови 5.

Вами (ôдъ **вы**) 3.
вáю (число двôйне) 9, 10, 10, 10.
вас (мѣсто **вáю**) 10.
Васильково 11; Васильковъ.
вáши 10.
вéдете (ôдъ **вести**) 3.
вéжи 13. Вежами звались шатра (станища) половецкй.
Вéлесово 2. — Про Велеса гл. „Темнй мѣстця" стор. 52.
вéликый 6, 9, 10; **вéликаго** 3, 5, 5, 13; **вéликомоу** 2, 3, 4, 5, 13; **вéликое** 8. Приходитъ такожь акцентъ **вели́кый** 9, **вели́кое** 9, **вели́кых** 8, **вели́кыа** (число многе) 4.
вéлите (ôдъ **велѣти**) 3, 13.
вели́чиа 13, 13.
вéльми 5; дуже.
Венéдици 8. Венедцѣ, купцѣ зъ Венеціи.
вережé (повноголосна форма мѣсто **верже**) 9, 11.
верéжени (ôдъ **вередити**) 11; ушкодженй, зъогидженй, зганьбленй.
вéрехоу (повноголосна форма мѣсто **вéрхоу**) 3.
весéлие 9, 11, 13; **весéлиа** 9, 13.
вéселыми 13.
веслы́ 10; веслами.
вéчера 7, 7, 9, 9; **вéчероу** 13.
взы́доша 7; зôйшли.
видѣ́ (ôдъ **видѣти**) 3, 9; **ви́жю** (пôсля Муссинъ Пушкина **вижду́**) 9.
ви́но 9; **ви́на** 7.
ви́хро 8; вихоръ.
вкрывáюте 5, гл. **прикрывáюте**.
Владимиро 6. Бесѣда ту о Владимирѣ Мономаху, князю черниговскôмъ, котрого Олегъ хотѣвъ бувъ прогнати зъ престола и въ тôй цѣли спровадивъ на него Половцѣвъ.
Влади́мира 1, 11. Поетъ называе Володимира Великого, крестителя Руси, „старымъ" и ôдъ него починае рядъ князѣвъ рускихъ. Часы ôдъ Рурика до Володимира названй въ Словѣ вѣками Трояными, значитъ трибожими (въ понятю религійнôмъ).
Влади́мирови 14. Владимиръ, сынъ Игоря, дôставъ ся разомъ зъ отцемъ до неволѣ. По утечи батька одруживъ ся зъ дочкою половецкого хана Кончака, а ôдтакъ повернувъ свобôдно въ Русь.
влáсти (число ед.) 9, **власти́** (число мн.) 10.
Влоур 13; Лаворъ, Половчинъ, за котрого помочею Игорь

освободивъ ся зъ неволѣ.
внꙋ́ка 6 (задля ассонанціи **вноука́** 8), **внꙋ́коу** 2, **внꙋ́че** 2, **вноуци́** 5, 11.
во (такожь саме **в**), приименникъ зъ 4 и 6 падежемъ.
вове́рже ся 13; вергъ ся, кинувъ ся.
во́дꙋ 13. **водѣ́** 13.
возбива́єте 9; бити, взбивати, гнати.
возгра́ꙗхоу (ôдъ **возгра́ꙗти**) 9; закракали.
возмоути́ 8; скаламутивъ.
возлелѣ́й 12; **возлелѣ́ꙗни** 2; пригойдай, гойданй (колисанй).
возрѣ́ 3; глянувъ.
во́и (числа мн.) 3, 5, 9; **вои́** 12, 12; **воꙗ́** 3; воины, войско.
Волгꙋ́ 10. **Во́лзѣ** (самогласна **л**) 3.
Володи́миро 9. Князь переяславскій, раненый въ битвѣ зъ Половцями.
во́локоме (повноголосна форма мѣсто **волкомь**) 1, 4, 11, 11, 11, 13; **во́локом** 13, **во́лоци** 2, 3.
во́лонах (повноголосна форма мѣсто **волнах**) 13.
во́лю, на́-волю (?) 9.
вонзи́ть 11; вложѣтъ въ похвы.
воро́н 4 (другій падежь **во́рона**); воронъ, крукъ — належитъ до птиць злыхъ.
ворота́ 10, 10.
воскладáше 1; покладавъ.
воско́рмлени 2; выкормленй, выгодованй.
воспла́каша ся 8; заплакали.
воспле́скала 8.
воспѣ́ти 2, **воспѣ́ша** 9.
восро́жате 3; срожатъ. Въ первѣстнôмъ текстѣ могло бути **воро́жате** = вѣщуютъ.
воста́ 3, **воста́ла** 8, 8.
востона́ (може бути **восто́на**) 8; застогнавъ.
востꙋ́пи 3.
вотроско́таша 13; скреготали.
вошꙋмѣ́ 13; зашумѣла.
врани́ 9, 13 (неправильно, задля ассонанціи, **вра́ни** 6).
врата́ 10, 11; ворота.
вре́мꙗ 9; **вре́мени** 1, 2, 2, 10; **времена́** 8; **време́н**.
Всеволо́д 10 — сынъ Ярослава, князя луцкого.
Всево́лодо 2, 8; **Всево́лода** 2, 7; **Всево́лоде** 5, 5, 9; **Всево́лодоу** 14. Въ тыхъ уступахъ бесѣда о братѣ Игоревôмъ, Буй-Турѣ Всеволодѣ, князю трубчевскôмъ и курскôмъ.
Всево́лоде (пятый падежь) 10. Князь Всеволодъ III воювавъ зъ Болгарами надъ Волгою.
Всево́лода (другій падежь) 11. Пôсля Слова братъ городеньского князя Изъяслава.
Всеволо́ж (може лучше читати: **сын Всево́лож**) 6. —

Въ поематѣ говоритъ ся о якôмсь Ярославѣ, сынѣ Всеволода, про котрого нема нѣякихъ вѣстей въ лѣтописи. Я задержавъ стилизацію Муссинъ-Пушкинового тексту, бо надає ся добре до ритму, однакъ въ перекладѣ иду вже за интерпретами, котрû велятъ читати: *Всеволодъ сынъ Ярослава.* Бути може, що поетъ при множествѣ цитатôвъ зъ рускои исторіи въ тôмъ мѣстци похибивъ ся або переписавъ ся.

Всеслáвъ 11, 11; **Всеслáвоу** 11. — Всеславъ, князь полоцкій, по свѣдоцтву лѣтописи родивъ ся *въ чепци* (**ꙗзвенѣ**). Въ Словѣ представленый онъ чородѣємъ, що стоявъ въ порозумѣню зъ готскими богами и за ихъ помочею творивъ богато лиха Руси. Умеръ року 1101.

Всеслáвлю 11, **Всеслáвли** 11; Всеславову, Всеславовû.

встоупи́во (Пôсля М. П. **встȣ́пил**) 8, **встоупи́та** (число двôйне) 10.

всю 9; въ числѣ многôмъ: **вси** 10, **вса** 3, 6, **всѣ́мо** 12, **всѣ́х** (пôсля тексту Мусинъ-Пушкинового выходить **всѣ́хо**) 5, 8.

всáдеме (ôдъ всѣсти) 3.

всꙗкы́ми 4.

вы 11.

вы́лꙗти 10.

вы́скочисте 11.

высóко 10, 10.

вы́торже 8; вырвавъ.

вѣ (число двôйне) 13; мы.

вѣ́доми 2; знанû.

вѣтрé (неправильный акц.) 12; въ числѣ многôмъ **вѣтри́** 5, **вѣтрѣ́х** 13 (и неправильно **вѣ́трѣх** 10).

вѣтри́ло 12.

вѣцѣ́ (?) 11; въ числѣ мн. **вѣ́ци** 6, 6.

вѣ́щий 1, 2, 11; **вѣ́щаꙗ** 11; число многе **вѣщáꙗ** (неправ) 1.

вѣ́ꙗти 12, **вѣ́еши** 12, **вѣ́юте** 5, 11.

вю́те (ôдъ **вити**) 14.

Вꙗчеслáвлича 6. Борисъ Вячеславичь воювавъ разомъ зъ Олегомъ противъ князя черниговского Всеволода и погибъ въ тôй вôйнѣ р. 1078.

Гáлици 2, 6, 13; галки. Въ числѣ многôмъ **гáлич** (мѣсто **галицъ**) 4.

Гáлицкый 10.

Гзáко або **Гза** 4, 13, 13, 13; **Гзѣ** 13. — Такъ звавъ ся одинъ зъ ханôвъ половецкихъ, котрû побороли Игоря.

главȣ́ (неправильно задля ассонанціи) 3; число многе **глáвы** 5 и **главы́** 10. Акцентъ того слова, якъ и повноголосной формы **голова**, не даєсь пôсля тексту

Муссинъ-Пушкинового докладно означити.

глаго́люте 5; говорятъ.

глас 12; голосъ.

Глѣбовоу 9; **Глѣбовы** 10; Глѣбовому, Глѣбовыми. — Сынами Глѣба були князѣ рязаньскѝ: Романъ, Игорь, Володимиръ, Всеволодъ и Святославъ; они р. 1183 воювали зъ Болгарами надъ Волгою.

Глѣбовны (акц. непевный.) 5. Глѣбовною названа донька Глѣба, Ольга.

гнѣздо́ 4, 9; **гнѣзда́** 9, 10; **гнѣздоу** (неправильно задля ассонанціи) 13, 13.

го́вор 4; говôръ, гаморъ.

говорѧ́хоуте 6; говорили, гаморили.

го́големе 13. такожь **гого́леме** 13. Гоголь, рôдъ качки, anas clangula.

го́дина 8, **го́диноу** 11; часъ.

годи́ны 9; здаесь ôдъ скандинавского höd = вôйна.

головѣ 14, **головы́** 14; зри **глава**.

го́лосы 11, 14.

го́раздоу 11; богатому.

гора́здоу (здаесь ôдъ скандин. hratt) 11; швидкому.

Горисла́вичи 6.

го́рнастаеме 13; горнастаемъ, гермелиномъ.

горо́деноскыи 11; городеньскѝ (ôдъ мѣста Городна, где въ битвѣ зъ Литовцями Изъяславъ полягъ).

го́родоу 12.

горѣ 12; число многе: **го́рамо** 11, **го́ры** 2, 10, 12, **го́рах** 9.

го́рѧчюю 12.

господи́не 10, 12, 12, 12, 12; число двôйне **господи́на** 10.

гото́ви 2.

Го́тскыѧ 9; готскій, готицкій. — Останки давныхъ Готôвъ мешкали за рускихъ часôвъ въ Кримѣ и въ области тьмутороканьскôй (надъ азовскимъ моремъ).

гра́да 5, 9, **гра́доу** 11, 11, **гра́дѣ** 6, 8; въ числѣ многôмъ: **гра́ди** (першій пад.) 14, **гради́** (четвертый пад.) 10, **градо́м** 9.

гра́хоуте (у Муссинъ-Пушкина **граахоуть** и **грѧхоуть**) 13, 6; ôдъ глагола **грѧти** = кракати.

гре́млеши 5, **гри́млюте** 7.

Гре́ци 8; Греки (купцѣ).

гри́дници 8; ôдъ скандинавского hirdh — означало стражницю въ княжôмъ дворѣ.

гро́моу 5.

грозны́й 8, **грозны́м** 11.

грозѹ́ 3, **грозо́ю** 3, 8; число многе: **грозы́** 10 (можна бы читати **гро́зы тво́ѧ по землѧ́м текѹ́ть**).

грѧзивы́м 4; грузкій, болотнистый.

Да 3; нехай.

даве́чѧ 7; (въ лѣтописяхъ **давѣ**) досвѣта.

Да́вный 6
Дакы́де 10, **Давы́дови** 11.— Давыдъ, правнукъ Володимира Мономаха, княживъ въ Смоленьску; єго величаютъ лѣтописцѣ задля великои хоробрости и честноты. † 1197.
Да́ждебожа 6, **Да́жбожа** 8. Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 81.
да́лече 4, 8; далеко.
дань 8.
да́сте 9.
два 8, 9, 9.
Дви́на 11.
двора́ 8.
де́бре 9.
день 7, 7, 9; **дни** 5, 7.
Деремѐла 10; племя лотиске.
де́скы 9; дошки.
деся́ть 1, 1.
ди́во 9; дивно.
Ди́во 3, 9. Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 35.
днѣ 8. 13; на днѣ.
Днѣпре́ (акцентъ неправ.) 12.
дождю́ 5; дощеви.
доко́нчаша 7; докôнчили.
до́лого (повног. форма) 4; довго.
Дон 10, **До́но** 10; **До́на** 5, **До́ноу** 2, 3, 3, 3, 3, 3, 4, 5, 5, 8, 9, 13.
Доне́ц 13, **Донца́** 13, 13, **До́нче** 13. — Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 86 и 98.
дори́скаше 11; доскакувавъ, добѣгавъ.
дорога́ (adj.) 5.
доро́гами 3.
до́спѣли 10; дозрѣли, були готовѝ, прибули.
доста́ 7; выстало.
дотеча́ше 1; долѣтавъ.
дотче́ ся 11; доторкнувъ ся.
дра́гыꙗ 4; дорогѝ.
Древа́ 3. Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 38.
древо́ 7, 10; **древа́** 13; **древѹ́** 1, 2, 13.
дре́млете 4.
дрѹ́гый 7, **дрѹ́гаго** 5, 11, **дроузѣ́** 11, **дрѹ́зии** 11.
дроужина́ 9, 10, 14, **дроужинѣ́** 3, **дроужинѹ́** 11, **дроужино́** 3.
Дѹ́доуто́к 11. Дудутки — назва давного мѣсточка близько Новгорода; до нынѣ єще называєсь одинъ новгородскій монастырь „*на Дудуткахъ*“.
дѹ́ха 1.
дѹ́мою 8.
Дѹ́наꙗ 10, **Дѹ́наєви** 12, **Доуна́ю** (акцентъ непр.) 10, **Дѹ́наи** 14. Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 90 и 98.
доуша́ 1, **доушѹ́** 11, 11.
Дѣ́квици 14; славяньскѝ Русалки. Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 90.
Дѣви́цѣ 11. Богинѣ Бѣлѣ; Норны. Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 51.
дѣвицѣ́ 11, 13; **дѣвицею** 13, 13; (акцентъ непевный; правильно буде: **дѣ́вицѣ**, **дѣ́вицею**.)
дѣ́вкы 4.
Дѣ́вою 8, **Дѣвы́** 9. Бесѣда о

Валькиріяхъ. Гляди „Темнѝ мѣстця“ ст. 25.

дѣднеи 11.

дѣдоу 11.

дѣло 10.

дѣлыче 6.

дѣти 5.

дыгло́ве 13.

е́ркоша (у Муссинъ-Пушкина) **ркоша**) 9, **е́рци** (у М.-П. **рци**) 3; сказали, скажи.

Жадни́ (ôдъ **жаде́нъ**) 9.

жа́лобою 13.

жаль 7.

жа́лости 3, **жало́цами** 7.

ждет 2.

же або **ж** — кладе ся завсѣгды по словѣ, якъ и въ нынѣшнôй бесѣдѣ.

желѣзны́и 10, **желѣзны́х** 8, **желѣзны́** 9, **желѣзны́ми** 10.

же́мчюжноу 11.

же́ны (число многе) 8.

же́нчюго 9; жемчугъ, перла.

же́стоцѣ 12, **же́стоцѣме** 9. Приложникъ „жестокій“ ужитый ту въ значеню: *розпаленый, розпеченый, горячій.* Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 8.

жива́ꙗ (м. **живыꙗ**) 1, **жи́выми** (акцентъ книжный) 10.

живо́т 11, **живота́** 5.

жизнь 11, **жи́зне** 6. По моѣй гадцѣ въ обохъ мѣстцяхъ означае „жизнь“ не „жите“, але *„землю на жите призначену“*, батькôвщину.

жир 8. Той **жир на днѣ рѣки Каꙗлы** поясняе самъ поетъ словами **злата роускаго насыпаша**; въ иншôмъ мѣстци сказано, що **Готскы Дѣвы** (Валькиріи) играли ся **роускымь златомь**. Пригадуе то повѣрки скандинавскѝ, пôсля котрыхъ „злато морске“ стоитъ пôдъ дозоромъ Валькирій.

жи́рнꙗ 8, **жирна́** 8; богатый въ жиръ, грабежливый, сумный.

Жлꙗ (у Муссинъ-Пушкина) гл. **Лжю**.

жре́кий 11; число многе **жре́бьи** 10.

За (приименникъ зъ падежемъ 4 и 6).

за́боролѣ 12, **забра́лѣ** 12, 12, число многе **забра́лы** 9; башня.

забы́во 5; забувши.

заворочаете 7; завертае.

за́втрокоу 13; ôдъ **завтрокъ** = снѣдане.

загороди́те 10; загородѣтъ.

за́днею 9; пôзнѣйшою, будучою.

зайде́ 8; зайшовъ.

зака́лена 9; загартованѝ.

закладаше 6; затулювавъ, загыкавъ.

зале́тѣло 4.

замышле́ню 1; (по) придумкамъ, замысламъ.

занесе 2.
запала (треба читати: **зарꙗ свѣт запала**) 4; запалавъ, засвѣтивъ.
зарания 4, 7.
зарѣза 1; гарѣзавъ.
зарꙗ (другій падежь) 4, число многе **зарй** 13. Слово тое ужите въ поематѣ побôчь выразу **зорꙗ**; рôжниця лежитъ головно въ акцентѣ.
заслпожникы 9; мабуть ножѣ. Менѣ выражене тое выдаесь вставкою переписовача.
застоупаше 3; заступало.
застꙋпи 3, заступило (дорогу); **застоупиво** 10, заступивши.
затвори 13, **затворивъ** 10; зачинивъ, зачиньши.
затче 12; заткало.
заꙋтренюю 11; утреню.
звените 2, 7; дзвенитъ.
звон 11, **звоно** 6.
звонꙗ 9, **звонꙗчи** 9.
звѣрем 11, **звѣри** 3, 11.
звѣрино 3.
здрави 14; здоровй.
зегзицею 12, 12; зазулею.
зеленоу 6, 13, 13.
землꙗ (въ значеню митологичнôмъ) 5, 10, 13; о звычайнôй земли (до ораня) **землꙗ** 7; **земли** (другій падежь) 7, 8, 11, 13; **земли** (третій падежь) 1, 3, 6, 6, 7, 7, 8, 8, 9, 11, 13, 13, 14; **землю** 1, 1, 7, 8, 8, 8, 8, 10, 10, 10, 11, 12, 13; **на землю** (може бы лучше читати: **вереже сꙗ Дик на землю**) 9; **земле** 3, 5; **земли** (семый падежь) 14; въ числѣ мног.: **землꙗмо** або **землꙗм** 10, **землꙗми** 10.
злат (золотый) 3, 6; **злата** (другій пад. неправильно задля ассонанціи) 5, 8, 9, 10, 11; **златꙋ** (неправильно задля ассонанціи) 13; число двôйне **злата** 10; число многе **златы** 10; въ родѣ середнôмъ **злато** 9, 11.
злато (золото) 4, **злата** 8 и **злата** (задля ассонанціи) 8, **златом** 9.
златовересѣм 9.
златокованнѣме 10.
злачени 10, **злачеными** 13.
зло 9, 14.
знаеми 2.
знамение 3; затьмѣне.
зовете 10, **зовоуте** 3.
зори 5, **зорꙗми** 7.

И або **й** (якъ и въ нынѣшнôй бесѣдѣ).
йдоуте 5, 5, и **идꙋте** (**йдꙋте**) 13.
Игорь (старша форма) и **Игорь** 2, 2, 3, 3, 3, 7, 8, 8, 13, 13, 13, 13, 13, 13, 14, 14; **Игорꙗ** 1, 1, 8, 13, 14; **Игорю** 10, 14; **Игореви** 2, 13; **Игорю** (пятый падежь) 2, 9, 13. — Игорь, герой пѣсни, бувъ княземъ въ Новгородѣ Сѣверскôмъ.

Игóрева (Игоревого) 8, 10; **Игóревѣ** 1, 13; въ числѣ мн. **Игóревы** 5, 7, 10, 10, 10.

Игорéвичю 14; сынови Игоря.

Иже́ 1, 1, 8; котрый. Такъ акцентую тое слово всюды въ старославяньскôмъ языцѣ; оно зложене зъ двохъ частей **й** + **же**.

из (зъ другимъ падежемъ) 8, 11, 11, 11, 11, 13.

избивáꙗ 13; побиваючи.

издáлеча 10; здалека.

из-óстрени 2; выостренй.

изрóни 9, 11; выронивъ.

Изꙗ́слако 11. Князь Изъяславъ Васильковичь бувъ внукомъ Всеслава и полягъ въ битвѣ зъ Литовцями.

им 2, 11, 12, 12 (и **и́мо** 2), **их** 8.

имѣꙗ 13; маючи.

Иногвáрь 10. Такъ звавъ ся сынъ Ярослава, князя луцкого.

И́сканю 9; (въ) исканьскôй. Гл. „Темнâ мѣстця“ стор. 56.

искáти 9; **ищоучи** (пôсля Муссинъ-Пушкина выходитъ **ищю́чи**) 2, 4.

искоусúти 3; попробувати, ôдвѣдати.

испúти 3, 9; **вы́пити**.

иссю́ши 8; высушивъ.

иссѣдѣ (у Муссинъ-Пушкина стоитъ хибно **высѣдѣ**) 8; высѣвъ.

истꙗ́гноу 1; стягнувъ, скрѣпивъ.

исхóдꙗ 14; выходячи на кого, выступаючи противъ кого.

ити́ 5; гл. **идоуте**.

Кáжоуте 13, 13.

кáленыꙗ 7, **кáлеными** 5, 10; ôдъ **каленый**=загартованый, сталевый.

камéнны 12.

кáмо 5; куды.

канúноу 6. Пôсля проф. Верхратского уживаесь до нынѣ слово „канка“ въ значеню „сѣтникъ“ (Teichbinse.) Въ текстѣ поправивъ я на **тканúноу**.

Карь 8. Пôсля скандинавскои митологіи бувъ Карь зъ роду великанôвъ и заразомъ олицетворенемъ воздуха, вѣтру, вихру.

касóжскыми 1. Касоги=Черкесы.

кáꙗ 5; яка.

кáюте (пôсля Муссинъ-Пушкина выходилобъ читати **кáють**) 8; ганити, дорѣкати кому, жаловати.

Каꙗ́лы 7, 8, **Каꙗ́лѣ** 5, 9, 12. Рѣка Каяла (теперь Кагальникъ) впадае до Дону.

кладю́т 11.

клéктоме 3; клекотомъ.

кли́кноу 8, 13.

кли́че(т) 3, **кли́чете** 10.

кли́коме 11, **кликóм** 5. Въ IX уступѣ пôсля Муссинъ-Пушкина выходитъ неправильный акцентъ **кликóме**;

здаєсь въ первотворѣ стояло ту якесь инше слово.

клюками 11. Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 46.

кнѣса́ 9. Кнѣсъ (такожь князёкъ) те саме, що сволокъ въ хатѣ. До нынѣ еще ôдносятъ ся до сволока рôжнѝ повѣрки, а сонъ про бракъ его въ хатѣ уважае ся зловѣщимъ.

княжи́х 6, **княже́** (?) 9.

князь 7, 11, 13; **кня́зя** (старша форма) и **князя́** 6, 8, 13, 13, 13; **кня́зю** и **князю́** 2, 3, 4, 9, 10, 12, 13, 13; **кня́же** 9, 10, 11, 13 (одинъ разъ задля ассонанціи **княже́** 10); въ числѣ многôмъ: **кня́зи** и **князи́** 8, 8, 9 (?), 10, 10, 14; **князе́й** 11; **князе́м** 8, 11, 13 (въ I уступѣ пôсля Мусинъ-Пушкина выходитъ **кня́земо**.)

Примѣтка. Въ Словѣ приходитъ въ 1. падежи **Игорь князь**; въ 2. не **Игоря князя**, лишь **князя Игоря**; въ 3. **князю Игорю** або **Игореви князю**. Комбинація тота не впала менѣ въ око, коли я порядковавъ текстъ ритмично, ажь теперь при укладѣ словаря замѣчаю, що поетъ нарокомъ писавъ такъ для потребъ ритмики; читати треба: **кня́зя И́горя, кня́зю И́горю, И́гореви кня́зю**. Читателѣ, що интересуютъ ся сею розправою, черезъ порôвнане зъ текстомъ Мусинъ-Пушкиновымъ легко найдутъ, где я слово **князя** або **князю** переставивъ зъ другого на перше мѣстце, проте зволятъ вже самѝ первѣстный текстъ привернути назадъ.

ко (рѣдко саме **к**) правитъ третимъ падежемъ.

Кобя́к (або **Ко́бяко**) 8, **Кобяка́** 8. Такъ звавъ ся ханъ половецкій, побитый Русинами 1184 року при рѣцѣ Углѣ и взятый въ неволю.

Кобя́кова 12; Кобякового.

ко́вати (лучше якъ **кова́ти**) 8, **ко́вахоу** 8, **ко́ваше** 6.

ко́вылю 12; (по) ковыль-травѣ (Federgras).

ко́галя 14; ханьского, хана.

кожоухы́ 4; кожухами.

коли́ 9, 13.

коме́ты 2; комонники.

комо́нь (кôнь) 13, 13; **комо́ни** 2, 2, 3; **комо́ня** 13.

комѹ́ 1.

ко́нець 2, 3; край, на кôнци.

Ко́нчако 4, 8, 13. **Ко́нчака** 10, **Ко́нчакоу** 13, **Ко́нчакови** 13, 13, **Ко́нчаком** 13. Назва хана половецкого, зъ котрымъ воювавъ Игорь.

ко́пие 13, **ко́пия** 2, 11 (и **ко́пя** 7), **ко́пемо** (або **ко́пием**) 5.

копыты́ 7; копытами.

кора́бли 12.

короле́ви (т. е. угорскому) 10.

Ко́рсоуню 3. Корсунь лежавъ въ Кримѣ, близько тепе-

рѣшного Севастополя.

кости 3, **костьми́** 7, 11.

которою (ôдъ **котора**) 11; сваркою, незгодою.

кото́рый 1, **кото́роую** 8.

коцѣ́й 10, **ко́цѣꙗ** 10; невольникъ, слуга.

коцѣ́ево 8; невольниче.

ко́е 10; на що, ôдъ чого.

крамо́лоу 6, 8, 8; **крамо́лами** 11, **крамо́лах** 6. Крамола= усобиця, незгода, сварка.

красный. Належитъ до слôвъ, котрыхъ акценту не мôгъ я довгій часъ означити. Въ „Зори" промавлявъ я за акцентомъ **красны́й**; въ текстѣ сего выданя акцентую **кра́сный**; теперь при уложеню словаря и поновнôмъ перестудіованю предмету я вже рѣшущо клонюсь до **красны́й**. Тоє слово приходитъ въ уступахъ 1, 4, 5, 9, 11, 13, 13, 13.

кре́четоу 4. Рôдъ соколôвъ.

кри́лы 8, 11.

кри́льца 9. **крильцю́** (число двôйне) 12.

кри́чꙗ(т) 3, 9.

кро́вати 9. 11; (на) лôжку.

кро́ве 9, **кро́ви** 10, **кро́вю** 7.

кро́ваваго 7, **кро́вавѣ** 11; въ числѣ многôмъ **кро́вави** 1. **кро́вавыꙗ** 5 (и **крова́выꙗ** 12).

кро́мѣ 14, 14.

крѣ́постию 1; силою.

крѣ́сити 8, 10; кресити, воскресити.

коур 11; (до) пѣвнѣвъ.

Кѹ́реска 2.

Кѹ́рꙗны (може лучше читати **а мо́и ти Коурꙗ́ны**) 2; жителѣ курскои области, належавшои до князя Всеволода.

коустѹ́ 13; (на) корчахъ.

кыка́хоуте (ôдъ **кы́кати**) 6, **кы́чете** 12; радовати ся, ковати.

Кы́ево 8. 11, **Кы́ева** 14, **Кы́евоу** 10, 11, **Кы́евѣ** 2, 8, 9, 11.

кые́вский (м. **кы́евеский**) 8, **кые́вскаго** 11, **кые́вскымо** 11.

Лады́ (ôдъ **лада́**) 12, **ладѹ́** 12; въ числѣ многôмъ **лад** 8. Слово **лада** означає мужа, сокола.

лати́нскыми 10; ту въ значеню „нѣмецкими".

ле́беди 3, 13; въ числѣ мн. **ле́бедей** 1, 1.

лебе́диными 8.

ле́жа(т) 5.

лезѣ́ 11; можна.

ле́лѣюте (може лучше **лелѣ́ють**) 9, **лелѣ́ючи** 12, **лелѣꙗ́л** (або **лелѣꙗ́ло**) 12, **лелѣꙗвшоу** 13.

ле́тите 13, 13, **ле́тꙗ(т)** 7.

Лжю 8, 8, **Лжꙗ** (у Муссинъ-Пушкина **ноужда**) 9. Скандинавске Logi = Поломѣнь, дикій огонь.

ли (частиця пытайна, завсѣгды по словѣ); чи.
лиси́ци 3.
ли́стье (у Муссинъ-Пушкина **листвїє**) 10.
Литва́ 10.
лито́вскыꙗ 11, **лито́вскыми** 11.
ло́зю (м. **лозию**) 13.
ло́но 9.
лоугꙋ́ 13.
Лоукꙋ́морꙗ 8. Лукоморемъ звалось море азовске (сине).
лоуци́ (и неправильно **лꙋ́ци** м. **лоукы́**) 2, 12.
лоуче́ж 3.
лꙋ́чею 12, **лꙋ́чю** 12 (въ першôмъ пад. **лоучꙗ**).
любо́ 3, 9; приходитъ въ полученю зъ союзомъ **а**. Нынѣшне **або** и польске albo такожь промавляютъ противъ акцентованя самогласнои **ю**.
лѣ́по 1; красно, добре.
лѣта́ 6.
лѣта́ꙗ 2; лѣтаючи.
люде́м 11.
лю́тыме 11.
лꙗцкы́и 10.

Ма́ло 8, 12, 13, 13.
ма́лоє 8, **ма́лаго** 13.
ма́ти 13.
мегла́ 4, **меглѣ́** 11, **ме́глами** 13, 13, 13.
ме́ркнете 4.
ме́сте 9.
ме́ча (кидаючи) 10; **мече́ши** (пôсля Муссинъ-Пушкина **мычеши**) 12.
мече́м 6; въ числѣ многôмъ: **мечи́** 8, 11, 11, 11 (и **ме́чи** 5, 10).
ми (менѣ) 3, 7, 7, 9, 9, 9.
мила́ (акцентъ неправ. задля ассонанціи) 2, 7; **ми́лыꙗ** 5.
ми́ноула 6, **ми́ноути** 11.
млада́ 6; молодого.
мнѣ 12.
мно́го 9.
мно́гы 10.
Могꙋ́ты 9; назва одного племени финьского.
мо́жеши 10, 10.
мо́ловити (форма повноголосна м. **молвити**) 8, **мо́ловите** 13.
молода́ꙗ (число двôйне) 9; **молоды́м** 14.
мо́лонии (форма повноголосна) 5; мовнѣ, лискавки.
мо́лотꙗте 11.
Морава́ 8; Моравяне.
мо́ре 12, 13, 14; **мо́рꙗ** 5, 5; **морꙗ́** 5 (може лучше булобы: **с мо́рꙗ вѣ́юте стрѣла́ми**); **мо́рю** 8, 9, 9; **морѣ́** 8, 9, 12.
мо́стити 4.
мо́сты 4.
мо́є 8, **мо́єже** 8 (и задля ассонанціи **моє́** 12); **мо́єго** 9, **мо́єꙗ** 12; **моє́й** 9; **мою́** (задля ассонанціи) 12; **моє́м** 9; въ числѣ многôмъ **мо́и** (?) 2, 2; въ числѣ двôйнôмъ **моꙗ́**.

*

Мсти́славе 10. Мстиславъ, сынъ пересопницкого князя Ярослава, бувъ стрыйнымъ братомъ галицкого князя Романа и єго постôйнымъ приятелемъ.

Мстисла́вичи 10; сыны Мстислава Изъяславича: Романъ, Святославъ и Всеволодъ белскій.

Мсти́славоу 1. Бесѣда о Мстиславѣ, князю тьмутороканьскôмъ, сынѣ Володимира Великого.

мꙋ́жайме сꙗ 9.

моужество́м 1.

Мꙋ́отено 9; ôдъ Муота (Водана), божій. Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 59.

мꙋ́тно 5.

мы 9.

мы́сле 10; **мы́слю** 8, 10, 13.

мы́сленоу 1, 2; (дословно „мысльному“), мысли.

мыте́х 9. По моѣй гадцѣ походитъ ôдъ **мытати** (метати), отже **мыти** (число многе) означає часъ, въ котрôмъ птицѣ мечутъ або роняютъ пѣре.

мычеши (гл. **мече́ши**) 12, **мы́чючи** 8.

мѣ́рите (**мѣри́т** ?) 13.

мѣсто́м 4.

мѣ́сꙗца (число двôйне) 9.

мꙗ 9, 9.

На (правитъ падежемъ 4 и 7.)

наведе́ 1; навѣвъ.

наво́дити 11.

на́ма (число двôйне) 13, 1[illegible] **на́ю** 14; число многе **на́мо** 8

на́пастьми 8 (може лучше чи[illegible]тати: `а **Черни́гово напа́сть**[illegible]**ми**.)

напо́лониво сꙗ (форма повно[illegible] голосна) 1; наповнивши ся

напрꙗ́жени 2; натягненѝ.

нари́щоуче 8; набѣгаючи.

на́силено 12; насильно.

наси́лиє 11.

на́сташа (мѣстце попсоване[illegible] 11; настали.

настоупи́ (**на́стоупи**) 8.

насы́па́ша 8; насыпали.

нача́ти 1, **нача́шꙗ** 4; **начꙗти** 1, **на́чꙗша** 8, **на́чꙗсте** 11.

не (частиця заперечаюча).

небесѣ́ 14.

неве́селаꙗ 8.

не́го 3, 13, **не́моу** 12, **ни́ме** 8; **не́ю** 11, **ни́ма** 9; **них** 2 5, **ни́ми** 4.

негото́вами 3; неготовыми, неуѣзжими.

не́же 3; нѣжь, якъ.

нелю́биꙗ 13.

незна́ємою 12, **незна́ємѣ** 3, 7, 10.

Неми́зѣ 11, на **Немзѣ̀** (такъ скорочую задля ритму) 11. Рѣка Немиза, доплывъ Свислочи.

нечестно́ 9, 9.

несо́шась 9.

нетрꙋ́дноую (число двôйне) 12; (на) легкихъ, нетяжкихъ.

нехоуда́ 10; нехудого, знатного.
ни; нѣ, анѣ.
ни́че 9; ничь, нѣщо.
ни́чите 7; никне.
но; але, лишь
'но (мѣсто **оно́**) 4.
Но́воуградоу 11. Бесѣда о Новгородѣ, где княживъ Ярославъ Мудрый.
Но́вѣградѣ 2. Новгородъ Сѣверскій, столиця Игоря.
нога́тѣ 10. Ногата становила 20-у часть гривны (около пôвъ рубля въ срѣблѣ).
но́сады 12; судна, байдаки.
но́сите 10; носитъ.
ноч 4, 11.
но́ще 3, 9.
ноужда (у Муссинъ-Пушкина. Въ своѣмъ выданю замѣнивъ я задля ритму на **Лжы**) 9.
ны; намъ.
нынѣшнаго 1.
нѣгоуюте 9; пестятъ, голублятъ.
Нѣмци 8; купцѣ нѣмецкй.

О (чувстенникъ) 2, 3, 5, 8, 9, 11, 12, 12.
о (правитъ четвертымъ падежемъ) 5, 5, 7, 11; (семымъ падежемъ) 1.
оба́ 2, 9 (и зъ акцентомъ **о́ба по́лы** 2).
О́бида 3, 8, **О́бидѣ** 4, **О́бидоу** 10.
Обиди́во 3; Обида-Дивъ.
оби́дными 10; ôдъ Обиды походячими.
оби́доу 6, 9, 10; кривду.
о́блакы 1, 2, 10, 12.
обо́юдна 11; обосѣчнй. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 17.
обрати́ша 9; обернули.
обы́чаꙗ 5.
обѣдѹ́ 13; на обѣдъ.
обѣси сꙗ 11; обвѣсивъ ся, повисъ.
ова́рескыꙗ 5; (оварскй), великаньскй.
Овлѹ́р 13; гл. **Влоур**.
оди́но 2, 2.
одо́лѣти 10, **одо́лѣсте** 9; подолѣти, побѣдити, воювати.
одѣ́квавшоу 13, **одѣ́квахъте** 9. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 31.
ожере́лие 11; огрѣле, нагруде. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 8.
о́зеры (для ассонанціи мѣсто **о́зера**) 8.
о́конию 11. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 46.
оксамиты́ 4. Греческе слово— означае парчу, мѣстцями шиту золотыми и срѣбными петлями.
О́лего 6, **О́льга** 6, **О́льзѣ** 6. Олегъ бувъ внукомъ Ярослава Мудрого, а дѣдомъ Игоря. Лѣтопись зове его хоробрымъ, але вразъ и незгодливымъ, дуже ворохобничимъ княземъ.
О́лего 9; молодшій сынъ Игоря.
О́льберы 9; одно племя финьске.

Ольгóво 4, **О́льгова** 14, **О́льговоу** 6; въ числѣ многôмъ **О́льговы** 6.
Ольгóвичи 10.
омóчю 12.
он 11; **онѝ же** 1.
онѝм 11.
опоутáша (пôсля М.-П. **опоустоша**) 9, **опоутáевѣ** 13, 13 (акцентъ не зовсѣмъ певный).
óрломе 1, 2; число многе **óрли** 3.
óртомами 4; бесагами, мѣшками.
Осмóмысле 10. Осьмомысломъ прозваный бувъ князь галицкій Ярославъ задля великои мудрости.
óстрыми 10, 11.
остѹ́пиша 5; обступили.
осѣ́длани 2.
от (зъ другимъ падежемъ) 1, 3, 5, 5, 5, 5, 8, 8, 11, 11. 11, 13.
óтлй 11 (такъ поправляю Муссинъ-Пушкинове **отъ нихъ**, не маюче нѣякого змыслу).
отвóри 11. **отвóрени** 2; **отвóряеши** 10.
отéць 8. „Отцемъ“ звались часто князѣ кіевскѝ въ ôдношеню до иншихъ князѣвъ.
отнѧ́ (отцѣвского) 5, 9, 10, 10; **отнѧ́** 13.
очѝма 8.

паволокы́ 4. Шовкова, золотомъ ткана матерія на верхню одежь.
пáде сѧ (попавъ ся) 8, **пáдоша** 7.
папóломоу (задля ассонанціи повинно бути **пáполомоу** 6, **пáполомою** 9. Слово греческе — означае покровъ покрывало.
пáпорзи 10; папороти. Гл „Темнѝ мѣстця“ ст. 13.
пáрдоуже 9; ôдъ **пардоугъ** = пардъ, рись.
пасéт 3.
пáшоуте (находитъ ся въ мѣстци попсованôмъ) 11; повѣваютъ.
пéревоую (форма повноголосна) 11, **пéревых** 1, 11.—**Пéрвое** 11; въ першій разъ.
пéреди (ôдъ передь) 2.
Переѧ́славлю 11.
пéрсты 1; пальцѣ.
печáль 8.
пир 7; бенкетъ.
Пирогóщей 14. Церковь Богородицѣ Пирогощои въ Кіевѣ побудована р. 1131 княземъ Мстиславомъ Великимъ. По преданю образъ Богородицѣ въ тôй церквѣ мавъ бути малёваный св. евангелистомъ Лукою и привезеный до Кіева зъ Царгороду.
плáваша 10; **плáваеши** 10.
плáмѧнѣ 8.
плáчете 12, 12, 12, 13.
плéчю 14; плечей.
плéщоучи 8.
Плѣснеска 9. Плѣснеско — старинне мѣсто въ давнôмъ

галицкôмъ княжествѣ, лежало коло Пôдгорець въ нынѣшнôмъ окрузѣ золочôвскôмъ. Єще и теперь пôдгорецкій монастырь называе ся „монастыремъ на Плѣснеску“.

по (правитъ падежемъ 3, 4 и 7.)

поблюсти́ (пôсля Муссинъ-Пушкина выходитъ **поблю́сти**) 10; стеречи.

побѣ́гоша 3.

побѣ́дами 8, 8.

побѣжда́юте 9.

пове́ргоша 10; покидали.

пови́ти 2.

поволоко́ста 9; поволокли.

повѣда́юте 5, 13.

по́вѣсте 1, **по́вѣстий** 1.

по́ганый 4, **по́ганаго** 8, 10, **по́ганоую** 9; въ числѣ многôмъ: **по́гании** 8, 8; **по́гаными** 9, 9 (и **пога́ными** 11); **по́ганыꙗ** 4, 5, 8 (и **пога́ныꙗ** 11).

погасо́ста (число двôйне) 9, **погасо́ша** 13.

погрꙋ́зи (погрузивъ, затопивъ) 8, **погрꙋ́зиста** 9.

погыбе́ 8.

погыба́ше (пôсля Муссинъ-Пушкина **погы́баше**) 6.

под (правитъ 4 и 6 падежемъ).

пода́ста 9.

подвиза́ша сꙗ 13; подвигнулись, пôднеслись, порушились.

подо́бию (м. **подобиемъ**) 3.

подпе́р 11, **подпе́ро** 10; пôдперши.

подѣли́м 9; подѣлѣмъ.

пожéреши (форма повноголосна) 13; пожерши.

по́звони 11, **позво́ниша** 11.

по́зриме (або **позри́м**) 3; поглянемо.

поиска́ти 9; пошукати.

покло́ниша 10.

покры́ла 9.

поле́гоша 7; полягли, головы поклали.

полѣтѣ́ти 6; **поле́чю** 12; **полѣ́тѣ** 13, 13.

поли́заша 11.

по́лночи 11.

полове́цкаго 3, **полове́цкыꙗ** (другій пад) 8, 13 (и **полове́цкыи** 7, 11), **полове́цкоую** 1, 8, 12, **полове́цкоу** 9, **полове́цкоме** 13; въ числѣ многôмъ **полове́цкыꙗ** 4, 4, 5, **полове́цкыхъ** 8.

Поло́вци 3, 5, 9, 10; въ числѣ един. **Поло́вчине** (пятый пад.) 4.

по́лозоша (форма повноголосна м. **по́лзоша**) 13; пôвзали.

по́локоу (форма повноголосна мѣсто **полкоу**) 1, 8, 10, 12; въ числѣ многôмъ: **по́лци** (самогласна л) 6, **по́локово** 8, **по́локы** 1, 1, 2, 5, 6, 7, 8, 10 (и **по́лкы** 4, 5, 9).

полони́ла 9; **полоне́ноу** 3.

Поло́тестѣ 11; (въ) Полоцку.

Поло́чаном 11.

полꙋ́днию 7.
полꙋ́ночи 13, **полꙋ́нощи** 3, 13 (пôсля Муссинъ - Пушкина выходитъ въ 13 уступѣ **по́лоуноши**).
по́лы 2; половины.
по́лю 4, 10; **полѣ́** 2, 4, 7, 10, 12, 13; въ числѣ многôмъ **полѧ́** 2, 2, 4, 4, 5, 5, 13.
по́лѧна 7; полита.
поме́ркоста (двôйне число) 9; померкли.
по́мнѧшете 1. Толкую черезъ „памятавъ", бо въ такôмъ змыслѣ понимаю цѣле речене; иншѝ выдавцѣ толкуютъ: споминавъ.
помо́лкоша 13; замовкли.
помоло́дити (?) 9.
Помо́рию 3; побереже Чорного моря.
по́мчаша 4; помчали, позаймали.
помѧнꙋ́вше 11; згадавши.
понизи́ть 11; похилѣтъ.
пони́че 9 (и задля риму **поничѐ** 11); поникла.
поо́стри 1.
попо́иша 7; попоили.
пороси́ 5.
поро́ждено 4.
посвѣ́чивѧ 5; посвѣчуючи.
поске́паны 5; на дрôбнѝ скинки розбитѝ, потятѝ.
по́скочи (для ассонанціи) 8, **поско́чи** 13; **поско́чѧше** 5.
послꙋ́хати 3.
посо́бие 9; помôчь.
постла́ 6; постелила.
Посꙋ́лию 3; земли надъ рѣкою Сулою.
посѣ́ѧна 7, **посѣ́ѧни** 11, 11.
поте́че 13, 13.
потокы́ 8.
пото́моу 14.
потопта́ша (задля алитераціи) 4.
потрепа́ти 8; подзвонювати.
потрꙋ́чѧти 5; пощербити.
по́тѧтоу 3.
по́хоти 3; (въ) хотѣню, жадобѣ.
похыти́м 9; займѣмъ, заберѣмъ.
почне́ме 1, **почнꙋ́те** 13.
поѣ́ха 3.
пою́те 8, 9, **поют** 14; **поѧ́ше** 1; спѣваютъ, спѣвавъ.
пра́вите 4; правити слѣдъ = слѣдъ справляти, проказувати.
пра́дѣднюю 9.
прего́родиша 4, 5, 5.
пред (въ 7. уступѣ **пре́до**) правитъ шестымъ падежемъ.
пре́дню 9; попередну.
преклони́лось 7, 13; (въ 13 уступѣ у М.-П. хибно **прѣклонило**).
прери́скаше 11; перебѣгавъ, перескакувавъ.
прето́ргоста 13; притомили.
при (правитъ семымъ падежемъ) 6, 13.
приведе́ 6.
пригво́здити 11; приковатя.
прикрыва́юте 5.

прикры́ти 5, **прикры́ла** 8, **прикры́ты** 3.
прила́мати (акцентъ не зовсѣмъ певный) 5; **прило́мити** 3.
прилѐтѣти 10.
прило́жити 3.
приодѣ́ 11.
припѣ́вкоу 11; приспѣвку.
припѣша́ли (?) 9; прохали, присѣкли.
притре́па (перебивъ) 11, **притре́пано** або **притрепа́н** (порубаный) 11.
притрепета́л 8; наводивъ страхъ.
прито́пта 8.
прихо́жыахоу 8; приходили.
про (правитъ четвертымъ падежемъ) 7.
проби́л 12.
пролия́сте 9.
про́стре 12, **простро́ша** 9.
пры́сноу 13.
пры́щеши (ôдъ **пры́скати**) 5.
пти́цю 10, **пти́цею** 11; въ числѣ многôмъ: **пти́ци** 8, 9, 13; **птиць** 3.
птич (имя збôрне) 2, 11; птицѣ.
поусты́ни 8.
поуть 10, 11, **пѹ́те** 2, 12, 13; **пѹ́ти** 2.
Поути́влю 12, **Поути́влѣ** 12, **Пѹ́тивлѣ** (читати бы можна в **Поути́влѣ**) 2.
поути́ны 9; пута, оковы.
поуща́ше 1, **поуща́шете** 1.
пѣ́сне 1, 2, 14, **пѣ́снь** 1, **пѣсни́** 1; **пѣ́сьми** 13.
пѣствóрця 14.
пѣ́ти 2, 14, **пѣ́вше** 14.
пя́тко 4; пятниця.

Ра́ди 14.
развѣ́я 12; розвѣявъ.
разлия́сь 8; розляла ся.
разлоучи́ста 7.
разѹ́мѣти 13.
ра́на 5; въ числѣ многôмъ **ранѝ** 10, 10, 10, 12, **ра́нами** 9.
ра́нены 10.
ра́но 5, 7, 9, 11, 12, 12, 12, 12, 12.
раскро́пити 10.
рассѹ́ясь (у Муссинъ-Пушкина **рассоу́шясь**) 4; розсѣявшись.
растѣ́кашете ся 2; розбѣгавъ ся, носивъ ся.
растя́шете 6.
расхы́тисте 10; (вы) розхватили, забрали, заграбили.
рата́еве 6; ратаѣ, земледѣльцѣ.
рати́ 6; въ числѣ многôмъ **ра́ти** 6.
ратна́го 1; воивного, рицарского.
Ревоуги́ 9; назва одного племени финьского.
Ре́дедю 1. Ледедя — князь Касогôвъ (Черкесôвъ).
ре́че 1, 3, 9, 12, 13, 13, 13, 13, (и **рече́** 2, 3, 9, 11, 13); **ре́коста** 8, **ре́косте** 9; **рек** 11, **ре́ко** (рекши) 14.
ржѹ́те 2.
ри́скаше 11; **ри́ця** 2; ôдъ **рискати** = великими скоками бѣчи або летѣти.

ро́зни (приходитъ въ мѣстци попсованôмъ) 11.

розѣ 8.

роко́тахоу 1; гремѣли, голосили.

Ро́мане 10. Романъ Мстиславичь, пôзнѣйшій князь галицкій, отець короля Данила.

Ро́манови 1. Бесѣда о Романѣ, братѣ Олега „Гориславича". Ôнъ вязавъ ся зъ Половцями противъ Руси, однакъ пôзнѣйше Половцями зôставъ убитый.

Роси́ або **Рси** 10. Рѣка Рось, доплывъ Днѣпра.

роспꙋ́щени 3.

Рости́слава 13, **Рости́славѣ** 13. Бесѣда о Ростиславѣ, сынѣ Всеволода, що въ 23 житя утопивъ ся въ рѣцѣ Стугнѣ.

Рости́славлꙗ (у Муссинъ-Пушкина неправильно **Ростиславꙗ**) 13.

ро́стре 13; розпростерла, розляла.

рострѣлꙗ́евѣ 13.

роука́во (або **роука́в**) 12.

Рꙋ́сичи 3, 4, 5, 7.

рꙋ́скаго 8; **рꙋ́скыꙗ** 8; **рꙋ́скои** 6, 7, 8, 8, 9, 11, 13, 14, 14; **рꙋ́скоую** 1, 7, 8, 8, 10, 10, 10, 11, 13; **рꙋ́скоу** 8; **рꙋ́скаꙗ** 3, 5, **рꙋ́скыме** 9; въ числѣ многôмъ: **рꙋ́скыѧ** 8, **рꙋ́скы** 5, **роуски́х** 11.

роучьи́ 13; ручаѣ.

рыка́юте 10.

рѣзанѣ 10. Рѣзань (дрôбна монета) вартости сорокôвця.

рѣка 13, **рѣкы** 8, **рѣкою** 13, **рѣцѣ** 5, 9, 12, 13; число многе: **рѣкы́** 8 (и задля ассонанціи **рѣкы** 5).

рѣтко́ 6.

рѣч 6.

Рюри́че (акцентъ не зовсѣмъ певный) 10; **Рюри́ковы** (adj.) 11. Рурикъ и Давидъ були сынами Ростислава. Великій князь Святославъ, довѣдавшись о сумнôй доли Игоря, хотѣвъ бувъ вступити ся за него. Ôнъ удавъ ся о помôчь до князѣвъ Давида и Рурика, але Давидъ ôдмовивъ.

рꙗдꙗ́ (правлячи) 10; **рꙗдꙗ́ше** 11.

С (рѣдко **со**) правитъ 2. и 6. падежемъ.

саблѝ 2, 7; число многе: **са́блꙗмо** 5, **саблꙗ́ми** 5, 9, 9, 10. Рускѝ воины XII. вѣка уживали побôчь славяньского меча такожь азіятскои шаблѣ.

са́лтаны 10; султаны. Єсть догадка, що войска галицкого князя воювали при боку Фридриха Барбароссы зъ султаномъ Салядиномъ.

сам 11, 11; число многе: **са́ми** 1, 2, 8, 8, 9, 9, 9 (и задля ассонанціи **сами́** 7); число двôйне **само́ю** (пô-

ся Муссинъ - Пушкина самаю) 9.
сваты́ 7.
свива́ꙗ 2.
свисну́ (неправильно задля ассонанціи) 13.
сви́сто 3.
свой, своꙗ, свое. Зъ ритмики церковныхъ молитовъ выходитъ у всѣхъ падежахъ акцентъ на першо̂й силябѣ и такъ акцентуесь переважно въ Словѣ; головне выняте становитъ число многе **своꙗ́** для розро̂жненя о̂дъ числа един. **сво́ꙗ.** Въ поематѣ подыбуемо слѣдуючи́ формы: **сво́его** 9 (и **своего́** 4), **сво́ꙗ** (задля ритму мѣсто **сво́еꙗ**) 5, **сво́емоу** 11, **своей́** 3, **сво́ю** 12 (и **свою́** 3, 6), **сво́ею** 1, **свои́м** 5, **сво́еме** 10; въ числѣ много̂мъ: **сво́и** 2, 3 (и задля ассонанціи **свои́** 11, 11), **сво́их** 8, 13, **своꙗ́** 1, 1, 3, 10. 10 (и задля ассонанціи **сво́ꙗ** 13), **сво́ими** 11, 13 (и **свои́ми** 8, 10, 10, 11); число двойне: **сво́ею** 12.
свы́чаꙗ 5.
свѣ́доми 2.
свѣт 2, 4, 10, **свѣ́то** 5, 9, 13, **свѣ́та** 7.
Свѣ́тите сꙗ 14 (може лучше булобы: **Со́лнце свѣ́ти(ть) сꙗ на небесѣ́.**)
свѣтлы́й 2, **свѣтло́е** 3, 12.
Свꙗто́слава 14. Святославъ той бувъ сучасникомъ поета Бояна и „пѣсьтворцемъ" Олега.
Свꙗтосла́вли носады 12; байдаки кіевского князя Святослава, на котрыхъ о̂нъ предпринявъ выправу противъ Половцѣвъ. — **Свꙗтсла́вли** 8; **Свꙗтосла́влю** 8.
Свꙗтосла́во 8, 9; за часо̂въ походу Игоревого князь кіевскій; прославивъ ся въ во̂йнахъ зъ Половцями.
Свꙗтосла́во („молодый мѣсяць") 9. Бесѣда о 19-лѣтно̂мъ Святославѣ Ольговичу, князю рильско̂мъ, котрый бравъ участь въ походѣ Игоря на Половцѣвъ.
Свꙗтсла́вличꙗ 1, 2, 10, 10, 10, **Свꙗтосла́вличꙗ** 4, 8; **Свꙗтосла́вличю** 1, 4, **Свꙗтсла́вличю** 14 — завсѣгды акцентъ на **а**.
свꙗты́ꙗ 11, **свꙗтѣ́й** 14.
сдоума́ти 8.
се 5, 9, 9, 11; бачь, ось.
се (pron.) 8, 9, 9; **се́го** 1, 2, 2, 10 (въ друго̂мъ уступѣ мѣсто **соловию стараго времени**, що не мае змыслу и навѣть противитъ ся ритмови, поправляю **соловию сего времени**); **сию́** 1; число многе **си́ꙗ** 2.
(на) **себе́** 8, 8; **себѣ́** (по̂сля тексту Муссинъ - Пушкинового) 2, 4, 6, **себѣ́** 9; **на себѣ́** 12.
сего́дни (такъ читаю въ 11.

уступѣ мѣсто Муссинъ-Пушкинового **сего бо нынѣ**).

се́дмоме вѣцѣ 11. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 74.

се́редца (форма повноголосна) 1, 9.

си́ленаго 9, **си́лены́ми** 8.

си́лоу 8, **си́лах** 8.

сине́е 9, **сине́го** 3, **сине́моу** 9, 9, **синѣ** 8, 11, 12, **сини́и** 5. Акцентъ неправильный, здаєсь для того, що **синий** въ Словѣ бересь всюды въ значеню перенесенôмъ. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 30, 51, 98.

си́ноч 9; сеи ночи.

си́цеи 6; такои.

ска́чюте 2; **ска́ча** 2.

сквозѣ 12; крôзь, черезъ.

ско́вана 9.

ско́чи 11, 11, 11, 13.

скрати́шась 6.

слава́ 3, 6 (и **сла́ва** 14), **славы́** 2, 4, 9, 11, **сла́вѣ** (такъ поправляю мѣсто Муссинъ-Пушкинового **славы**) 2, **сла́воу** 8, 9, 9, 11 (и задля ассонанціи **славѹ́** 1, 11).

сла́вию (соловѣємъ), 1, 2; число многе **слави́й** 4.

сла́ла 12.

слез 12, **сле́зами** 9.

сле́тѣста 9; злетѣли.

сло́во 9, **словесы́** 1.

Словѹ́тичоу 12. Словутичемъ названый Днѣперъ; въ пѣсняхъ народныхъ приходитъ Славута.

слы́шите 12, **слы́ша** 6, 11, **слы́шано** 6.

слѣдо 4, (на) **слѣдѹ́** 13.

сма́гоу 8; огонь, пожаръ. (Въ такъ званôй рукописи Катерины стоитъ **смагоу людемъ**; ритмика выказує, що **людемъ** єсть ту додаткомъ зовсѣмъ неможливымъ.)

смо́рци 13; сумерки. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 93.

смы́сленый (м. **смы́слено**) 11; розумно.

смы́слити 8; змыслити.

смѣше́но 9, 9.

сне́се ся 9.

снопы́ 11.

собѣ 10, **со́бою** 13.

соглядáти 8.

соко́л 8, 9, 10; **со́коло** 13, 13; **со́колоу** 4; **со́колом** 13 (и **соко́ломе** 13); въ числѣ многôмъ **соко́лово** 1, 1, **со́колы** 2; въ числѣ двôйнôмъ: **со́кола** (пôсля тексту М.-Пушкинового **соко́ла**) 9, **со́колома** 9.

соко́льця 13, 13, 13 (у М.-П. въ першôмъ зъ тыхъ мѣстць **соколича**.)

со́лнце 12, **со́лнцю** 10. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 90.

солови́ю 2, **солови́и** 13.

со́лонце (форма повноголосна мѣсто **солнце**) 3, 3, 14; **со́лонца** 5, 9.

сон 9.

сопряже́ 12.

соро́кы 13, 13.

Сóфии 11.
спáла 3; спалавъ, запалавъ, загорѣвъ.
спит 13.
сребрá 8.
сребрéно 4, сребрéнѣй 9, срéбреных 13, сребрéными 11.
срéди 7, 8.
срóни 10.
'ста (м. єста) 9.
стáдо 1, 1; въ числѣ многôмъ стады́ (шестый падежь) 2.
стáраго 1, 11, стáромоу 1, стáроу (?) 9, стары́ми (задля ассонанціи) 1, стáрымо 14.
створисте 9.
стелю́те (акцентъ неправильный) 11.
стлáвшоу 13; стелившому.
стóниши 5, стóюте 2.
столá 5, 9, 10, 10, 11; столѹ́ 13, столѣ́ 10.
стóлпа 9.
стонáти (можнабы читати стóнати) 11; стóноуци 3.
стрáдаше 11.
стрáны 10, 14; стран 5, 8.
стрéжаше 13.
стремéнь 3, 6; стрéмени (задля риму мѣсто стремена) 10.
Стри́божи 5. Гл. „Темнѝ мѣстця“ ст. 79.
стрикѹ́сы 11; боевѝ жребія. Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 50.
стрѹ́гы 13.
стрѹ́жиє 4, стрѹ́жиєм 11; ратище. (Слово тоє выводятъ ôдъ строугáти; по моѣй гадцѣ повстало оно зъ съ + роужиє, — дословно означає „складову часть оружія“).
стрѹ́ны 1.
строую́ 13, строуюáми 11, строуюáх 13.
стрѣлкы́ 12.
стрѣлы 6, 7, стрѣлáми 5, 5, 10, 13 (и стрѣлами 4, 5).
стрѣлюáти 10, стрѣлюáеши 10, стрѣлюáй 10.
Стѹ́гна 13.
стоудéноую 13.
стѹ́кноу 13.
стоупáєте 6.
стюáго 4, стюзи́ 2, 5, 7, 11, 11; прапоръ, прапоры. (Скандинавске stöng = жердка).
сѹ́до 6, сѹ́да 11; соуды́ 10.
соудюáше 11.
сѹ́лици 10, 10; списы, ôстрá у копій.
Соулá 11, Соули́ (для ассонанціи мѣсто Соулѣ́) 10, Соулóю 2. Рѣка Сула єсть доплывомъ Днѣпра.
Сѹ́рожоу 3. Сурожемъ звалось въ давныхъ часахъ море азовске.
сѹ́хоу 10.
сѹ́те 10.
схóпи ся 11.
сын 11, сы́но (?) 6, сы́ноу 9; въ числѣ многôмъ сынóв 11, сы́ны (шестый падежь) 10.
сынóвця 9 (у Муссинъ-Пушкина сыновчя).
сы́пахоуте 9.
сѣдинѣ́ 9; сивому волосю (ôдъ сѣдый).

сѣдиши 10.
сѣдла́й 2.
сѣдло́ 8, **сѣдла́** 8.
сѣню (м. **сѣнию**) 13; тѣнею.
сѣры́ме 1, 4, **сѣры́и** 2.
сѣя́ше 6, **сѣя́шете ся** 6.
ся (заименникъ зворотный) ставитъ ся передъ або по глаголѣ. Въ двохъ мѣстцяхъ стоитъ глаголъ зъ двома **ся**: **ся разлоучиста ся** 7, **ся подвизаша ся** 13.

Та гл. **той**.
та́ко 13.
та́мо 5.
Татра́ны 9; назва одного племени финьского.
тво́рити 1.
твою́ 11; въ числѣ многôмъ **твоя́** (?) 10 (гл. **грозы**).
тебѣ́ 3, 4; **тебе́** 5.
те́ктоме 13; стукотомъ.
телко́вино (акцентъ неправ.) 9. Гл. „Темнѝ мѣстця“ ст. 10.
телѣгы́ 3; мажѣ, возы.
те́мнѣ 13; темнôмъ.
темно́ 9.
те́пло 11, **теплы́ми** 13.
тере́мѣ 9; въ дворѣ.
те́чете 11, 11, **те́коуте** 5, **текꙋ́ть** 10.
тканиноу (у Муссинъ-Пушкина **канинноу**) 6.
ти (тобѣ) 9, 10, 13, 13; яко dativus ethicus 2, 2, 13 (не **тако ти**), 14, 14.
ти́совѣ 9.
то 1, 13; то (яко союзъ).
тогда́ 1, 3, 3, 6, 6, 9, 13, 13.
то́же (здае ся мѣсто **тойже**) 6.
той 1, 6, 11, **та** 1, **то** 6, 8, **то́го** 2, 8, **то́моу** 11, 11; въ числѣ многôмъ: **ти́и** 9, **ты́и** 10, **ты** 6, 6, **тѣ́ми** 10; въ числѣ двôйнôмъ **та** 8.
то́лько 13.
Топчакы́ 9; назва одного племени финьского.
то́ска 8, 9.
тоцѣ́ 11.
тоцѝми 9; порожными, пустыми.
трава́ 7, 13, **травꙋ́** (для ассонанціи) 13, **травѣ́** 11.
трепе́щоуте 5; дрожать.
тре́свѣтлое 11; тричи ясне.
тре́сноу 9, 10; затряслась, трѣснула, кинулась.
тре́тїй 9, **третяго́-дни** 7.
тре́ща(т) 7.
три 10.
тро́поу 2. Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 77.
троско́таша 13; скреготали.
тро́стию 13; въ тростину, въ очеретъ.
Тро́яню 2, 8, **Тро́яни** 6 (и **Троя́ни** 11). Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 73—79.
трꙋ́бы 2, 11, **трꙋ́бами** 2.
трꙋ́бяте 2, 11.
трꙋ́дных 1; сумныхъ, скорбныхъ.
трꙋ́доме 9. Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 30.
трꙋ́пя (м. **троупия**) 6.

трѹсꙗ 13; трусячи, стрясаючи.
тоу 5, 5, 7, 7, 7, 8, 8, 8, 11.
тоуга́ 9, 9, тоуго́ю 7, 7, 8, 12, 13.
тоулѝ 2, тоулы́ 12, тѹ́лы (шестый падежь) 9; сагайдаки.
тоур 2, 5, тоурѹ́ 14, тоуре́ 5, 5; въ числѣ многôмъ тоурѝ 10. Туры бувъ то рôдъ дикихъ волôвъ.
тѹ́тнете 5.
тѹ́чꙗ 5; чорнѝ (дощевѝ) хмары.
ты 2, 2, 10, 10, 10, 10, 10, 12, 12.
тьма 9, тьмо́ю 3, темо́ю 3, 9.
Тьмоуторо́канꙗ 9, Темоуторо́канꙗ 11, Тьмоуторо́канѣ 6. Пôвъ-островъ Тамань на всхôднôмъ побережу азовского моря; такожь назва мѣста.
тьмоуторо́канескый 3.
тѣ́ла 11, 11, тѣ́лоу 14, тѣлѣ́ 11, 12.
тꙗ́жко 14.

Оу (приименникъ зъ 2. падежемъ).
оубѹ́ди 3, 4, 8, оубѹ́диста 8.
ѹ́горескыи 10.
ѹ́далыми 10.
ѹ́же 3, 3, 5, 8, 8, 8, 8, 9, 9, 9, 9, 9, 9, 9, 9, 10, 11, 11.
оужинѹ́ 13; ôдъ оужинъ = вечеря.
оузоро́чьи 4; узорами, рѣчами дорогоцѣнными.
оум 10, ѹ́мо 1, 3, 9.
Оу́мри 9. Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 42.
ѹ́ношоу 13, ѹ́ноши 13.
оунѝли 11, оунѝша 9, 13; поникли, змарнѣли.
оусо́бица 8, оусо́бицѣ 1, оусо́бицами 6; межиусобна (домашна, братня) незгода, вôйна.
оуспѐ 4. — оуспи́л 8.
оуте́рпѣ (самогласна ρ) 11.
оуте́че 8. Такъ читаю пôсля рукописи царицѣ Катерины, копіи Муссинъ-Пушкиновои рукописи; въ выданю Муссинъ Пушкина приходитъ течє.
оуто́рже 11. Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 50.
оутра́ 6.
оутрѹ́ 12.
ѹши 6.
оущекота́л 2; оспѣвавъ, защебетавъ.

Харалѹ́жныꙗ 7, харалѹ́жныи 10, харалѹ́жными 5, 8, 11; булатными, сталевыми.
харалѹ́зѣ 9. Харалоугъ=криця, сталь.
хва́лоу 9.
хи́нова 10.
хи́новескыꙗ 12.
хи́нови 9; ханови.
хо́боты (находитъ ся въ мѣстци попсованôмъ) 11; хвосты (бунчуки) на стягахъ.
хо́ломы (форма повноголосна мѣсто холмы) 8.
хо́робро (акцентъ не зовсѣмъ певный) 4.

Хо́росови (форма повноголосна мѣсто **Хорсови**) 11. — Гл. „Темнй мѣстця“, стор. 81.
хо́рюгове 4.
хоти́ (ôдъ **хоть**) 5, 14; люба, жѣнка, приятель.
хо́чю 3, **хоцꙋ́** 3, **хо́тыте** 5, 6; **хотя́ше** 1; **хо́тя** (хотячи) 10.
хра́бра (ôдъ **храбръ**) 6, 11; въ числѣ двойнôмъ **хра́бра** 9.
храбра́я (ôдъ **храбрый**) 10, 10, **храбра́го** 8, 10, **храбро́мꙋ** 1, 4; въ числѣ двойнôмъ **храбра́я** 8; въ числѣ многôмъ: **храбри́и** 5, 7 (и задля ассонанціи **хра́брии** 10), **храбры́я** 1, 5.
хоудꙋ́ 13.
хоула́ 9; насмѣшка, наруга, ганьба.
хытрꙋ́ 11; хитрому, умному.

Цвѣ́лити 9; цвѣгати.
цвѣ́ты 13.

Ча́га 10; невольниця.
чайца́ми 13.
ча́сто 6, 11.
человѣ́комо 6 (зъ ритмики церковныхъ молитовъ выходитъ акцентъ **чло́вѣко**.)
чемꙋ́ 12, 12, 12, 12.
че́пы 12; цѣпами.
черене́на (форма повноголосна мѣсто **черлена**) 4, **черене́но** 4; **черене́ныя** 3, **черене́ными** 4, 5, 11; багряный, червоный.
че́рена (форма повноголосна мѣсто **че́рна**) 7; **че́реный** 4, **че́реною** 9; **че́реныя** 5.
черня́дьми (форма повноголосна мѣсто **чернядьми**) 13; чернядками, чернятами (рôдъ чорныхъ качокъ).
Че́рнигово (?) 8, **Че́рнигова** (самогласна р) 5, **Черни́говѣ** 9.
Черни́говескыми 9.
че́рпахоуте 9.
четы́ри 5.
чи (задля ритму м. **ли**) 9.
чиль (такъ выказує ритмика мѣсто Муссинъ-Пушкинового **чили**) — 2. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 11.
чисто́моу 3.
чо́лока (форма повноголосна м. **чолка**) 4; бунчукъ (хвôстъ) у стяга.
чрезъ 10, 14; **чрес** (форма фонетична) 2, 2, 11.
чти 2, 4, 5; чести.
что 7, 7.
чюжи́ 13.

Шарока́ню 9; Шаруканову. Шаруканъ, ханъ Половцѣвъ, побитый рускими войсками (р. 1107) ледви живый утѣкъ зъ побоєвища.
ше́ломоме 3, 9 (и **шело́моме** 5); въ числѣ многôмъ **ше́ломы** (першій падежь) 5, 10, 10, 11, **ше́ломы** (четвертый падежь) 5, 7 (и **шело́мы** 5),

шелóмы (шестый падежь) 2, 10 (и **шéломы** 10).
шелóмянем 3, 5. Гл. „Темнѝ мѣстця“ стор. 15.
Шéльбиры 9; назва одного племени финьского.
шерéширы 10; самострѣлами.
шестóкрильци 10.
шизы́ме 1; сизымъ.
ширóкыя 2.
ши́рыя ся 10; кружляючи (розширивши крыла).
шю́мите 7.

Щéкото 4; щебетъ.
щиты́ 3, 4, 5, 10, 11; **щи́тово** 9.

Є (мѣсто **єго**) 13, 13.
єгó 3, 12, 12; **емю́** 2, 3, 3, 3, 4, 7, 13.
єди́но 11, 11.
éдиє (у Муссинъ-Пушкина **оуєдиє**); ѣдá, жиръ.
емлáхоу 8; побирали.
єси́ 3, 5, 12, 12, 12; въ числѣ двôйнôмъ **єсвѣ́** 2, **'ста** (м. **єста**) 9.

Ѣ́дєте 14.
ѣ́здите 13.

Ꙗ 9.
ꙗ́звено 11; чепець, друге тѣло. Гл. „Темнѝ мѣстця“ ст. 50.
ꙗ́ко 8, 10 (**ꙗ́ко сóколо**). Въ IX уступѣ мѣсто **áкы** (**пáрдоуже гнѣздó**) лучше булобы **ꙗ́ко**.
ꙗпóнчицами 4; опанчами.
ꙗр 5, 5; буйный.
Ꙗрóслава 9. Бесѣда о князю черниговскôмъ, братѣ великого князя кієвского Святослава.
Ꙗрóславе 1. Ярославъ, князь галицкій, пановавъ ôдъ 1153—1187 року; держава его сягала ажь по Дунай, до устя Серета и Прута.
Ꙗрóславе 11. Пôсля Максимовича бувъ Ярославъ той княземъ пиньскимъ, сусѣдою и приятелемъ князѣвъ полоцкихъ.
Ꙗрóславлꙗ (adj.) 6; **Ꙗрóславоу** 1. Бесѣда о Ярославѣ Мудрôмъ, сынѣ Володимира Великого.
Ꙗрослáвна 12, 12, 12; **Ꙗрóславнино** (adj.) 12. Ярославна (дочка Ярослава Осьмомысла) була женою Игоря; хрестне имя єи *Евфросинія*.
Ꙗрóславо 6. Слово тоє находитъ ся въ мѣстци попсованôмъ (гл. **Всеволожь**); интерпреты поправляютъ на **Ꙗрославль** = Ярославовый.
ꙗроугы́ 2, 8, **ꙗроугáм**; яруги, вывозы.
Ꙗтвꙗзи 10; Ятвяги (сусѣды Литовцѣвъ).

Текстъ Слова пôсля выданя Муссинъ-Пушкинового.

Слово о пълку Игоревѣ Игоря сына Святъславля внука Ольгова.

I.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича.

Начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.

Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобіцѣ; тогда пущашеть ї соколовь на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь пояше, старому Ярослову, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю.

Боянъ же, братіе, не ї сололовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря; иже истягну умь крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю половѣцькую за землю руськую.

II.

О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ

*

подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы.

Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чресъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому. Чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовь внуче.

Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ. Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ, свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславличя; сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди. А мои ти Куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмлени, пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ“.

III.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону“. Спала князю умь похоти и жалость єму знаменіе застуни, искусити Дону великаго. „Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля половецкаго съ вами Русици; хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону“.

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ: Влъзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскый блъванъ.

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому; крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ птицъ подобію; влъци грозу въ срожатъ по яругамъ; орли

клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты. О руская земле! уже за шеломянемъ еси.

IV.

Длъго ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя плъкы половецкыя; и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святьславличю.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далеко залетѣло; не былонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине.

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому.

V.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти Д҃ солнца, а въ нихъ твепещуть синіи млъніи. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О руская землѣ! уже не шеломянемъ еси.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть; пороси поля прикрываютъ; стязи глаголютъ. Половци идуть отъ Дона и отъ моря и отъ всѣхъ странъ; рускыя плъкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрьлеными щиты.

Яръ Туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо

лежатъ поганыя головы половецкыя, поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде.

Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая!

VI.

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святьславличя. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославь сынъ Всеволожь: а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада князя.

Съ тояже Каялы Святоплъкь повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко святѣй Софіи къ Кіеву.

Тогда при Олзѣ Гориславичи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась. Тогда по руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, но часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицеи рати не слышано.

VII.

Съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта — летятъ стрѣлы каленыя; гримлютъ сабли о шеломы; трещатъ копіа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли половецкыи. Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю рускую.

Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось.

VIII.

Уже бо, братіе, невеселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ Дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ морѣ, у Дону плещучи убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганыя погыбе; рекоста бо братъ брату: „се мое, а то моеже;“ и начяша князи про малое „се великое“ млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю рускую.

О далече зайде соколъ, птиць бья къ морю: а Игорева храбраго плъку не крѣсити. За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми, тоска разліяся по руской земли; печаль жирна тече средь земли рускый; а князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи сами побѣдами нарищуще ва рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозный, великый, Кіевскый. Грозою бяшеть; притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи: наступи на землю половецкую, притопта хлъми и яругы; взмути рѣки и озеры; иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка изъ лукуморя отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ яко вихръ выторже: и паде ся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы половецкія, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево.

IX.

Уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче. А Святъславь мутенъ сонъ видѣ: „Въ Кіевѣ на горахъ синочь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чрѣною паполомою на кроваты тисовѣ. Чрѣпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя; уже дьскы безъ кнѣса вмоемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху у Плѣсньска на болони, бѣша дебрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю". И ркоша бояре князю: „Уже княже туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опустоша въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ г҃ день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; по руской земли простроша ся Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть хинови. Уже снесе ся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връже са дивь на землю. Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. А мы уже дружина жаднѝ веселія."

Тогда великій Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и много вои брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Топчакы, исъ Ревугы и съ Ольберы. Тіи бо бес щитовь съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте: „Мужаимѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ". А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

Нъ се зло княже ми не пособіе; на ниче ся годины обратиша. Се Уримъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову".

X.

Великый княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти: удалыми сыны Глѣбовы.

Ты буй Рюриче и Давыде! не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени, за землю рускую, за раны Игоревы, буего Святславлича!

Галичкы Осмомысл*к* Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперъ горы угорскыи своими желѣзными илъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; оттворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю рускую, за раны Игоревы, буего Святславлича.

А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи напорзи подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже княже Игорю утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони. По Рсі и по Сули гради подѣлиша, а Игорева храбраго плъку не крѣсити. Донъ ти княже кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Олговичи храбрыи князи доспѣли на брань.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци! непобѣдными жребіи собѣ власти

расхытисте. Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкіи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича.

XI.

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Єдинъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе. Упылы голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи.

Ярославе и вси внуце Всеславли! уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начяете наводити поганыя на землю рускую, на жизнь Всеславлю, которое бо бѣше насиліе отъ земли половецкыи! На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотче ся стружіемъ злата стола Кіевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣси ся синѣ мьглѣ, утръже воззни стрикусы, оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кравави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя; великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: „ни

хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божіа не минути". О! стонати руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей. Того старого Владиміра не льзѣ бѣ привоздити къ горамъ кіевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы а друзіи Давидовы; нъ рози нося имъ хоботы пашутъ, копіа поютъ на Дунаи.

XII.

Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: „О вѣтрѣ, вѣтрило! чему господине насильно вѣеши? чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему господине мое веселіе по ковылію развѣя?"

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ аркучи: „О Днепре Словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано".

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче!"

XIII.

Прысну море полунощи: идутъ сморци мьглами. Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли половецкой на землю рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти. Князю Игорю не быть. Кликну, стукну земля, въшумѣ трава:

вежи ся половецкіи подвизаша ся. А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду, въвръже ся на бръзъ комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече: „Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а руской земли веселіа“. Игорь рече: „О Донче! не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу. Стрежаше є гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьлядьми на вѣтрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту. Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславя по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли прѣклонило, а не сорокы втроскоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, по лозію ползоша только; дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ.

Млъвитъ Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами“. Рече Кончакъ ко Гзѣ: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею“. И рече Гзакъ къ Кончакови: „А ще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ половецкомъ“.

XIV.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца (стараго времени Ярославля) Ольгова, коганя хоти: „Тяжко ти головы кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы“; — руской земли безъ Игоря.

Солнце свѣтится на небесѣ: Игорь князь въ руской земли! Дѣвици поютъ на Дунаи; вьются голоси чрезъ море

до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ. Пѣти: слава Игорю Святъславлича, Буй Туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу! Здрави князи и дружина! (побаряя за христьяны на поганыя плъки. Княземъ слава а дружинѣ. Аминь.)

Ритмична будова молитвы „ВѢРУЮ“ *).

Вѣ́роую во єдина̃го Бо́га,
О́теца (и) веседе́ржителꙗ,
Тво́реца небꙋ́ и зе́мли,
Ви́димымо же весѣ́мо и неви́димымо.

И во єдина̃го Го́спода Исꙋ́са Хри́ста,
Сы́на Бо́жиꙗ єдиноро́дена,
Йже о́то О́теца рожде́на
Пре́диже весѣ́хо вѣ́ко.

Свѣ́та о́то свѣ́та,
Бо́га и́стинена о́то Бо́га и́стинена,
(И) рожде́на, несотво́рена,
Єдиносꙋ́ществена О́тецоу, —
И́може весꙗ́ (та) бы́ша.

На́со дѣ́лꙗ чло́вѣко
И за сопа́сениꙗ ра́ди на́шего
Соше́доша со не́бесо;
И вопло́тивошасꙗ —
О́то Дꙋ́ха свꙗ́та и Марі́и Дѣ́вы,
И вочло́вѣчошасꙗ.

---

*) Текстъ молитвы наводжу пôсля правописи старославяньскои а выговору староруского, читаючи кожде ą якъ оу, кожде ę якъ ꙗ, кожде ъ якъ о, кожде ь якъ є.

Разопя́та же за ны
При По́нотестѣ́ме Пила́тѣ, —
И стра́давоша и погре́бена и возоке́рсоша
Во тре́тий де́не по писа́ниемо.

И возоше́доша на небеса́,
И сѣ́дящи одесе́ноую О́теца,
И па́кы гря́доущи со сла́вою
Соуди́ти жи́вымо и ме́ртвымо,
Его́же ца́рествию не боуде́те ко́неца.

И во Дꙋ́ха свя́та,
Го́спода (и) животво́рящи,
Иже́ о́то О́теца исхо́дящи,
Иже́ со О́тецеме и Сы́номе
Сопокланя́ема и сосла́вима,
Глаго́лавоша про́рокы.

Во еди́ноую, святꙋ́ю
(И) собо́реноую и апо́столеско́у це́ркове.

Исповѣ́доую еди́но ке́рщение
Во оста́вление грѣ́хово.
Ча́ю возоке́рсения ме́ртвыхо
И жи́зни боудоущаго вѣ́ка, а́мине.

У В А Г И.

Въ словахъ **единаго** и **боудоущаго** уважаю самомогласну **а** довгою. Въ старославяньскомъ языцѣ въ другомъ падежи приложниковъ писали часто два **а** (добрааго, малааго), безперечено лишь для зазначеня довгости, бо годѣ

припустити, щобы два чистй **а** вымовлялись побôчь себе. (Въ Словѣ о полку Игоревôмъ мѣсто **граѧхоуть** приходитъ форма **граахоуть,** въ котрôй два **а,** якъ выказує ритмика, творятъ одну силябу: **гра́хоуте**).

Въ чотырёхъ мѣстцяхъ вставляю до тексту слово **и** н. пр. **Господа и животворѧща** (въ лат. текстѣ стоитъ: Dominum et vivificantem).

Мѣсто **вьсѧ быша** приймаю задля ритму **вьсѧ та быша** (въ грецкôмъ первотворѣ стоитъ: τά πάντα ἐγένετο).

Акцентую **зе́млѧ** (якъ въ Словѣ о полку Игор.) и **небо́.** Послѣдній выразъ стоитъ мѣсто **небес,** — согласна **с** на кôнци силябы потягнула акцентъ за собою. Мы нынѣ не кажемо: **не́беси, не́бесѣ,** отже и въ формѣ **небо** першои силябы акцентовати не можна.

Для старославяньского языка приймаю акцентъ **Хри́стосъ,** тымъ бôльше, що въ многихъ памятникахъ старославяньскихъ приходитъ ту самогласна **ρ** (**Хръстосъ**), котра безвыємково акцентовалась. Мы и нынѣ єще въ пятôмъ падежи акцентуємо силябу першу: **Хри́сте.**

Мѣсто **єдиносоущьна** кладу слово **єдиносоуществена.** (Такужь замѣну роблю и въ молитвѣ **Отьченашь: хлѣбо наш насоущество да́жде на́мо де́несе**).

Мѣсто **прежде** домагаєсь ритмика формы **предиже.**

Якъ акцентовати **жизни,** рѣшитись не могу; зъ молитвы **Царю небесьный** выходитъ акцентъ **жизни́.**

426408

Наукова бібліотека
Національного університету
«Києво-Могилянська
академія»

Переглядъ.

стор.

Вступнй уваги 3
Текстъ Слова 11
Перекладъ 33
Поглядъ на истор. и митол. сторону Слова . . . 48
Ритмъ поемату 51
Староруский римы (алитерація, ассонанція, властивй римы) 56

Правила акцентовй.

Самогласнй ρ и л 69
Самогласна ѣ 71
Силябы слабй и сильнй 73
Самогласнй ъ и ь, и вплывъ согласныхъ на акцентъ 78
Историчный розвôй руского акценту 87
Самогласнй вставнй є и о 91
Акцентъ въ словахъ зложеныхъ 93
Акцентъ глаголôвъ 95
Двоякій акцентъ слôвъ 96
Вплывъ приименикôвъ на акцентъ 101
Слова зъ двоякимъ акцентомъ 103

Доповненя до митологіи Готôвъ 107
Поправки 113
Словарь 119
Текстъ Слова пôсля Муссинъ-Пушкина 147
Ритмична будова молитвы Вѣроую 156

00
3

Dce. 40,00
PPB

230758

UKMA Library * Book

0530387